23-1-14

Индекс: 73325
Цена по подписке 5 руб.
В розницу — договорная

11–12 – 1992

ISSN 0235-7089

Фото Виктора Грищука

АЛТАЙ — ДРЕВНИЙ КРАЙ

ЗНАКОМСТВО С БЕЛОВОДЬЕМ

Фотографии Владимира СЕМИНА

Фото Юрия Козырева

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 11 — 12 —1992

Выходит с января 1989 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОР СЕРГЕЕВ

АЛЬТЕРНАТИВА

Возможно ли было перерождение коммунизма в капитализм в 1985 году?

Фото Виктора Грищока

Дважды в одном веке Россия радикально изменила основы своей жизни — государственное устройство, ценности и идеалы, быт, границы...

Первый переворот произошел в 1917 году и привел к национальной катастрофе. Сейчас во всем обвиняют Ленина, Сталина и прочих большевиков. Однако уже в 1918 году российская интеллигенция в знаменитом сборнике «Из глубины» в раскаянии призналась, что победа большевиков была не случайной. Лучшие представители России сказали о своей вине, о том, что они проторили дорогу большевикам, разрушив духовные устои жизни, основы российской государственности. В дальнейшем поиски виноватых продолжались, и к ним причислили всех предтеч большевизма начиная с Чернышевского, звавшего Русь к топору. Таким образом, решая традиционный вопрос «Кто виноват?», рассматривали не менее чем 50-летнюю российскую историю.

События последних лет при всем их драматизме, многочисленных жертвах трудно приравнять к катастрофе начала века. Тем не менее и людские потери, и резкое ухудшение жизни людей, и глубокие духовные потрясения, и развал государства — все это стимулирует поиски виноватых в этой драме.

Обвиняют функционеров «зрелого социализма»: Горбачева, Ельцина, Кравчука, Бразаускаса... Однако тот факт, что эти деятели в конце концов оказались лидерами демократических преобразований, заставляет спросить: а нельзя ли было перейти к новой формации эволюционным путем — зачем революции, если у власти остаются люди одной и той же среды, поколения, менталитета и при этом, несомненно, происходит радикальное изменение социальной системы?

Рассуждая о возможностях эволюционного перехода от тоталитаризма к современной цивилизации, можно подойти с разных сторон: например, перебирать критические ситуации, когда политики делали выбор, который затем предопределял последующие события. Но тогда мы попадаем в область фантазий и гадания. Более логично исходить из духовного и интеллектуального состояния общества, из того, какие идеи и представления в обществе были для него характерны в этот критический период, то есть из господствующих парадигм. И вопрос состоит в том, нельзя ли было постепенно преобразовать господствовавшие догмы, стереотипы общественного сознания таким образом, чтобы они не противоречили традиционным общечеловеческим ценностям, которые на Западе существуют в виде религиозных норм и либеральных ценностей.

Прежде всего обратимся к самому коммунизму. Да, есть достаточно оснований для того, чтобы считать коммунистическую идеологию идейной основой тоталитаризма, разновидностью фашизма. Однако и жизнеспособность коммунизма, и то, что его идеи заняли значительную роль в истории человечества, позволяют говорить о том, что здесь нельзя автоматически ставить знак равенства. Коммунизм глубоко укоренился в совет-

ском обществе и играл в нем множество функций, часть из которых, по-видимому, могла быть при определенных условиях примирена с общечеловеческими ценностями. Для того чтобы это утверждение — о вероятности интеграции коммунистических принципов в систему нормальных человеческих ценностей — не было голословным, предлагаю любому сомневающемуся проштудировать принятый XXII съездом КПСС «Моральный кодекс строителя коммунизма».

Если читать его непредвзято, то придется признать, что приведенные коммунистические заповеди отражают историческую, веками освященную тягу людей к справедливости (за исключением одной — «непримиримость к врагам коммунизма») и вполне соответствуют моральным постулатам любой мировой религии, а иные вообще списаны с христианских текстов. Уравнивая коммунизм в его моральных заповедях с христианством, я бы не хотел оскорблять ничьих религиозных чувств. (Правда, не хочется ломиться и в открытую дверь, доказывая близость коммунизма и христианства — то, что народ после 1917 года достаточно легко перешел от одной системы верований к другой, лишний раз говорит об этом.)

Христианство более тысячи лет было государственной идеологией, а не только религией, и оно так же преследовало всякое несогласие, как это делали коммунисты. Постепенно, со становлением гражданского общества, происходило отделение церкви от государства. Свобода совести стала одной из основных гражданских свобод. Победа коммунизма в России означала возникновение обратного процесса: новая религия превратилась в государственную идеологию, и произошло новое соединение «церкви» и государства.

Однако уже с 60-х годов начался своеобразный процесс «секуляризации» коммунизма. Его идеологические претензии ограничивались, марксизм как наука все меньше влиял на социально-экономические процессы. Идеологические догмы воспринимались достаточно условно и критически. Фактически из внутреннего употребления выпал тезис о «непримиримой классовой борьбе», и появились даже немыслимые, с точки зрения марксистской ортодоксии, понятия, как «общенародное государство», «рентабельность», «социалистический гуманизм» и т. п. Кстати, еще раньше появился и закрепился «социалистический патриотизм». Это, да и многое другое, показывает, что сфера интеллектуальных и духовных претензий коммунизма сужалась и приблизилась к традиционным функциям, выполняемым в других обществах религией и идеологией.

Особо следует сказать о самой коммунистической идеологии этого периода. Фактически ее осью, на которой все держалось, была не коммунистическая идея, а державная — вера в то, что СССР представляет собой великую страну. И совершенно не случайно, что в последнее время все противники демократических преобразований в России объединились под державными идеями. Удивительно, как это не произошло раньше, ведь коммунистическая идеология фактически стала одним из аспектов национального самосознания и в таком качестве могла существовать и дальше.

Принципиальная особенность ситуации состояла в том, что христианство в 70-е годы было вполне готово к диалогу с коммунизмом. В Латинской Америке даже произошел своеобразный синтез: возникла «теология освобождения», сочетавшая в себе постулаты марксизма с христианскими заповедями. Гуманизм христианства — провозглашение любви как основы жизни — открывал возможность слияния с коммунизмом или, по крайней мере, объявления прощения всем тем, кто ввергнул в свое время Россию в хаос. И если бы в стране нашлась личность масштаба Махатмы Ганди или Мартина Лютера Кинга, то и здесь мог произойти постепенный духовный поворот. Отказ от противостояния по идеологическим мотивам с сохранением какой-то преемственности заложил бы основу будущего эволюционного и бесконфликтного развития.

Вообще-то в СССР были люди, которые могли стать символами и носителями идеи исторического примирения красных и белых, коммунизма и капитализма. Фактически был близок к такой социальной роли академик Сахаров. Он выступал за конвергенцию капитализма и социализма. Что из того, что сама по себе идея достаточно абсурдна! Как способ исторического компромисса она вполне могла сыграть роль промежуточного звена и примирить непримиримое. Однако впоследствии Сахаров включился в политическую борьбу на одной из сторон и уже не смог выполнить роль Великого миротворца. Впрочем, то, что он делал в годы перестройки, было уже предопределено общими умонастроениями в стране.

Еще больше к роли социального миротворца подходил Александр Исаевич Солженицын. Его обращение к христианству в принципе совсем не препятствовало подобному развитию сценария. И если говорить об альтернативе, то она в том и заключалась, чтобы великий писатель возвысился до Мартина Лютера Кинга или Махатмы Ганди, отрицавших не только насилие, но и ненависть.

Трудно пройти мимо того, что позиция писателя во многом была, мягко говоря, нелогична. С одной стороны, он категорически выступал против новой революции, поскольку прекрасно знал, что всякая революция — это катастрофа. И в то же время был непримиримо настроен к тем институтам, которые обеспечивали само существование государства, и особенно к коммунистической идеологии, требовал их немедленного уничтожения. Однако уничтожение КПСС, армии, КГБ, коммунистической идеологии неминуемо вело к разрушению государства и к революции со всеми известными (и произошедшими у нас) событиями.

Огромное влияние на умонастроения советских людей в последнее десятилетие оказал Запад. Фактически у нас возобладало чисто американское отношение к коммунизму. В США коммунизма практически никогда не было, и ненависть американцев к коммунизму проистекала из страха перед термоядерной войной, которая могла разразиться между СССР и США. В Европе отношение к коммунизму как к некоторой религии или совокупности взглядов было вполне терпимое. Даже после XX съезда и разоблачений «Архипелага ГУЛАГ» компартии во Франции, Италии, Испании, Греции играли существенную роль в общественной жизни своих стран. Это была определенная политическая традиция, способ защиты интересов определенных традиционных институтов власти, экономических механизмов и идеологических догм.

А на российских кухнях господствовал антикоммунизм. Причем и патриоты, и демократы — все — яро обрушились на марксизм-ленинизм. С позиций антикоммунизма все очень просто: надо разрушить до основания всю социальную систему, поскольку она безнадежно порочна, и реставрировать или создать заново социальные институты, присущие современным западным странам. Собственно, в это время и сказывается то, что

коммунистическая (социалистическая) идея до этого времени в кругах интеллектуальной элиты никоим образом не была увязана, не примирена с традиционными российскими и общеевропейскими ценностями. Это и проявилось в том, что постепенно на смену идеям эволюционного преобразования приходит революционный лозунг разрушения «империи зла». И надо сказать, что иного и не могло быть. Для того чтобы искать и выдвигать реформаторские подходы, нужно было задолго до этого «вписать» коммунистическую религию в контекст мировой цивилизации, увидеть в ней один из (пусть и не самый лучший) вариантов движения к социальному прогрессу или хотя бы осознать его нравственное соответствие традиционным общечеловеческим ценностям. Но это не было сделано российской интеллигенцией.

Читатель, скорее всего, возмутится: «империя зла», тоталитаризм не имели права на существование и должны были быть разрушены! Все так! Но тогда надо признать закономерным итогом распад единого государства, потоки пролитой в межнациональных конфликтах крови, массовое обнищание людей, потери в культуре, да и вообще балансирование на грани тотального краха. Ан нет! Сейчас интеллигенция, продолжая клясть Ленина, а заодно и остальных большевиков, проклинает Горбачева, Ельцина, демократов... Поиски ответа на вопрос «Кто виноват?» стали очень популярными. Но ведь виноваты все. И, конечно, не в том, что в страну пришла свобода и оковы тоталитаризма пали. А в том, что после трех российских революций не хватило ума обойтись без четвертой.

Уничтожая КПСС, а в еще большей степени коммунистическую религию, интеллигенция подготовила и крах государства, и развал страны. Первым, кто внес наибольший вклад в нынешнее разрушение России, был Солженицын. Его непримиримая позиция, его моральный статус совести нации освятили деятельность последующих крушителей. Шафаревич, Солоухин, Кожинов и другие «патриоты», полностью отвергшие коммунизм и противопоставившие ему православие как духовную основу общественной жизни, на самом деле и являются теми, кто стоял у истоков нынешнего краха. Демократы? А демократы пришли достаточно поздно. Ельцин, Попов, Афанасьев, Яковлев, Старовойтова и другие включились в политическую жизнь тогда, когда борьба могла быть только под лозунгами антикоммунизма. Предшествующие формальные и неформальные духовные лидеры подготовили только такую почву.

Горбачев с его «социалистической идеей» был обречен, ведь весь цвет российской интеллигенции пошел в атаку на коммунистические догмы и буквально в течение двух лет разнес их в пух и прах. Старались все: и будущие национал-патриоты, и будущие демократы. Напор был огромен. И, наверное, в этот момент иной ход событий был просто невероятен. Общество, и прежде всего интеллигенция, интеллектуально и нравственно было настроено только на новую революцию. И вот только теперь, когда почти все рухнуло, люди в очередной раз стали осознавать, что реформистский путь движения вперед гораздо лучше и выгоднее, чем великие потрясения, какими бы мотивами их ни оправдывали.

Российская интеллигенция второй раз в истории одного века не смогла найти правильный, точнее, оптимальный способ разрешения проблемы, верный путь из очередного исторического тупика, в который занесло страну. Вместо того чтобы превратить коммунизм в безобидную религию, деформировать его в сугубо нравственное учение, она предпочла его уничтожить, совершенно не задумываясь о последствиях.

Сейчас наиболее активная часть интеллигенции, разочаровавшись в идеалах свободы и демократии, вновь жаждет революции, точнее — контрреволюции, выдвигая лозунги уже не антикоммунизма, а «Великой России». Как когда-то большевики, нынешние патриоты опять хотят великих потрясений. Оплакивая «державу», они в порыве очередного ослепления хотят уничтожить даже то, что осталось от сверхдержавы...

Не исключено, что российской интеллигенции все-таки удастся уничтожить свою страну.

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА

— преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

— добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

— забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

— высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;

— коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех и все за одного;

— гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат;

— честность и добросовестность, правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

— взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

— непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;

— дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни и вражде;

— непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;

— братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Русские фашисты

Об истоках русского фашизма, причинах его возникновения, идеологии наш корреспондент Татьяна Максимова беседует с молодым историком, аспиранткой Института российской истории Светланой Онегиной.

— Да здравствует Россия! Единым фронтом на борьбу против Сталина и кровавого коммунизма!

— Русские люди! Вставайте в ряды русской фашистской партии во имя спасения России от жидо-коммунистического ига!

— Каждый русский патриот должен понять, что главные враги России — евреи и коммунисты!

— Русские фашисты осуществляют свою величайшую на страницах мировой истории миссию — воссоздания российского державного национального дома!

Лозунги русских фашистов

— Как ни странно было узнать, но идеи фашизма — идеи военной экспансии, расового неравенства, классовой гармонии, всевластия государственной машины — были близки и многим россиянам, покинувшим Родину после Октябрьской революции. Расскажите о первых русских фашистах-белоэмигрантах.

— Первую русскую фашистскую партию — Национальную Организацию Русских фашистов (НОРФ) основали в 1924 году в Сербии белоэмигранты: профессор Д.П.Рузский и генерал П.В.Черский. В 1927 году эта организация издала свою программу, которая «исходила из общих положений итальянского фашизма, но соответственно русским условиям намечала путь революционной борьбы с большевизмом и будущий ход восстановления освобожденной от коммунистов России». Вскоре она прекратила свое существование.

В конце 1926 — начале 1927 года в Харбине кубанский казак Ковган создает организацию под названием Рабоче-крестьянская казачья оппозиция, или Русские фашисты (РККО—РФ). Сохранились две его книги — «Еврейство и Сатанизм» и «Записки Неуча».

В своей программе члены этой немногочисленной организации декларировали: «*...Сама партия Рабоче-Крестьянская Казачья Оппозиция или Русские Фашисты состоит из рабочих, крестьян и казаков с лозунгами и девизами, отражающими желания народных масс. Можно сформулировать так, что РККО—РФ — это три кита, на которых Россия стояла 300 лет. Опираясь на эти три главные силы России с их лозунгами и желаниями, есть полная возможность свергнуть настоящих узурпаторов жидо-коммунистов, поработивших Россию и русский народ, и восстановить настоящую Россию на началах Федерации — Штатов — Республики с Президентом во главе, то есть полное народоправство и самоопределение народов*». РККО — РФ действовала до середины 30-х годов, большой популярностью среди российских эмигрантов она не пользовалась.

Русские фашисты существовали и в США. В 1933 году русский эмигрант Анастас Вонсяцкий создает Всероссийскую Фашистскую организацию (позже переименована во Всероссийскую Национал-Революционную партию). В 1934 году он пытается объединить свою организацию с Русской Фашистской партией в Маньчжурии — для *«создания единого антикоммунистического фронта в Русском Зарубежье»*. Но спустя год этот союз распадается. Во второй половине 30-х годов он разослал по всему свету около 3 млн. номеров издаваемой им газеты «Фашист» и бесчисленное количество фашистских листовок и открыток. И тем не менее число его сторонников было крайне малым.

«Бурной» деятельностью Анастаса Вонсяцкого заинтересовалось правительство США. 9 мая 1942 года ФБР устроило обыск в его имении, конфисковало оружие и большое количество фашистской литературы. 22 июня 1942 года Вонсяцкого приговорили к 5 годам тюремного заключения и штрафу в 2 тысячи долларов. После освобождения от политической деятельности он отошел.

— Но, насколько я понимаю, эти партии и организации были немногочисленны и недолговечны и, наверное, имея в виду только их, как-то проблематично говорить о влиянии фашистских идей на русских...

— Конечно, ни в коем случае нельзя преувеличивать это влияние, но и преуменьшать его все же не стоит. Наиболее сильные позиции были у русских фашистов в Маньчжурии. И причин для этого было немало. Надо учесть, что между двумя войнами здесь проживало более 50 тысяч русских эмигрантов.

Здесь были русские учебные, культурные и иные общественные заведения. При Харбинском юридическом факультете, созданном русскими профессорами-эмигрантами, работало Русское студенческое общество, объединявшее также студентов и из других высших учебных заведений Харбина. К 1924 году внутри Общества сплотилась небольшая конспиративная группа, в которую вошли бывший офицер белой армии А.Покровский, сын генерала белой армии В.Голицын, сын казачьего офицера П.Грибановский, сын генерала белой армии М.Матковский, сын крупного банковского чиновника В.Олесов, эмигрант Б.Ливенцов, эмигрант Б.Румянцев. В качестве идеологической основы для борьбы с коммунизмом Покровский предложил идеи итальянского фашизма. В 1925 году из членов этой группы и других русских студентов была создана Русская фашистская организация (РФО).

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Российской Нации нужен передовой отряд, нужна Партия Нации — Всероссийская Национальная партия, Партия Национальной Революции — сегодня, Партия Национального Строительства — завтра. Такой Всероссийской Национальной Партией призвана стать со временем наша Всероссийская Фашистская партия, потому что под знаменами ее собрались сильные, самодеятельные русские люди, потому что эта Партия явственно слышит родной голос Нации и в программе своей формулирует Национальную волю, потому что современная жизнь требует именно фашистских форм оформления Нации,— фашистские формы обеспечат победу над коммунизмом, фашисты дадут наилучшую организацию национальных сил в корпоративную систему национального трудового государства, фашистские формы гарантируют от еврейской и масонской опасности... Выражая общерусские цели, Всероссийская Фашистская Партия только с максимальной отчетливостью формулирует пути и способы борьбы — план свержения коммунизма и план возрождения России... К.В.Родзаевский («Нация». Шанхай, 1936).

— Обычно успех той или иной авторитарной организации связан с сильной личностью. Если говорить о фашистах, то у итальянцев — это Муссолини, у немцев — Гитлер. А была ли такая фигура у русских «наци»?

— Конечно. Деятельность русских фашистов в Маньчжурии неразрывно связана с именем Константина Родзаевского. В Харбин он приехал 18-летним юношей в августе 1925 года. Поступив в Харбинский юридический факультет, уже в начале 1926 года вступает в Русскую фашистскую организацию и вскоре становится членом актива РФО. В 1927 году он организовал первые русские фашистские профсоюзы в Харбине — «Союз Национальных Синдикатов русских рабочих фашистов Дальнего Востока» (СНС). СНС напрямую подчинялся Центральному Комитету Русской фашистской организации.

В 1931 году группа Родзаевского заявила о своем выходе из ЦК и РФО и о создании ими новой русской, национально-революционной партии. Группа устроила совещание с представителями оставшихся синдикатов и провозгласила это совещание «первым съездом русских фашистов». На этом «съезде» было принято решение об учреждении Русской фашистской партии, приняты обращение к эмиграции «Русские люди», проект программы РФП. В руководство РФП вошли: президент — генерал белой армии Космин, генеральный секретарь — К.В.Родзаевский, избран также Центральный Комитет; впоследствии высшим органом партии стал Верховный Совет.

Русская фашистская партия начала свою работу с распространения листовки «Русские люди» и издания «Программы РФП», привлечения новых членов из числа остатков СНС, РФО, эмигрантов. Но работа по привлечению новых членов протекала слабо; партия находилась на нелегальном положении (китайские власти не поддерживали фашистов), не имела ни помещения, ни печатного органа, ни средств. И лишь с приходом в 1932 году в Харбин японцев началась работа.

— Можно ли в таком случае говорить о самостоятельности русских фашистов или они существовали под протекцией японцев?

Фото Григория Тамбулидиса

— В 1931 году началась оккупация Маньчжурии Японией. В 1932 году было создано государство Маньчжоу-го (Великая Маньчжурская империя), находившееся под гласным и негласным контролем и управлением японцев. Япония рассматривала белую эмиграцию как своего будущего союзника в борьбе с Советским Союзом. Не случайно все русские эмигрантские организации в Маньчжурии попали под японскую опеку, к каждой из них в качестве «друга» был приставлен японский советник. «Другом» Русской фашистской партии был сотрудник японской военной миссии майор Акикуса. Существует множество документов, подтверждающих, что русские фашисты получали от японцев денежные средства для ведения своей работы, поставляли своих людей в различные японские заведения, занимавшиеся шпионажем против СССР. Эмигрантские организации, не поддававшиеся японскому захвату, как, например, «Российский Обще-Воинский Союз» (РОВС), были закрыты, а их руководители высланы в Шанхай.

В конце 1934 года, не удовлетворенная такой формой руководства, японская военная миссия для управления эмиграцией создает Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Бюро было

объявлено «общеэмигрантским центром», каждый эмигрант был обязан состоять в нем на учете, платить в БРЭМ однопроцентный взнос и делать разного рода пожертвования. Русскую эмиграцию в Маньчжурии японцы объявили 5-й народностью Маньчжоу-го: подданные, но не граждане. Эмигрантам предписывалось вступить в управляемую японцами Маньчжурскую государственную организацию «Общество мирного сотрудничества народов Маньчжурской империи» «Кио-Ва-Кай», а по месту жительства — в Кружки соседского взаимопонимания («Гонари Гуми»); женщинам — в Общество содействия государственной обороне («Какубо Фудзеенкай»); молодежи — в «добровольческие дружины», учащимся — в детские и юношеские организации — «Сейнендан» и «Сионендан». Частные эмигрантские школы были закрыты и заменены государственными, подчиненными государственным, городским и провинциальным управлениям, со стандартной, как в китайских школах, программой, с уменьшением преподавания русского языка и с японскими руководителями. В Харбине и по всей стране открылись многочисленные кружки «изучения ниппонского языка». Русские высшие учебные заведения заменили «Северо-Маньчжурским университетом».

— Основа каждой политической организации — идеология. Какими были идеологические принципы Русской фашистской организации? И как они внедрялись в массы?

— Русская фашистская организация в 1927—1931 годах продолжала разработку идеологии русского фашизма. В этот период были изданы: «Основные положения Русского Фашистского Движения», «Тезисы Русского Фашистского Движения».

После войны, находясь в московской тюрьме, К. Родзаевский пишет в своих показаниях: *«...Идеология Русского Фашизма разрабатывалась Покровским и Румянцевым, потом мною, в убеждении, что каждой эпохе свойственна своя международная ведущая идея, что такими идеями в прошлом последовательно были либерализм, демократия, социализм, что на смену им грядет «эра фашизма» и что «каждый народ должен создать свой фашизм, сочетающий общемировые формы с историческими традициями данного народа». Эти исторические традиции мы усмотрели в идеале «Святой Руси»: государства, основанного на православной вере и социальной справедливости».*

Свои идеи РФП (в 1934 году переименована во Всероссийскую фашистскую партию — ВФП) распространяла через центральный орган «Наш путь», ежемесячный журнал «Нация» и журнал «Фашист».

В то же время были созданы «Идеологический Совет» и «Комиссия по изучению СССР», некоторое время готовившая ежемесячные сводки о положении в СССР для журнала «Нация». В 1933 году в Харбине открылся Русский клуб — центральный штаб фашистов. Здесь же работал игорный притон, вносивший приличные суммы в кассу партии.

Подготовка кадров первых русских фашистов в период существования РФО осуществлялась через «Политические курсы РФО» — еженедельные лекции и собеседования, проводимые Покровским и Румянцевым. В то же время начались первые доклады о фашизме для всех желающих в помещении Студенческого общества. Впоследствии существовала довольно четкая ступенчатая система политического образования: начальная — «Элементарные курсы фашизма», средняя — «Районные школы фашизма» и высшая — «Фашистская академия имени П. А. Столыпина».

Такие идеологические методы дополнялись и практическими. Фашисты срывали проводимые советской колонией в Харбине торжественные собрания по случаю революционных праздников, демонстрации советских фильмов, для чего отключали свет, подбрасывали сосуды с сероводородом, чихательные порошки...

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

...Нас, Русских Фашистов, многие, настроенные против, обвиняют в том, что наше фашистское учение является точной копией фашизма иностранного: итальянского и германского.

...Российское Фашистское Движение построено на началах религиозных, национальных и трудовых. Не случайно одним из лозунгов русских фашистов является: «Бог. Нация. Труд».

...Русские Фашисты считают, что Россия испокон веков была оплотом Православия, и Православие являлось одним из объединительных факторов для создания Русского государства из разрозненных до тех времен славянских племен, что именно Православие осветило их путь светом истины и указало дорогу к дальнейшему нравственному совершенствованию, поэтому необходимо почитать культ Святого Равноапостольного князя Владимира, как утвердившего Православие на Руси...

...Русский народ является Народом-Богоносцем ...этим сознанием своей избранности и религии были наделены не только широкие людские массы, а в наибольшей степени и лучшие представители русской нации, когда-либо писавшие об этом, например, В. Соловьев, Н. Гоголь, Ф. Достоевский...

...Русская национальная идея покоится на основе Российской Великодержавности и выказывается в стремлении к социальной справедливости. В историческом прошлом идея эта была наиболее ярко выражена в национальном идеале «Святая Русь». Идеал этот выдвигает высшие ценности: Веру Православную и Землю Русскую, на собирание которой так много трудились Иван Калита, Дмитрий Донской, Иван 3, Иван 4 и другие, своей верностью национальной идее заложили начала Российского фашизма в историческом прошлом... (Н. Иванов. Российский Фашизм — глубоко национальное движение. Шанхай, 1936).

— По какому принципу осуществлялся прием в члены РФП?

— Желающие писали заявление о том, что «разделяют вполне идеологию и тактику Русской фашистской партии». Сначала их определяли в сочувствующие, затем — в кандидаты и через какой-то срок — в действительные члены. Существовали первичные (2—5 человек) организации — фашистские ячейки, более крупные — «очаги» и организации в одной или нескольких странах — «отделы».

Отделы партии были в США, Уругвае, Литве, Румынии, Сирии, Японии, Канаде, Чили, Новой Зеландии, Филиппинах, Индокитае, Марокко, Греции, Бельгии, Германии, Голландии, Испании.

Для вступления в организацию заполнялась анкета и опросный лист, на каждого члена велось личное дело, на каждую организацию — также. В феврале — марте 1934 года были учреждены сопартийные органы: «Российское Женское Фашистское Движение», «Союз Юных Фашистов — Авангард», «Союз Юных Фашисток-Авангардисток» и «Союз Юных Фашистских Крошек».

— Как мы уже поняли, русские фашисты были достойными последователями фашистов итальянских. Относится ли эта преемственность к форме, знакам отличия или, как это называли фашисты, «непосредственной пропаганде»?

— Конечно же, все это было. «Непосредственной пропаганде» отводилась важная роль.

В начале 1934 года ЦК РФП принял постановление о форме, значке, партийном гимне. Формой организации была принята черная рубашка, черные галифе и сапоги, портупея через плечо; значком — сочетание свастики с двуглавым орлом царской России; приветствием — поднятие вверх правой руки с возгласом «Слава России!». «Фашистки» носили белые блузки с галстуками в виде банта.

Каждая организация имела свои знамена с эмблемами, в центральной части которых была, конечно же, свастика. В таком живописном виде фашисты выходили на парады, демонстрации. Эти шествия действовали на массы и привлекали новых членов. За 1934 год численность организации в Харбине достигла 2000 человек, по всей Маньчжурии — 6000 человек, с заграничными организациями — 15 000, к 1937 году общая численность достигла 20 000 членов. Всего за годы существования партии через нее прошло около 30 тыс. человек.

— Как у любой серьезной организации, у Всероссийской фашистской партии высшим органом был съезд. Их прошло четыре. Правда, первым посчитали информационное совещание, вторым — переговоры между Всероссийской фашистской организацией Вонсяцкого и РФП. А вот 3-й можно по праву назвать важнейшим событием в жизни партии...

— Были выработаны проекты Программы, Устава, план антисоветской «внутрисоюзной» работы, подготовлены отчет о проведенной работе и финансовый отчет. Военная миссия дала добро на съезд и предоставила помещение. Съезду предшествовали бесконечные заседания ЦК ВФП. Программа прошла единогласно. «План Новой России» как общенародного государства, базирующегося на «советах без коммунистов и евреев», предложенный Родзаевским, был принят единогласно. Проекты Устава партии и плана «трехлетки» на предварительных заседаниях ЦК вызвали разногласия и были перенесены на съезд.

3-й Всемирный съезд ВФП состоялся в июле 1935 года.

Проект Программы был принят с незначительными поправками и обнародован последующими двумя изданиями в виде «Новой Программы ВФП», проект Устава — подавляющим числом голосов. Съезд провозгласил К. Родзаевского Главой Всероссийской фашистской партии и избрал предложенный им состав Верховного Совета ВФП, Центральной Контрольной Комиссии и Центральной Ревизионной Комиссии. Не вызвал возражений и «план фашистской трехлетки».

— Что это за план?

— План борьбы с Советской властью. Предполагалось свергнуть ее за три года и приурочить это к 1 мая 1938 года.

— Но ведь это наивно короткий срок...

— Да, но вот что об этом писал сам Родзаевский: *«...Я абсолютно верил, что большинство русских людей настроено против власти, что Советская власть держится исключительно террором ЧК-ГПУ-НКВД, блестящей организацией сыска, которая делает невозможной централизованную внутреннюю организацию, но что внутри страны — в армии, в партии, в самом НКВД, в народе — идет кровопролитная внутренняя борьба, существуют многочисленные мелкие организации, их террор и контртеррор власти. В организационном отношении объединить эту борьбу невозможно, но возможно объединить в идейном отношении, разрозненные выступления не принесут пользы, но если заблаговременно назначить отдельный срок единовременного выступления и широко оповестить об этом сроке население СССР, то задача может быть будет достигнута и Россия будет «спасена». Так думал я тогда, ослепленный своим недоверием и ненавистью к власти, которая в моем представлении «губила» русский народ, а на самом деле вела его к расцвету и привела к неслыханной мощи.*

Я считал, что методом работы должна быть посылка внутрь СССР через все границы листовок, пропагандирующих «трехлетку». Повсеместный посев тайных, не связанных друг с другом и с нами оппозиционных, революционных, национал-революционных и фашистских ячеек с одновременным повсеместным их выступлением 1-го мая 1938 года».

— Что конкретно фашисты делали для того, чтобы выполнить этот план?

— На территорию СССР засылались группы, снабженные листовками и фашистской литературой. К этому пытались также привлечь капитанов пароходов. Фашистская литература закладывалась в бутылки, которые при выходе парохода на границу сбрасывались в воду в расчете на то, что часть из них попадет на территорию СССР.

В 1936 году совместно с японской военной миссией в СССР засылается «1-й фашистский отряд спасения Родины». Плохо снабженный оружием и боеприпасами, он вскоре был настигнут частями НКВД и уничтожен.

4-й съезд (июнь 1939 года) Всероссийской фашистской партии постановил считать «трехлетку» частично осуществившейся, *«так как в СССР введен культ родины и колхозники получили приусадебные участки».*

Новый генеральный план фашисты формулировали как «национальный антикоминтерновский сговор».

Как писал К. В. Родзаевский: *«Антикоминтерновский сговор должен был заключаться в сговоре со всеми иностранными фашистскими движениями, для построения против Коминтерна — Антикоминтерна всех иностранных фашистских организаций, а также в поисках таких элементов в Германии и Японии, которые стояли бы на точке зрения войны не за отторжение территорий, а идеологической — уничтожение коммунизма для создания дружественной России...»*

— Значит, все же фашисты не отказались от своей глобальной цели — установления фашистского строя в России? И в то же время после гибели «1-го фашистского отряда спасения Родины» они решают отойти от активной внутрисоюзной работы...

— Да, и в этом, видимо, заключался их главный просчет. Правда, они продолжают пополнять сеть русских агентов, используемых японцами для шпионской и диверсионной деятельности. Но с 1938 года японцы сначала сокращают организацию, а затем и вовсе прекращают финансирование. 1 июня 1943 года Русский фашистский союз был официально закрыт властями Маньчжоу-го.

— И последний вопрос. Как сложились судьбы членов РФП — РФС после оккупации Харбина советскими войсками в августе 1945 года?..

— Почти все жившие там бывшие члены Российского фашистского союза и их семьи, а также члены других эмигрантских политических организаций были арестованы.

Через год, в конце августа 1946-го, в Москве состоялся судебный процесс по «Делу бывшего белогвардейского атамана Г. М. Семенова, руководителя Российского фашистского союза К. В. Родзаевского и других...». По приговору Военной коллегии Верховного суда Союза ССР Григорий Михайлович Семенов был повешен, а Константин Владимирович Родзаевский расстрелян в сентябре того же года.

КОМАНДУЮЩЕМУ ОККУПАЦИОННЫМИ ВОЙСКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ СССР В МАНЬЧЖУРИИ МАРШАЛУ А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ.

В эти дни со всех сторон Вы получаете поздравления с победой. Война в Маньчжурии окончена, и СССР стер позор старой России в прежней Русско-Японской войне. Над исторической Русской крепостью веет знамя Новой РОССИИ — советское Знамя Революции.

Я не имею права к общему хору приветствий нашего народа присоединить свое и своих соратников поздравление, но как Русский человек, как вчерашний враг СССР, пересматривающий весь свой жизненный путь и всю свою былую антисоветскую работу, я могу выразить свою и всех тех, кто идет за мной — искреннюю радость по поводу очередной славной советской победы, по поводу новых блестящих достижений Российской Армии — Красной Армии СССР под Вашим командованием и сталинским руководством.

В ночь на 13 августа я покинул Харбин, а перед тем вышел из состава «Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи», не для спасения своей жизни, а для спасения от опасностей переходного периода работы в моей организации — и потому, что мы не хотели участвовать в войне против нашей Родины. Мы уже сделали много роковых ошибок, назвали наше молодежное и национально-трудовое движение «фашистским», боролись с коммунизмом вместо борьбы с мировым капитализмом, были на стороне Германии в решающие для нашего государства и народа годы, 1941—1943, работали как друзья, союзники, пленники и рабы японцев в последние 14 лет, но давно уже сомневались в правильности нашего пути, давно колебались и искали путей примирения с Родиной, и, конечно, не могли не понимать, что война СССР с Японией ведется явно за Русские национальные интересы. Мы были против коммунизма, когда коммунизм был против религии и нации, поскольку религия и нация были орудиями прежних господствующих классов, но когда старые классы были уничтожены, когда религия и нация примирились с коммунизмом и коммунизм с ними примирился,— цели борьбы исчезли, борьба стала бессмысленной и преступной... Поэтому, хотя 9—10 августа мы и сделали вид, что хотим принять участие в войне СССР с Японией на стороне Японии, но уже 9.08 стали уничтожать архивы, литературу нашего «Российского Фашистского Союза», а 11.08 я согласился уехать из «Маньчжу Ди-го» [Маньчжоу-го] при условии, что мне будет разрешено взять с собой моих соратников.

Автор этого письма — бывший Глава Российского Фашистского Союза, 20 лет своей жизни, с 18 до 38, убивший на создание новой российской идеологии, сочетающей идеи религиозные, национальные и трудовые, ведший упорную борьбу за эти идеи — против коммунизма, против СССР и в конце пришедший к выводу, что лучшая часть из идей, в которые он верил, осуществлена в СССР через примирение коммунизма и внутрироссийского национализма — гением Сталина, руководством Советского Правительства, лучшими представителями всепобеждающей Красной Армии и сталинской Партии.

Покинув Харбин вместе с маленьким кадром последних единомышленников, я нашел в поезде других руководителей бывшего «Главного Бюро» и различную случайную публику, в среде которой мы тотчас же образовали замкнутую группу, от лица которой, едва выбравшись за пределы «Маньчжу Ди-го», я сделал соответствующее заявление ближайшим советским представителям, послав через них также письмо на имя Вождя Народов Председателя Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина. В этом письме я подробно изложил свою душевную эволюцию от лже-фашизма к национал-коммунизму и сталинизму и утверждаю, что в моем представлении интересы России и коммунизма сейчас и навсегда абсолютно совпадают и что Армия мировой революции — Красная Армия СССР — одновременно выполняет великую миссию Российской великодержавности, раз Россия, ставшая СССР через построение социализма в одной стране, стала единственным в мире социалистическим государством.

Я рассказал в этом письме о тех невозможных условиях, в которых находился наш «Российский Фашистский Союз» в «Маньчжурской Империи» и в других странах — страдания русских людей, которые я наблюдал и переживал, привели меня к бесспорному выводу, что никакое подлинно национальное движение не может развиваться вне родной страны, направляться из-за границы.

В настоящее время я жду решения по моему делу, готовый к любому приговору — умереть, если это нужно для Родины, или работать для России, ее Армии, ее ведущей Партии, ее Правительства и ее Вождя — Вождя народов И. В. Сталина, с горячим стремлением — активной, инициативной, самоотверженной работой загладить былые заблуждения и ошибки.

Центр нашей организации был в Харбине, отделения во всех странах. Бывший «Российский Фашистский Союз» был связан со многими другими эмигрантскими организациями и с различными иностранными движениями.

Много идейной молодежи и честных жертвенных Русских людей состояло в наших рядах. В эмиграции осталось много ценных специалистов, писателей, журналистов, культурных работников. В искупление 20 лет минувшей антисоветской жизни моей мне хотелось бы развернуть широкое движение по примирению эмиграции с Родиной, по возвращению лучших элементов эмиграции на Русский путь — на Советский путь, по популяризации новой России — СССР, ее Армии, ее Партии, ее Правительства, ее Вождя — Вождя народов — по всему миру.

Во времена господства японцев в Маньчжурии — «Российский Фашистский Союз», несмотря на свое название, совсем не соответствующее его идеологической сущности, занимал крайне левое положение в среде различных эмигрантских организаций. О нас говорили: «фашизм — это тот же коммунизм, по пословице — тех щей да пожиже влей». К нам шли не руководители и верхи, а преимущественно низы эмиграции — молодежь, вчерашние солдаты и младшие офицеры белых армий, труженики эмиграции. Нетрудно проверить, что по классовому своему составу наша организация представляла собой рабоче-крестьянский массив эмиграции. И шли в нее не столько ради антисоветской работы в разных разведывательных и контрразведывательных органах. Наша газета была закрыта, центр стал испытывать различные давления, кончившиеся в конце концов формальным закрытием в 1940 году и фактическим в 1943 году. Я сам трижды арестовывался, через моего адъютанта был пропущен электрический ток, многие из лучших наших соратников погибли в застенках по подозрению в советской работе и в результате разных интриг и провокаций. Такое отношение японцев духовно и физически добило наши организации в «Маньчжу Ди-го».

Но люди остались. За годы существования «Р.Ф.С.» значительное число харбинских эмигрантов прошло через наши организации. Большинство из них отошло от организации за нашу прогерманскую политику во время германо-советской войны. Многие из них сделались постепенно убежденными советскими патриотами. Но я теперь беспокоюсь за их судьбу, как бы они не пали жертвой понятного недоразумения.

Слово «фашист» в советском понимании имеет вполне определенный смысл заклятого злодея. Слово «российский фашист» в нашем понимании означало противника мирового еврейского капитализма, Русского националиста, стремящегося к созданию новой России на началах религии, нации и труда. Сейчас, когда все силы русских людей должны быть брошены на огромную восстановительную работу, а на Востоке — на экономическое и культурное освоение Маньчжурии и на противодействие вражьим интригам в Китае,— вчерашние «российские фашисты», перевоспитавшись в национал-коммунистов, советских патриотов, беспартийных большевиков и убежденных сталинцев,— могут принести немало пользы Русскому Делу — Делу мировой революции.

Я прошу Вас и через Вас соответственные следственные органы — внимательно разобраться в деятельности нашего «Российского Фашистского Союза» в Маньчжурии и обратить внимание, что, несмотря на свой про-фашистский и вынужденно про-японский характер, эта деятельность всегда стремилась к защите Русских интересов, Русского имени, Русских людей. Ни один русский человек — эмигрант или гражданин СССР — не был никогда арестован на основании наших материалов, но многие были спасены. Мы старались по мере сил бороться за правовые, экономические и культурные интересы эмиграции. Не наша вина, что работа давала слабый результат, что она была невидима для непосвященных, что нас смешивали с враждебными элементами и в конце концов уничтожили нас организационно и идейно. По слухам, Вы заявили от лица Советского Военного Командования, оккупировавшего Маньчжурию, что берете Российскую эмиграцию под свою защиту. Прошу Вас взять под свою защиту — во имя справедливости и в интересах Родины — бывших российских фашистов, по недоразумению, по заблуждению или из-за моей страстной проповеди состоявших в нашем Движении. Эти люди могут быть полезны для Родины. Одни из них многое знают, другие располагают различными специальностями, организаторскими способностями и другими качествами, полезными для СССР сегодня и завтра.

Были шкурники и оппортунисты, но были и идейные люди, шедшие по пути борьбы до самого конца, до тупика и теперь открыто заявляющие о своих ошибках и готовые искупить эти ошибки — любым путем, который им будет указан.

Я ничего не прошу для себя, кроме возможностей служения Родине и, конечно, не претендую ни на какое доверие. Думаю, что факты покажут искренность моего перехода. Но я прошу справедливости и чуткого понимания для тех, кто во имя любви к Родине из-за моего руководства в глазах Русских людей могли заслужить страшное название «изменники Родины».

Некоторые из нас вынуждены были служить в Ниппонской Военной Миссии и в других учреждениях, в «Главном Бюро по делам Российской эмиграции в Маньчжурской Империи», в эмигрантской и японской печати, заниматься разнообразной антисоветской работой, вести антисоветскую пропаганду. Но ни один из нас не занимался палаческой деятельностью, не стремился к какой-нибудь антирусской активности. Многие из нас были своего рода «внутренним сопротивлением» в вражьей работе, не останавливаясь перед неприятностями и риском для жизни. Сейчас, без преувеличений можно сказать: за судьбой Российской эмиграции в Маньчжурии с трепетом следит Российская эмиграция во всех странах. Гуманное отношение не только сохранит для Родины много ценных Русских жизней из числа находящихся под властью оккупационных властей, но и привлечет сердца миллионов Русских людей в Европе и в обеих Америках. Сам Бог сейчас дает Российской эмиграции повсеместно великий шанс — примириться с Родиной, если Родина сможет понять и простить. Мы всегда с надеждой взирали на Красную Армию. Но раньше наши надежды имели нелепо-антисоветский характер, мы надеялись на военный переворот. Теперь мы видим, что Красная Армия вместе с ВКП(б) под руководством Сталина спасла Государство от разгрома, народ от порабощения, и что ее великие полководцы сумели сковать неразрывный и всепобеждающий союз всех живых сил Российской Нации: союз Армии и Партии, Государства и Церкви, народа и Вождя. Прошу Вас бывшим российским фашистам, оставшимся в Маньчжурии, дать возможность получить амнистию Советского Правительства, войти в гражданство Великого Советского Союза и самоотверженной работой на благо Родины доказать искренность своего перехода.

Помогите и нам на этом трудном обратном пути. Как хотелось бы за двадцати годами антисоветской жизни, съевшими молодость, отдать все силы, энергию, инициативу, ораторский, газетный и организаторский талант работе на благо Родины — и в конце концов заслужить право на возвращение «домой»... это теперь зависит от решения И. В. Сталина и Советского Правительства.

Извините за это письмо. Может быть, я не имею права его писать. Находясь в Тяньзине, мы пока находимся в весьма неопределенном и опасном положении. Здесь — много разных влияний и сил. Но мы хотим, чтобы Родина знала наши мысли и стремления в эти дни. И чтобы знала Правду о нас — нашу Правду — родная Красная Армия и ее победоносные военачальники. Это письмо передается через ближайших советских представителей одновременно и как приветствие, и как просьба,— вместе с лозунгами, которые — верите Вы или нет — искренне рвутся сейчас из наших сердец:

— Да здравствует наша Родина, былая и будущая, вечная Россия — сегодняшняя и вечная СССР!

— Да здравствует славная победительница Красная Армия, возвращающая Родине потери былой Российской Армии, оплот счастья народов СССР, освободительница всех народов земли!

— Да здравствует сталинская коммунистическая партия — ведущая партия народов Советского Союза и неизбежно грядущей мировой справедливости!

— Да здравствуют сталинские Маршалы — великие полководцы великого Русского народа — и величайший полководец полководцев — Вождь народов Иосиф Виссарионович Сталин!

Слава России!

Тяньзинь. 4—09—1945 г.

К. В. Родзаевский.

К. В. Родзаевский был арестован 29 сентября 1945 года. Письмо написано в одном экземпляре и находится в деле К. В. Родзаевского среди материалов «Судебного процесса по делу антисоветских белогвардейских организаций агентов японской разведки...». Письмо отпечатано на пишущей машинке на 8 листах, вырванных, вероятно, из блокнота. Заглавие и подпись сделаны чернилами.

Публикация **С. ОНЕГИНОЙ**

ВАДИМ КОЖИНОВ

ОЛЬГА и СВЯТОСЛАВ

*«Родина» открывает новую рубрику — «Созидатели России». Сегодня, когда наше Отечество переживает небывалый кризис, все мы, его **небезразличные** граждане, ищем пути возрождения России. Оракулов и рецептов много. Наш же журнал стоит на том, что спасение страны возможно только на пути отстройки нового здания на прочном, выдержавшем уже тысячу лет, «дедовском» фундаменте.* Россия видела и знает многое, ее исторический опыт столь велик, что он способен «прокормить» не одно поколение. Важно востребовать его и уметь им воспользоваться.*

В публикациях под новой рубрикой мы расскажем о людях, которые в критические, узловые моменты российской истории брали на себя бремя государственной ответственности и снова поднимали, возвеличивали Россию. Это будут небольшие исторические исследования, где образы святоотеческих мужей предстанут подвижниками, живота своего не жалеющими ради достоинства и славы Отчизны.

Все нарастающий интерес к родной истории побуждает людей обращаться к уже давним историческим курсам — прежде всего Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева (которые, к общей радости, переизданы), поскольку более поздние — и дореволюционные, и, в особенности, послереволюционные — посвящены главным образом изучению *социально-экономических* основ развития России, что приходится сказать, в частности, даже и о созданном на рубеже XIX—XX веков замечательном «Курсе русской истории» В. О. Ключевского.

Между тем одним из необходимых и важнейших условий полноценного познания истории является изучение и понимание судеб и поступков исторических *личностей* — правителей, деятелей Церкви, творцов культуры и т. д. Говоря об этом, я в данном случае вовсе не ставлю весьма дискуссионный вопрос о самой значимости (большей или меньшей), *о роли* личности в истории; это особенная, сложная проблема.

Речь идет о совершенно ином сюжете: о том, что только в воссоздании судеб, поведения и сознания исторических личностей можно раскрыть ход истории во всей его многосторонней, но единой *полноте* — от сдвигов в экономике и быте до смены миропонимания и высших духовных исканий. И именно этим в конечном счете привлекают всеобщее внимание «История государства Российского» Карамзина и «История России с древнейших времен» Соловьева, где исторические личности так или иначе находятся в центре исследоваиия и повествования. В частности, и Карамзин, и Соловьев в той или иной мере воссоздали личности первых правителей Руси — Кия, Рюрика, Аскольда, Олега, Игоря, Ольги, Святослава.

Но нельзя не учитывать, что первый том соловьевского труда, где речь шла об этих князьях, был закончен еще в 1850 году (нельзя не отметить и то, что Соловьев был тогда весьма молодым — тридцатилетним — историком). За истекшие с того времени почти полтора столетия были открыты, или уточнены, или по крайней мере подтверждены многочисленнейшие исторические факты IX—X веков, а с другой стороны (что не менее важно), выяснен и осмыслен ряд основополагающих ситуаций и тенденций той давней эпохи — например, сущность и роль мощного Хазарского государства, а также истинный характер взаимоотношений Руси и Византийской империи (а это были две «определяющие» силы в тогдашней Восточной Европе и западной части Азии).

Из «Истории...» Соловьева можно узнать только то, что к середине IX века приднепровские русские племена платили дань хазарам, а вскоре, в 880-х годах, пришедший с севера Олег подчинил этих данников хазар себе. «Надо было бы ожидать,— справедливо замечал по этому поводу Соловьев,— враждебного столкновения Руси с последними, но, как видно, до летописца не дошло предание об нем» или же «в самом деле столкновения не было», поскольку хазары «были заняты тогда сильною борьбою с печенегами». И «столкновение» с хазарами, по мнению Соловьева, произошло лишь через восемьдесят (!) лет, когда князь Святослав, «узнав», что одно из русских племен — вятичи (они населяли восточную часть тогдашней Руси) — все еще платит дань хазарам, «бросился на последних, одолел их кагана, взял его главный город»[1]*.

К этому, в сущности, и сводится хазарская тема у Соловьева. Но позднее, особенно за последние три десятилетия, появились несколько десятков книг[2] и сотни статей историков и археологов, где данная тема исследуется и с фактической точки зрения, и в своем глубоком историческом смысле. И вот краткий вывод видного современного историка Древней Руси А. Н. Сахарова, сделанный в 1986 году. В «Повести временных лет», отметил он, «под 965 годом следует запись: «Иде Святослав на козары». За этой лаконичной и бесстрастной фразой,— утверждает историк, основываясь на работах последнего времени,— стоит целая эпоха освобождения восточно-славянских земель из-под ига хазар, превращения конфедераций восточно-славянских племен в единое Древнерусское государство... Хазария традиционно была врагом в этом становлении Руси, врагом постоянным, упорным, жестоким и коварным... Повсюду, где только можно было, Хазария противодействовала Руси... Сто с лишним лет шаг за шагом отодвигала Русь Хазарский каганат в сторону от своих судеб»[3].

В более чем столетней борьбе с Хазарским каганатом Русь испытала и тяжкие поражения, и великие победы. Давно уже складывается убеждение, что именно это противоборство нашло художественное воплощение в русском героическом эпосе — богатырских былинах, хотя (как, впрочем, очень часто бывает в существующем *в устной* традиции эпосе) первоначальное имя врагов — хазары — впоследствии заменилось во множестве былин именем более поздних врагов Руси — татары[4].

С этим вроде бы не согласуется тот факт, что в центре богатырского эпоса находится не победитель хазар Святослав, а его сын — князь Владимир; однако, несмотря на сокрушительный удар, нанесенный хазарам Святославом, последний победный поход на них пришлось совершить именно Владимиру. В его «Памяти и похвале», составленной в своей основе еще в XI веке монахом Киево-Печерского монастыря Иаковом, сообщается, что Владимир «на казары шедъ, победи я (их) и дань на нихъ положи». Этот поход упомянут также и в арабских хрониках конца X века и относится, очевидно, к 985 году[5]. Так что борьба с хазарами заняла даже не столетие, а не менее полутора столетия. И только в ситуации этой борьбы, которая неразрывно связана и с темой «Русь и Византия», можно действительно понять деятельность Ольги и Святослава. И предлагаемая характеристика Ольги и Святослава основана прежде всего и главным образом на многочисленных новейших работах русских историков и археологов.

В 944 году (есть и другая дата — 945 год, но она представляется менее достоверной), а по мнению ряда историков, даже еще в 943-м, князь Руси Игорь был жестоко убит взбунтовавшимся племенем деревлян (их неправильно — ср. «Повесть временных лет» — зовут теперь «древлянами»), с которого он пытался собрать «излишнюю» дань. Сын его Святослав, родившийся, по всей вероятности, в конце 930-х годов, был еще ребенком, и правительницей стала вдова Игоря — Ольга. Вышеупомянутый монах Иаков писал об Ольге: «Теломъ жена сущи, мужску мудрость имеющи». И, судя по делам ее, Ольга имела не только мудрость, но и выдающуюся силу духа, и поистине не женскую волю и отвагу.

Если исходить из летописных дат, Ольга ко времени своего правления была уже весьма пожилой женщиной, ибо ее обручение с Игорем отнесено в летописи к 903 году и, значит, в 944 году ей было никак не менее пятидесяти пяти лет, а Святослава она будто бы родила незадолго до своего пятидесятилетия. И эти разительные «несоответствия» с глубоким недоумением отметил

* Библиографические ссылки см. в конце статьи («Родина», № 4, 1993).

уже Карамзин в своей «Истории...» (да еще и до него — В. Н. Татищев), не говоря уже о множестве новейших русских историков. Тем не менее заведомо несостоятельная хронология так или иначе используется и до сего дня (М. Н. Тихомиров не без возмущения писал еще в 1947 году, что «явно сказочную хронологию пытаются оправдать различными домыслами»); в частности, она поддерживается в церковной литературе, где считают неуместным какой-либо «пересмотр» вошедших в жития святой Ольги дат. Не собираюсь оспаривать этот довод, но речь ведь идет и о летописи, где — что признавал чуть ли не любой касавшийся вопроса историк — хронология IX — первой половины X века заведомо не обладает точностью.

Между прочим, летопись, в сущности, сама себя опровергает: с одной стороны, Ольга, согласно ей, вступает в брак в 903 году, с другой же — в 955 году она прибывает к византийскому императору, и-де «увидел царь, что она очень красива лицом и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе» (перевод Д. С. Лихачева). А ведь, если верить летописной датировке, Ольге было тогда уже по меньшей мере 65 лет... Словом, есть все основания полагать, что Ольга обручилась с Игорем гораздо позднее, чем указано в летописи.

Вообще, обращаясь к сведениям летописи, необходимо всегда учитывать, что дошедшая до нас «Повесть временных лет» была составлена в 1110-х годах — то есть более чем через полтора столетия после времени Ольги и Святослава. В древнейших русских сочинениях (того же монаха Иакова или митрополита Илариона), которые были созданы намного ранее «Повести временных лет», из династии Рюриковичей названы только князья Игорь, Святослав и Владимир; по-видимому, через столетие с лишним уже не было точного знания о том, чьим сыном был Игорь. Но впоследствии, стремясь продемонстрировать единство династии, Игоря объявили сыном Рюрика. Это совершенно неправдоподобно, так как между кончиной Рюрика (по летописи — 879 год) и рождением Святослава (примерно 937—938 годы), который будто бы являлся его внуком, миновало, оказывается, шестьдесят лет! У нас нет оснований отрицать, что Игорь действительно был потомком Рюрика, но он не был, очевидно, его сыном, уж в крайнем случае — внуком. А признание Игоря Рюриковым сыном неизбежно «заставило» создателей летописи отнести те или иные вехи и события его жизни к значительно более раннему времени, нежели в действительности.

Это всецело ясно из следующего. В летописи, как уже говорилось, женитьба Игоря на Ольге отнесена к 903 году. Далее утверждается, что в 913 году он стал княжить, в 914-м — воевал с древлянами, в 915-м «пришли *впервые* печенеги на Русскую землю» и, наконец, в 920-м Игорь «воевал против печенегов». Две последние даты особенно сомнительны, ибо в той же самой летописи далее, под 968 годом (то есть речь уже идет о времени Святослава), снова записано: «Пришли *впервые* печенеги на Русскую землю».

Но главное даже в другом: мы видим, что в течение двух десятилетий, от 920 до 941 года (когда состоялся уже совершенно достоверный, отраженный и византийскими хрониками, поход Руси на Константинополь), в летописи не отмечено *ни одного* события, связанного с именем Игоря. Естественно сделать вывод, что на самом деле этот князь воевал с древлянами не в 910-х, а намного позднее — в 940-х годах, когда и произошло в конце концов роковое для Игоря столкновение.

Итак, события, связанные с Игорем, были отнесены летописцем к более ранним, чем в действительности, датам — для того, чтобы протянуть нить от Игоря к его мнимому отцу Рюрику. Между тем в 903 году, когда будто бы состоялся брак Игоря и Ольги, оба они, скорее всего, даже еще и не родились; летописную дату начала правления Игоря — 913 год — вернее уж будет считать датой его рождения.

Один из виднейших новейших историков — М. В. Левченко (который, кстати, как и Тихомиров, называл летописную хронологию жизни Игоря и Ольги «сказочной») писал о династии Рюриковичей, как она представлена в летописи: «Два первых поколения (Рюрик... и Игорь...) живут на протяжении полутораста лет, а под летописным Игорем скрываются по меньшей мере два лица (историк предположил, что в событиях 940-х годов участвовал уже другой Игорь — не тот, который действовал в 900—910-х годах.— *В. К.*)... пред нами, бесспорно, сознательно фальсифицированная родословная»[6]. Но гораздо более правдоподобна другая точка зрения, высказанная рядом историков: речь должна идти не о двух Игорях, а *о двух Олегах* (ведь образ Олега в летописях с очевидностью «раздваивается»: его называют то князем, то воеводой, он погибает в разное время и в разных местах, и сообщается даже о двух различных его могилах; следует учитывать и тогдашнюю распространенность имени Олег в среде князей; так, Олегом звали и одного из сыновей Святослава). И «второй» Олег правил, надо думать, во времена, представленные в летописи как первые десятилетия правления Игоря, который на самом деле начал править, по-видимому, совсем незадолго до своей гибели.

Исходя из этого, следует признать, что и Игорь погиб от руки древлян еще в достаточно молодом возрасте, и Ольга была молодой вдовой, о чем свидетельствует и ее громадная энергия (она совершила целый ряд многообразных и значительных деяний), и ее очевидное развитие, изменение ее убеждений и самого поведения, ярко выразившееся на протяжении 940—960-х годов.

О молодости Ольги свидетельствует и тот факт, что Святослав явно был единственным сыном, которого она успела родить в браке с Игорем. В договоре Игоря с Византией перечислены послы от Игоря, малолетнего Святослава, Ольги и от двух *нетиев*, то есть, по-современному, племянников Игоря; если бы у Игоря имелись другие дети, без сомнения, были бы назначены послы и от них. Так что «единственность» Святослава прочно удостоверена.

Итак, в 944 году оказавшейся у власти после гибели Игоря Ольге было, по всей вероятности, менее тридцати лет; сыну же ее — лет семь-восемь (хотя и существует сомнительная летописная дата его рождения — 942 год). Это вытекает из всей совокупности дошедших до нас сведений. С одной стороны, в летописи сообщается, что Святослав в 944—945 годах, когда мать взяла его с собой в поход против древлян, был «детескъ» и смог только перекинуть боевое копье через голову коня, на котором сидел (но *трехлетний* ребенок едва ли бы мог сделать и это); с другой стороны, в 969 году три сына Святослава уже были посажены им, отправлявшимся в Болгарию, на княжения. Старшему из них, Ярополку, ставшему тогда князем Киевским, едва ли было меньше 14—15 лет и, следовательно, он родился не позже 954—955 годов; значит, рождение самого Святослава нужно отнести к 937—938 годам (а не к 942 году — что явно неправдоподобно, если иметь в виду возраст его сыновей).

Время смерти наших героев известно вполне точно: дату кончины Ольги в Киеве сохранила Церковь — 11 июля 969 года; Святослав погиб у днепровских порогов ранней весной — по-видимому, в марте — 972 года. Итак, «время Ольги и Святослава» — это всего лишь четверть века. Но за столь краткий срок свершилось необычайно много.

До 944 года Ольга была, очевидно, только супругой и матерью, но в одном, внешне незначительном, факте выразилась, вполне возможно, ее воля — в имени, которое получил ее сын. По сведениям так называемой Иоакимовской летописи (ее достоверность оспаривается, но большинство современных историков считает ее все же источником, заслуживающим пристального внимания), «родился Игорю сынъ, *нарече его Ольга* Святославъ».

На Руси по меньшей мере с конца 830-х годов правила «варяжская» — то есть норманская, скандинавская — династия, представители которой носили и соответствующие нерусские имена — Рюрик, Аскольд, Олег, Игорь. К великому сожалению, это обстоятельство вызывало и вызывает у отдельных историков и многих публицистов странное негодование, каковое еще Ключевский определил как патологию.

Дело в том, что в истории едва ли не *любого* средневекового государства были такие периоды, когда у власти оказывалась *«чужеродная»* династия; так, например, европейские династии Каролингов, Бурбонов, Габсбургов или — в Азии — Чингисидов, Тимуридов и т. п. правили одновременно в целом ряде различных стран. Это предпочтение «иностранных» правителей имеет свои многообразные причины: тут и «нейтральность», *«беспристрастность»* пришлых правителей в отношении различных слоев населения страны, и их определенная *«отчужденность»* от этого населения (без чего и немыслимо утверждение государственности), и всегда высоко ценившаяся в династии долговременность, *древность* (право на власть уходит корнями в историю другой страны — как бы в «темное», неизмеряемое прошлое) и т. д.[7]. Но, конечно, династия в конце концов срастается со страной, в которой она правит. И имя Святослава ясно свидетельствовало об этом сращении.

Согласно «Повести временных лет», Игорю «приведоша... жену от Пськова». По сведениям упомянутой Иоакимовской летописи, она была русской княжной — дочерью князя псковских кривичей — и носила первоначально имя *Прекраса* (имя вполне вероятное; так, в русско-византийском договоре 944 года упомянуто имя подобного же склада — *Передслава)*. Игорь же предпочел называть супругу скандинавским и даже «своим» именем Ольга (женский вариант имени Олег). Но сына она назвала все же русским именем, и это было, без сомнения, существенным фактом, наглядно выразившим «обрусение» династии; последующих князей Киевских звали Ярополк, Владимир, Святополк, Ярослав, Изяслав и т. д.

Нельзя не заметить, что если среди участников договора князя Олега с греками (то есть с Византией) еще нет русских имен, то в позднейшем Игоревом договоре участвовали, помимо посла его сына Святослава — притом они названы в числе первых, *наиболее важных* лиц,— послы Володислава и Передславы (не исключено, что это были родственники Ольги-Прекрасы).

Вместе с тем Ольгу вначале окружают варяги — прежде всего воевода Игоря (а затем и Святослава, и его сына Ярополка) Свенельд и «кормилец» (воспитатель Святослава) Асмуд. Между прочим, имеющиеся у нас сведения о воеводе Свенельде (они изложены, например, в известной работе М. И. Артамонова[8]) особенно веско подтверждают тот факт, что Игорь начал править гораздо позже, чем принято считать согласно летописной дате. Ведь по летописным сведениям Свенельд был воеводой Игоря с самого начала его правления, и если бы это правление действительно началось в 913 году, то оказалось бы, что «воеводство» Свенельда (а он до 977 года служил у Ярополка) продолжалось ни много ни мало 65 лет! Словом, перед нами еще один аргумент в пользу того, что Игорь стал княжить незадолго до своей гибели.

Далее, есть достаточные основания считать, что вначале действия Ольги во многом зависели от ближайших сподвижников ее погибшего мужа — Свенельда и Асмуда; позднее они (о чем еще будет речь) надолго удалились с юным Святославом в Северную Русь, и Ольга стала править самостоятельно. Характерно, что воевода с левобережья Днепра, спасавший впоследствии, в 968 году, Ольгу и ее Киев от набега печенегов, носит русское имя Претич.

Но первое знаменитое деяние Ольги и юного Святослава — жестокая расправа с древлянами, погубившими Игоря,— являлось, очевидно, выражением неотвратимого завета кровной мести, который в высшей степени был присущ (на ранних этапах истории) *германским,* в том числе скандинавским, этносам, но вовсе не был характерен для Руси. Все, конечно, помнят многосоставное впечатляющее предание об Ольгиной мести, содержащееся в «Повести временных лет», и нет никакого смысла излагать его здесь. Однако нельзя не обратить внимание на тот факт, что это своего рода уникальная страница русской истории (хотя, конечно, мотивы мести присутствуют позднее и в летописи, и в эпосе, но это именно только мотивы, никогда более не разрастающиеся в грандиозный акт жесточайшего возмездия). Более того, ничего похожего нет и в последующем поведении самой Ольги. Поэтому и складывается представление, что в этом своем первом деянии княгиня руководилась требованиями варяжского окружения своего покойного мужа.

Оказавшись правительницей при малолетнем сыне, Ольга должна была действовать в труднейшей ситуации. Судьба Руси уже задолго до того словно колебалась между двумя полюсами — мощной и высококультурной (тогда, в X веке, даже и вообще никак не сравнимой в этом отношении с другими странами Европы и Западной Азии) Византийской империей и не менее мощным, но не обладающим развитой культурой Хазарским каганатом, центр которого был в низовьях Волги, а зона власти простиралась от Урала до Днепра и от Кавказа до среднего течения Оки.

Русь с самого начала тянулась к Византии. «Повесть временных лет» сообщает, что первый князь Южной Руси Кий «ходил Царю-городу» (к Константинополю) и «велику честь приялъ от царя, при котором приходивъ»: М. Н. Тихомиров убедительно доказывал, что Кий побывал в Константинополе в самом конце VIII века, при императоре Константине VI и императрице Ирине — то есть за полтора века до Ольги, которая, в свою очередь, приходила к византийскому императору Константину VII Багрянородному. Совершенно точно известно также, что в 838 году в Константинополь прибыли послы правителя Северной Руси; Южная Русь к этому времени была уже подвластна Хазарскому каганату. Впрочем, здесь невозможно рассказывать обо всей истории сложных и драматических взаимоотноше-

ний Руси с Византией и Хазарией; обратимся только к годам, непосредственно предшествующим правлению Ольги.

В 930-х годах Русь была в тесном союзе с Византией, о чем достаточно ясно свидетельствует тот факт, что в 934 и в 935 годах сотни русских воинов в составе византийских эскадр участвовали в обороне итальянских владений Империи[9].

В конце 930-х годов русское войско во главе с князем Олегом по договоренности с Константинополем совершило нападение на один из важнейших центров Хазарского каганата — Самкерц на Таманском полуострове (в будущем — русская Тмутаракань); следует знать при этом, что задолго до того, еще с 840-х годов, отношения Византии и Хазарии были островраждебными.

Но Хазарский каганат сумел затем — вероятно, в 940 году — нанести тяжелое поражение Руси и, в свою очередь, *заставил* ее воевать с Византией. В 941 году Русь совершила поход на Константинополь, закончившийся весьма неудачно. В дошедшем до нас *хазарском* рассказе об этих событиях рубежа 930—940-х годов правителем Руси назван именно Олег, между тем в русской летописи в качестве такового выступает Игорь. Исследователь этого периода Н. Я. Половой полагал, что речь должна идти о совместно действующих верховном князе Игоре и подчиненном ему князе Олеге, который тогда же погиб[10]. Однако в хазарском источнике Олег поименован «царем Русии», и, значит, именно Олег стоял тогда во главе,— хотя в походе на Константинополь участвовал и сменивший его преемник Игорь. Как уже сказано, в летописи время начала правления Игоря было искусственно отнесено на почти три десятилетия назад, к 913 году; на самом деле до 941 года правил, очевидно, Олег — разумеется, «второй» (о «двух Олегах» шла речь выше).

Как убедительно доказал в упомянутой работе Н. Я. Половой, после своего поражения под стенами Константинополя Олег с частью русского войска двинулся не в Киев, а к хазарам (которые и послали его на Константинополь) и далее, по их настоянию, в Закавказье, к границам Ирана, где он и погиб в сражении с враждебными хазарам мусульманами у города Бердаа. Об этом сообщено не только в хазарском сочинении, но и в дошедшем до нас рассказе местного правителя — иранца Марзбана ибн Мухаммеда: «И вступили мы в битву с русами. И сражались мы с ними хорошо и перебили из них много народа, в том числе их предводителя»[11] — то есть, очевидно, именно Олега. Н. Я. Половой в другой своей работе[12] доказывает еще, что после гибели Олега у Бердаа русское войско возглавил и повел обратно в Киев, к уже правившему там Игорю, не кто иной, как воевода Свенельд. То есть Свенельд начал служить уже при Олеге, но вовсе не в 913 году (иначе продолжительность его деятельности была бы невероятной), а в конце 930-х — начале 940-х годов. Выводы Н. Я. Полового полностью поддержал выдающийся историк и археолог М. И. Артамонов в своей упомянутой выше работе «Воевода Свенельд» (стоит отметить, что среди пятидесяти лиц, подписавших договор Игоря с Византией, Свенельда нет, хотя он был одним из первых лиц в государстве; это дополнительное доказательство тогдашнего пребывания Свенельда в Закавказье).

Поскольку Олег «исчез» в ходе войны Руси с Византией, своего рода «виновником», «ответчиком» за поход, естественно, оказался его преемник Игорь. Однако вскоре Игорь заключил с Византией договор, полностью восстановивший союзнические отношения и заостренно направленный против Хазарского каганата.

Эту направленность исследовал историк Д. Л. Талис; в договоре Игоря с византийским императором Романом I, писал он, предусматривалось, что «русский князь будет препятствовать... хазарам разорять Корсунскую страну» (то есть византийские владения в Крыму, на которые постоянно претендовал Хазарский каганат.— *В. К.*). В свою очередь, Византия,— продолжает Д. Л. Талис,— берет на себя следующее обязательство: «если русский князь будет просить у нас помощи для войны, то мы окажем ему помощь, насколько ему будет нужно»; имелась в виду «помощь в борьбе против тех же хазар»[13].

К этому пониманию смысла Игорева договора присоединились и другие современные историки — в частности, А. Н. Сахаров[14] и французский византинист Ж.-П. Ариньон[15]. Тот факт, что Византия была тогда кровно заинтересована в союзниках для борьбы с Хазарским каганатом, не подлежит никакому сомнению, ибо в разделе «О народах», входящем в созданный императором Константином Багрянородным трактат «Об управлении империей» (948—952 годы), глава 10-я, посвященная характеристике хазар, названа так: «О Хазарии, как нужно и чьими силами воевать с нею» (то есть Хазария являлась для Византии постоянным опасным врагом).

Игорь вряд ли успел как-то исполнить условия заключенного договора, поскольку вскоре был убит древлянами. С другой стороны, Хазарский каганат едва ли мог смириться с создавшимся положением и, несмотря на союз Руси с Византией, продолжал свое мощное давление на Киев. Очень осведомленный арабский историк Масуди сообщал в своем сочинении, написанном в 943—947 годах (то есть как раз в интересующее нас время), что «русы и славяне...— войско царя (хазарского.— *В. К.*) и его рабы»[16]. Характерно, что впоследствии, в 980-х годах, когда Хазарский каганат уже был разбит, другой арабский автор, Мукаддаси, назвал русов, напротив, «войском Рума» — то есть Византии[17].

* * *

Ряд современных историков полагают, что к началу правления Ольги Русь — несмотря на поддержку Византии — была в очень существенной зависимости от Хазарского каганата. Так, Л. Н. Гумилев писал, что к этому времени Русь являла собой «не могучее государство, а зону влияния Хазарского каганата»[18]. Ученый совершенно иной, нежели Гумилев, ориентации (но так же, как и он, имеющий всемирную известность), В. Н. Топоров, опираясь на множество сведений, доказывает, что к середине X века «вырисовывается такая ситуация в Киеве... которая характеризуется наличием в городе хазарской администрации и хазарского гарнизона»[19]. В Киеве... в частности, имелась в 940—950-х годах *хазарская* крепость, называвшаяся «Самбатас» («Самбатион»)[20].

Это побудило или даже заставило Ольгу иметь свою резиденцию не в Киеве, а в расположенном на высоком крутом холме на берегу Днепра замке Вышгород (в 18 верстах к северу от Киева). Об этом «граде Вользине» (а «град» — это прежде всего *крепость*) летопись сообщает в самом начале правления Ольги-Вольги под 946 годом. Несмотря на то что в Киеве, как известно из летописи и подтверждено археологическими исследованиями, было два княжеских дворца (один — загородный), Ольга предпочла все же находиться подальше от хазарского Самбатаса и (что следует особо подчеркнуть) создала в Вышгороде, как доказали недавние археологические исследования, железоделательные и железообрабатывающие мастерские, образовавшие там целый «квартал металлургов». Поскольку совсем рядом, в Киеве, была высокоразвитая для тех времен металлургия, становится ясно, что Ольга хотела иметь возможность производить оружие непосредственно в своем «граде», вне какого-либо возможного контроля со стороны «хазарской администрации». И это убедительно подтверждается тем фактом, что — как установлено археологами — позднее, уже после правления Ольги, «квартал металлургов» в Вышгороде «суживается, на его месте появляются жилые усадьбы»[21], ибо необходимость производить здесь оружие отпала.

Далее, Ольга стремится установить самые близкие отношения с Византией и для этого отправляется в Константинополь. До последнего времени считалось, что она предприняла это путешествие сравнительно нескоро — в 957 году. Однако виднейший современный византинист Г. Г. Литаврин в целом цикле работ основательно доказывает, что Ольга прибыла в Константинополь еще в 946 году, то есть в начале своего правления[22] (позднее, в 954 или 955 году, она еще раз посетила столицу Византии и приняла там христианство). Концепцию Г. Г. Литаврина поддержал ряд историков, и хотя один из них, А. В. Назаренко, оспорил эту датировку, он все же признал, что не «опровергает» доводы Г. Г. Литаврина, а только выражает определенные сомнения[23].

Незамедлительная поездка Ольги в Константинополь была, если угодно, вполне закономерна. Игорь, заключивший важнейший договор с Византией, погиб в 943 или 944 году, а его «содоговорник» император Роман I был свергнут с престола 16 декабря 944 года, и вполне естественно, что преемники прежних правителей — княгиня Ольга и император Константин VII — торопились осуществить *подтверждение* договора. И, как свидетельствуют византийские источники, уже в 949 году русские воины участвуют в *византийском* походе на захваченный арабами остров Крит и, далее, в сражениях с арабами в 954 и 956 годах. Тем самым выполнялось одно из положений договора Игоря с Византией, гласящее (в переводе Д. С. Лихачева), что «если же пожелаем мы, цари (у императора Романа было два соправителя.— *В. К.*), у вас воинов против наших противников, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем; и отсюда узнают в иных странах (тут, несомненно, имеется в виду и Хазарский каганат.— *В. К.*), какую любовь имеют между собой греки и русские».

Выше упоминалась та предшествующая только что процитированной статья договора, где как раз византийский император обязался, что «если попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать,— дам ему, сколько ему будет нужно». Но противоречия здесь нет, ибо дело шло об утверждении прочного союза Руси с Византией, который, в частности, призван был заставить Хазарский каганат постоянно с ним считаться.

Вместе с тем поведение Ольги в конце 940-х — начале 960-х годов ясно обнаруживает, что грозная опасность со стороны Хазарского каганата вовсе не исчезла. Уже говорилось о пребывании (хотя бы в опасные времена) Ольги не в Киеве, где жили ее предшественники, но в превращенном, очевидно, в неприступную крепость Вышгороде. Многозначительно и упоминание в летописи о распределении дани, наложенной Ольгой на покоренных деревлян: «2 части дани идет Киеву, а третья Вышгороду к Ользе». Есть все основания полагать, что две трети деревлянской дани забирали хазарские сборщики податей. Л. Н. Гумилев высказал обоснованное предположение, согласно которому и «дополнительная» дань, востребованная ранее Игорем у деревлян и приведшая к его убийству, предназначалась именно для Хазарии[24].

В летописи упомянута находившаяся в 940-х годах в Киеве «Пасынъча беседа», размещавшаяся рядом с городским урочищем (районом) «Козаре» (хазарским); в последнее время было высказано убедительное мнение, что речь идет о *шатре* (слово «беседа» в древнерусском означало не только «разговор», но и «палатку», «шатер»; ср. «беседка») хазар — сборщиков дани, ибо «пасынъча» — тюркское слово того же корня, что и позднейшее, уже монгольских времен, слово «баскак» (то есть речь идет о находившемся в Киеве «шатре баскаков»)[25].

Чрезвычайно многозначителен тот факт, что юный Святослав через какое-то время после начала правления Ольги оказывается не в Киеве и даже не в Вышгороде, а далеко на севере. Летопись, составленная много позже, об этом не упоминает, но *современник* событий, император Константин VII, в своем трактате «Об управлении империей» недвусмысленно сообщает, что Святослав «сидел» не в Киеве, а в «Немогарде»; при этом видный византинист Д. Оболенский доказывал, что «сидел» следует понять как «сидит» (настоящее время было заменено прошедшим позднее)[26].

До последнего времени считалось, что речь идет о Новгороде. Но новейшие археологические исследования с несомненностью показали, что этот «новый» город тогда еще просто не существовал. Один из лучших современных исследователей древностей Северной Руси — Е. Н. Носов в своем труде «Новгородское (Рюриково) городище» (1990), подводя итоги многолетних археологических разысканий, пишет, что на территории Новгорода не зафиксировано «не только укреплений... но и... вообще культурных отложений первой половины X века», то есть до 950 года. Здесь же Носов ссылается на работы своих соратников, доказывающих, что Святослав пребывал вовсе не в Новгороде, которого тогда и не было, а в «Невогороде» — то есть в так называемой Старой Ладоге, расположенной в 200 км к северу от Новгорода на берегу «Великого озера Нево» (ныне Ладожского) и существовавшей уже в VIII веке (в конце IX века здесь уже была сооружена первая на Руси *каменная* крепость).

В летописи сообщается под 947 годом: «Иде Вольга Новугороду». В действительности Ольга, очевидно, отправилась после своего путешествия в Константинополь (в 946 году) именно в Невогород (Ладогу), где и оставила сына (со Свенельдом и Асмудом), дабы и уберечь его от хазар, и дать ему возможность подготовить здесь, вдали от врага, могучее войско, способное победить. Эта подготовка заняла много времени, но зато удар, нанесенный впоследствии Святославом Хазарскому каганату, был всесокрушающим.

Иначе, кстати сказать, и невозможно понять это «удаление» юного Святослава от матери. Некоторые историки уподобляют сей факт позднейшему посажению сыновей киевских князей в Новгород и другие города; так, сам Святослав в 969 году, отправляясь в Болгарию, оставил Ярополка в Киеве, второго сына, Олега, «посадил» в Овруче (на «Деревской», то есть деревлянской, земле), а Владимира в Новгороде, причем не исключено, что это был на самом деле опять-

таки «Невогород», а Новгород позднее выстроил именно Владимир. Однако Ольга была, как ясно из источников, не правительницей в прямом смысле, а «регентшей»: она держала власть до взросления сына и правила от его имени. И ей просто незачем было «сажать» сына на некое самостоятельное правление в другом городе.

* * *

Итак, отправив Святослава на безопасный север, Ольга занялась устроением прочного государства и подготовкой к войне с Хазарским каганатом. До нас дошли сведения о том, что «иде Вольга по Дерьвьстей земли... уставляющи уставы и уроки»; точно так же и в Северной Руси она «устави... оброки и дани», и, оказывается, во времена составления летописи (то есть более чем через столетие) «сани ее стоят въ Плескове (Пскове) и до сего дне» как своего рода памятник ее устроительной деятельности.

Выше упоминалось об исключительно жестоком подавлении Ольгой сопротивления деревлян. Но давно уже была высказана убедительная версия, согласно которой после убийства по Ольгиному повелению деревлянского князя Мала (погубившего Игоря) его сын Добрыня и дочь Малуша были взяты ко двору Ольги в качестве слуг, однако позднее Малуша была выдана за Святослава, а Добрыня стал воеводой при Владимире Святославиче. Таким образом, Ольга как бы отменила закон кровной мести и полностью помирилась с деревлянами, более уже не враждовавшими с Киевом.

Но, конечно, важнейшей задачей Ольги было и утверждение, и развитие союза с Византийской империей. Как уже говорилось, в настоящее время наиболее обоснованной является точка зрения Г. Г. Литаврина, согласно которой Ольга явилась в Константинополь уже летом 946 года. Посольство было чрезвычайно внушительным [27]. Общее количество прибывших с Ольгой русских (включая воинов) составляло не менее 1500 человек. Непосредственно на дипломатических приемах в императорском дворце присутствовало в целом около 150 русских; среди них были знатные «близкие» и «родственницы» Ольги, «послы», «купцы», «люди Святослава» и т. д.

Второе почетнейшее место в посольстве после Ольги занимал некий ее близкий родственник (по-гречески «анепсий»). Видный современный историк В. Т. Пашуто выдвинул небезосновательное предположение (поддержанное и А. Н. Сахаровым), что это был прибывший инкогнито (из-за возможных опасностей) юный Святослав [28] — на что намекает и присутствие в посольстве нескольких «людей Святослава». Давно сложилось убеждение, что Ольгой владело стремление устроить брак Святослава с представительницей византийской династии (как известно, это действительно смог осуществить не сын, а внук Ольги, Владимир Святославич, обручившийся с внучкой Константина Анной); то, что Святослав был тогда еще отроком, не колеблет эту версию, так как о браках нередко договаривались задолго до их реального заключения.

В летописи, как уже было отмечено, сообщается, что император Константин будто бы заявил Ольге: «Хощю тя пояти собе жене» (то есть взять себе в жены). Этот фантастический мотив (Константин ведь имел жену Елену) давно уже осмыслен как искаженный отголосок вполне реальной попытки Ольги породниться с империей путем женитьбы Святослава. Но Константин, несомненно, отверг предложение Ольги, ибо позднее в своем трактате «Об управлении империей» он крайне резко отозвался об императорах, отдававших своих дочерей за сыновей «варварских» правителей.

Версия, согласно которой Ольга взяла Святослава с собой в Константинополь, вполне достоверна, так как гораздо менее вероятно, что она оставила сына в Вышгороде (и тем более в Киеве). В дошедшей до нас византийской протокольной записи об Ольгином посольстве Святослав «безымянен», однако люди Святослава названы именно так. Можно предположить, что сам император знал о присутствии Святослава, но согласно договоренности с Ольгой хранил это в тайне.

Уже сам по себе отказ Константина совершить помолвку Святослава и представительницы императорской династии явился, конечно, серьезной помехой для окончательного укрепления союза Руси и Византии. Дошли до нас и другие сведения о трудностях и трениях между Ольгой и Константином. Но вместе с тем не подлежит сомнению, что Ольгой владело стремление как можно более упрочить этот союз — о чем свидетельствует хотя бы сама внушительность ее посольства.

Переговоры были результативными, о чем ясно свидетельствует тот факт, что уже в 949 году русское войско принимает участие в «итальянской кампании» Византии, а в 954—956 годах — в битвах с арабами на границах Сирии. Есть основания полагать, что и Византия, со своей стороны, оказывала, согласно договору, помощь Руси в ее противостоянии Хазарскому каганату. Без этого едва ли бы совершилось последующее принятие Ольгой христианства в Константинополе.

Тот факт, что Ольга *дважды* побывала в Константинополе, был признан историками давно. И ее Крещение совершилось там (о чем свидетельствует ряд источников) в 954 или, может быть, 955 году. Именно такая датировка устанавливается в новейшей работе Г. Г. Литаврина, специально исследующего этот вопрос [29].

Тем самым, кстати сказать, дополнительно подтверждается верность датировки описанного выше посольства Ольги — 946 (а не 957) год. Ведь вполне естественно полагать, что сначала Ольга посетила Константинополь, не будучи христианкой (из протокольной записи о посольстве нельзя заключить, что Ольга уже приняла Крещение), а потом уже обратилась к проникающей жизнь Византии религии.

В *позднем* сочинении уже упомянутого араба Масуди, написанном в 956 году, говорится о «русах»: «...вошли многие из них в настоящее время в общность (или сообщество) ар-Рум (Византийской державы) подобно тому, как вошли ал-Арман (армяне) и ал-Булгар (дунайские болгары)... И они (византийцы) поместили их (русов) гарнизонами во многих из своих крепостей». В. М. Бейлис, опубликовавший это сообщение, поясняет: «...указание ал-Масуди следует воспринимать именно в том смысле, что современное положение установилось недавно... о вступлении русов в союз ал-Масуди узнал лишь сейчас». Византийцы и русские совместно осаждали сирийскую крепость Хадас, и «о значительной роли русских войск...— продолжает В. М. Бейлис,— свидетельствуют и известные стихи младшего современника ал-Масуди — знаменитого поэта Абу-т-Тайиба ал-Мутанабби (915—965)... в его касыде... есть следующие слова: «И... надеются ар-Рум (то есть Византия) и ар-Рус на ее (крепости) разрушение»... Здесь впервые мы видим употребление рядом терминов «Рус» и «Рум» (впоследствии это часто встречается в восточной литературе при изображении двух мощных военных сил, являющихся наиболее опасными врагами мусульман)... Ал-Масуди,— заключает В. М. Бейлис,— зафиксировал тот факт, что русские «вои (воины) в помощь», о которых скромно пишет «Повесть временных лет», играли... немаловажную роль в судьбах Византии» [30].

Здесь следует еще раз напомнить, что «Повесть временных лет» была составлена через *полтора* с лишним столетия после событий, о которых идет речь, а цитируемые арабские сочинения создавались *непосредственно* во время этих событий. И они ясно говорят о том, что Ольга сумела войти в тесный союз с Византийской державой и сделать Русь прямой участницей тогдашней *мировой политики*. Тем самым Ольга реально закладывала основы России как великой державы.

Естественным результатом союза с Византией явилось принятие Ольгой христианства в Константинополе. Византийский хронист Иоанн Скилица, живший в следующем, XI веке, опираясь, без сомнения, на современные самому событию сообщения, писал об «Эльге», вдове «русского архонта» (правителя): «Крещенная и истинной Вере оказавшая предпочтение, она после предпочтения этого высокой чести удостоенная, вернулась домой» (согласно «Повести временных лет», император Константин согласился быть крестным отцом Ольги).

Впоследствии в «Повести временных лет» будет сообщено (под 988 годом), что «боляры» (бояре) Владимира Святославича, поддерживая его решение сделать христианство общегосударственной религией Руси, сказали: «Аще (если) бы лихъ (плохой) законъ грьчьский, то не бы баба твоя приял (приняла), Ольга, яже бе мудрейши всехъ человек». То есть многосторонний (проявившийся и во внутренней, и во внешней политике) и уникальный (мудрейшая из всех людей!) гений Ольги выразился, по мнению бояр, и в ее обращении в христианство.

Вместе с тем нельзя не напомнить, что, принимая христианство, Ольга опиралась на уже давнюю русскую традицию. Есть достаточно убедительная версия, согласно которой еще в 861 году (то есть почти за столетие до Крещения Ольги) некоторую часть русских окрестили великие мужи, просветители славянства — святые Кирилл и Мефодий [31]. В недавно изданном обобщающем труде О. М. Рапова тщательно исследован вопрос о Крещении определенного количества киевлян (к тому же, возможно, и самого тогдашнего князя Аскольда) в 866 или 867 году; были на Руси христиане и в эпоху Олега (или, вернее, «двух Олегов»), и тем более во времена Игоря, когда в Киеве имелась даже *соборная* церковь святого Ильи (то есть, значит, там существовала уже не одна церковь), а Игорев договор с Византией впервые на равных правах заключали и язычники, *и христиане* Руси, и т.д.[32]

Но Крещение Ольги, без сомнения, явилось существенно иным актом — как можно судить по источникам,— гораздо более осознанным и, кроме того, совершенным по инициативе самой княгини (предшествующие приобщения русских к христианству происходили, по-видимому, только благодаря миссионерской активности Византии). И в этом смысле русская Церковь обоснованно присвоила святой Ольге (как и ее внуку Владимиру) достоинство равноапостольной (то есть имеющей заслугу, равноценную заслугам самих Христовых апостолов). Крещение Ольги было прямым предвестием свершившегося всего через треть века Крещения огромной страны в ее целом при Владимире Святославиче.

Вступив в прочный союз с Византийской империей, Ольга позднее предприняла и другую необходимую внешнеполитическую инициативу: летом 959 года она отправила посольство к наиболее влиятельному тогда *западноевропейскому* правителю — королю Германии и Италии Оттону I, который вскоре, в начале 962 года, был провозглашен императором Священной Римской империи — самой мощной государственности Запада, просуществовавшей с 862 года почти 850 лет, до 1806 года (правда, с XVII века эта империя имела в сущности номинальный характер). Тем самым Русь при Ольге так или иначе создала, сформировала свои прямые отношения и с Западной Европой.

В германских хрониках X—XI веков утверждается, что послы Ольги будто бы просили Оттона I назначить для Руси епископа, и с этой целью в Киев в 961 году была отправлена церковная миссия во главе с видным сподвижником Оттона, будущим архиепископом Магдебургским Адальбертом. Однако, как сообщает одна из этих хроник, уже в 962 году «Адальберт, назначенный епископом для ругов (русских), вернулся, не успев преуспеть ни в чем из того, ради чего он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий» [33].

По поводу этих сообщений в русской историографии было много недоумений и споров, продолжающихся до сих пор. Предлагалась, в частности, и версия, согласно которой именно к 959 году отношения Ольги с Византией будто бы испортились (хотя этому нет никаких подтверждений в источниках) и княгиня решила тогда принять христианство из рук Оттона I. Но этой беспочвенной версии полностью противоречит уже хотя бы тот бесспорный факт, что в 960—961 годах русское войско, как и ранее, участвовало в византийской борьбе с арабами. И гораздо правдоподобнее точка зрения (которой, кстати сказать, придерживалось большинство русских и даже зарубежных историков), рассматривающая миссию Адальберта как выражение политики не Ольги, но Оттона I. Именно так осмыслены эти события в ценном трактате историка Б. Я. Рамма «Папство и Русь в X—XV веках» (М., 1959).

Хорошо известно, что Оттон I видел одну из основных задач в присоединении к своим владениям славянских земель и едва ли не главным средством для этого считал превращение населения этих земель в паству всецело подчиненных ему церковных властей. В высшей степени характерно, что рассказ о попытке послать епископа на Русь начинается в германской хронике так: «959 год. Король снова отправился против славян; в этом походе погиб Титмар». Оттону I удалось создать целый ряд епископств на славянских землях, которые поэтому «законно» вошли в состав Священной Римской империи. И, конечно же, миссия Адальберта была отправлена в Киев именно с такой целью, а утверждение германской стороны о соответствующей «просьбе» Ольги является выдумкой, призванной оправдать действия Оттона I. Ольга решительно отвергла притязания Адальберта, и он «не преуспел ни в чем».

Отношения же Руси с Западом, установленные Ольгой, продолжали развиваться; известно, что в 973 году, то есть при сыне Святослава Ярополке, новое русское посольство явилось к преемнику Оттона I — императору Оттону II (967—983).

Словом, Русь к 960 годам прочно утвердила свое политическое положение и на Юге, то есть в Византийской империи, и на Западе. Но нерешенным оставался уже более чем столетний конфликт на Востоке — противоборство с Хазарским каганатом, который явно не намерен был иметь с Русью мирные соседские отношения.

Окончание следует.

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЕВ,
доктор исторических наук

Придворные мундиры

Шпага для придворных чинов, имевших мундир гражданского покроя. 1855 г.

«От двора его императорского величества объявляется госпожам статс-дамам, камер-фрейлинам, гофмейстринам, фрейлинам, господам придворным и всем ко двору приезд имеющим. Его императорское величество высочайше повелеть соизволили: в будущее воскресенье, 1-го числа января 1889 года, в день наступающего Нового года... иметь приезд в Зимний дворец к божественной литургии... знатным обоего пола особам... Дамам быть в русском платье, а кавалерам в парадной форме...»

27 декабря 1888 г. Камер-фурьер Леонтьев

«Картина в этот момент прекрасная. Наружная лестница залита золотыми мундирами предшествующего государю двора. Пространство между соборами наполнено дамами в придворных платьях, множество русских и иностранных мундиров», — так писал в своем дневнике Государственный секретарь А. А. Половцов, наблюдавший коронационные торжества в Московском Кремле в 1883 году.

Как и в других монархических странах, императорская власть в России предполагала наличие двора — официальной резиденции императора и штата придворных, курировавших разные хозяйственные и иные службы двора. Они постоянно участвовали в придворных церемониях и составляли повседневное общество царской семьи. Военные составляли свиту императора. А придворными обычно были только гражданские лица. Они разделялись на чинов двора и придворных кавалеров и дам, имевших особые придворные звания. Тем и другим полагались особые, придворные мундиры (дамам — придворные платья), отличавшиеся обильным золотым шитьем.

Роскошь придворных мундиров контрастировала с относительно скромным обычно одеянием самих императоров. С. Ю. Витте вспоминал, что впервые был принят в Гатчинском дворце Алексаидром III, который был, «по обыкновению, очень скромно одет, конечно, в военную форму, но форма эта была уже более или менее поношенной». В военной форме императоры появлялись не только на приемах, но и на балах и даже во время коронации. В последнем случае военный мундир дополнялся официальными императорскими регалиями: красной мантией с горностаевым подбоем (порфирой), короной, державой и скипетром. Вне короиационных торжеств названиые императорские регалии почти не употреблялись.

Придворные же мундиры и платья использовались постоянно. Они должны были придать нарядность и помпезность всем церемониям: шествиям царской семьи в дворцовую церковь или тронный зал по случаю разного рода церковных, семейных и иных праздников и торжественных событий. Придвориые чины и кавалеры открывали эти шествия, а придворные дамы их замыкали. Все остальные высшие военные и гражданские чины могли на выходах лишь присутствовать.

Точное время появления придворных мундиров неизвестно. Н. Е. Волков, изучавший «двор русских императоров», зафиксировал самое раннее о них упоминаиие на 1802 год, а «первый указ с подробным описанием формы муидиров», по его мнению, появился только 11 марта 1831 года. Однако Волков по непонятным причинам упускает из виду указ Павла I от 30 декабря 1796 года, озаглавленный «Описание мундиров придворным чинам и служителям». В нем, в частности, упоминаются мундиры шталмейстеров и егермейстеров, которые должны были изготавливаться по даниым образцам (их рисунки не сохранились, да и каких-либо свидетельств того, что указ этот был реализован, нет).

В объявлении «Экспедиции церемониальных дел», относящемся, вероятнее всего, к декабрю 1796 года, говорится: *«Его императорское величество, простирая свое внимание вообще на все предметы без всякого изъятия, желает положить и роскоши надлежащие пределы, с наблюдением, однако ж, приличного великому двору достоинства. А потому высочайше указать изволил, чтоб все придворные и другие ко двору въезд имеющие дамы являлись в торжественные по случаю коронации праздники в робах из черного бархата»* с таким же шлейфом и юбкой *«из богатой или шитой материи».* Подробио оговаривалась отделка наряда и его варианты в разное время года. Наряд этот должен был быть «сохранен и впредь» (после коронации). Вряд ли дамские форменные придворные платья могли появиться, если еще не существоаали мужские придворные мундиры. Как они выглядели — неизвестно. Ясно лишь, что это были так называемые немецкие кафтаны. Они просуществовали до начала александровского царствования.

15 августа 1801 года Александр I распорядился *«всем... камергерам носить придворный мундир и быть при дворе наравне с прочими».* Эта дата указывает на то, что придворные мундиры возникли ранее довольно хорошо известных сенаторских (декабрь 1801). Как выглядели те придворные мундиры, мы не знаем. Когда в 1828 году министр императорского двора затребовал из придворной конторы описание и рисунки муидиров чинов двора и придворных кавалеров, найти материалы или сведения о них не удалось.

В этих условиях единственным способом выяснить, как выглядели придворные муидиры, является обращение к портретам чинов двора. Наиболее ранние из них относятся к самому началу александровского царствования. Один из них — портрет обер-камергера графа Н. П. Шереметева, написанный Н. И. Аргуновым. Он изображен в мундире, который по своим основным признакам соответствует нормам уже упомянутого нами указа 11 марта 1831 года.

Согласно указу, мундиры придворных чинов и кавалеров шились из темно-зеленого сукна со стоячим красного сукна воротником и красными же обшлагами. Золоченые пуговицы имели изображение государственного герба. Золотое шитье на них полагалось *«по узору, ныне существующему: на воротнике, обшлагах, карманных клапанах, под оными и на полах — широкое, а по швам и по фалдам — узкое».* По борту на груди вышивались «бранденбуры», характерным элементом их узора были ниспадающие кисти. За счет бранденбуров шитье расширялось от плеча до плеча и по объему не имело себе равных среди всех других гражданских и военных мундиров. Шитье по основным швам мундира (на рукавах и спине) полагалось лишь первым чинам двора, к которым принадлежал и Шереметев. Однако на портрете мы его не видим. Поскольку портрет погрудный, не видны обшлага и покрой бортов ниже пояса. Но в 1818 году аргуновский портрет Шереметева в парадном мундире послужил В. Л. Боровиковскому основой при создании большого полотна, изображающего Шереметева в рост, для основанного им Странноприимного дома в Москве (ныне здание института-больницы им. Н. В. Склифосовского). Борта кафтана ниже пояса под углом срезаны назад по моде начала XIX века, а шитье на них продолжено до низа и переходит на фалды. Обшлага по цвету и шитью соответствуют воротнику. Изображено шитье и по швам.

Таким образом, узор мундирного шитья не позволяет отличить друг от друга гофмейстера, гофмаршала, церемониймейстера, камергера или камер-юнкера. Мало того, по объему шитья мундиры вторых чинов

Обер-камергер граф Н. П. Шереметев в парадном мундире. 1802 г. Худ. Н. И. Аргунов.

двора оказывались неотличимы от мундиров придворных кавалеров, причем камер-юнкеры (в частиости, А. С. Пушкин) носили точно такие же мундиры, как и старшие по рангу камергеры.

Обильное золотое шитье делало мундиры, изготавливавшиеся за счет владельца, очень дорогими. Известен, например, случай, когда в 1834 году камер-юнкер Кошелев был лишен этого звания «за неимением мундира». Вместе с тем, если камер-юнкер получал камергерское звание или назначался во вторые чины двора, он мог сохранить свой прежний мундир. Один из мемуаристов (К. Ф. Головин) вспоминает, что музыкальный критик и композитор, член Управления по делам печати Ф. И. Толстой по случаю назначения из камер-юнкеров в гофмейстеры представился великому князю Константину Николаевичу в таком *«полинялом мундире, едва ли сходившем с его плеч лет 25 или более»,* что князь едко заметил: *«По Вашему мундиру не видно, что Вы только что назначены».*

Одновременно с портретом Шереметева в парадном мундире Аргунов пишет его же портрет в придворном вицмундире. Именно такой же предусматривался законом 1831 года: *«подобный парадному мундиру кроме того, что вместо шитья нашивается на груди золотой галун по числу пуговиц, а также на рукавах по три и на фалдах по четыре с каждой стороны в виде шефронов»,* карманных клапанов не имел. Вицмуидир должен был заменять парадный во всех менее торжественных случаях. В отличие от парадного придворного мундира, он никак не выделял даже первых чинов двора. Эта тенденция к нивелированию придворных мундиров была нарушена лишь в одном случае: обер-камергеры и камергеры имели особый знак отличия в виде золотого ключа. Именно о таком ключе идет речь в «Горе от ума»:

Покойник был почтенный
камергер,
С ключом, и сыну ключ умел
доставить.

Ключ ввели еще в 1762 году, но образец его установили лишь в 1833 году. Обер-камергеры носили ключ, «осыпанный бриллиантами», «сзади у правого карманного клапана на золотых кистях», а камергеры — «на голубой ленте у левого карманного клапана» (без бриллиантов), причем сохраняли его и «при мундирах других гражданских ведомств и при возвышении должностей».

Существовала еще одна разновидность придворного мундира — так называемый мундир военного покроя, полагавшийся шталмейстерам и егермейстерам. Его изображение мы видим на портрете обер-шталмейстера С. И. Муханова. Кроме красных воротника и обшлагов он имел красные же отвороты фалд и выпушки (канты) «по краям мундиров». Таким же был мундир егермейстеров, только воротник и обшлага полагались не красные, а темно-зеленые с красным кантом.

Мундиры шталмейстеров и егермейстеров имели одинаковое золотое шитье в виде фасонной тесьмы, обвиваемой цветочной гирляндой. У обер-шталмейстеров и обер-егермейстеров шитье шло в три ряда по воротнику, обшлагам, карманным клапанам, под ними и по борту, а вдоль фалд и по швам — в один ряд. На мундирах тех же придворных чинов III класса шитье полагалось не в три, а в два ряда, а по швам отсутствовало. В чин обер-

Продолжение. Начало см. №№ 3, 5, 8—10.

Парадные платья придворных дам. 1834 г.

Придворный вицмундир гражданского покроя. 1855 г.

Камергерский ключ. 1833 г. Он же виден на портрете Нарышкина справа у пояса.

Проект парадного мундира для первых чинов двора (гражданский покрой). 1855 г.

Придворный вицмундир (гражданский покрой). 1834 г.

Шляпы к придворным вицмундирам.

Шитье на воротнике и обшлагах мундиров шталмейстеров и егермейстеров по законам 1831-1834 гг.

а) Воротник и обшлага парадного мундира придворных чинов по законам 1831-1834 гг.

б) Для сравнения приводим воротник и обшлага придворных мундиров чиновников придворных ведомств. 1834 г.

Парадный мундир первых чинов двора (гражданский покрой). 1855 г.

шталмейстера Муханов был произведен лишь в 1808 году. До того он имел чин шталмейстера, в который был пожалован Павлом I. На его портрете хорошо заметны позднейшие записи. По всей видимости, портрет был написан в бытность Муханова шталмейстером, не ранее 1801 года (высокий стоячий воротник, прическа начала XIX века), а после того, как он был повышен в чине, изображение мундирного шитья было исправлено.

Портретов с изображением вицмундира шталмейстеров и егермейстеров не обнаружено. По закону же 11 марта 1831 года, они *«покроем и рисунком шитья... подобны были парадным... мундирам»*, с сохранением шитья лишь на воротнике, обшлагах и карманных клапанах.

Помимо парадных и вицмундиров всем чинам двора полагался мундирный фрак из темно-зеленого сукна с черным бархатным отложным воротником, а также однобортный сюртук со стоячим суконным воротником и обшлагами «по цвету мундирных» без шитья. Золоченые матовые пуговицы на фраке имели готические начальные литеры имени императора под короной (исключение составляли мундиры егермейстеров, пуговицы которых украшал государственный герб, окруженный охотничьим рожком). Кроме того, в состав форменной одежды придворных чинов входили: белые штаны до колен (носились с белыми же чулками и башмаками, а при мундирах военного покроя — с ботфортами), белые брюки с золотыми лампасами по боковым швам, их надевали с парадным мундиром в особо торжественных случаях; темно-зеленые брюки с золотыми лампасами, носившиеся с вицмундиром; и черные брюки (без лампасов), надевавшиеся с фраком и сюртуком. Наконец, форма придворных чинов дополнялась черной треугольной шляпой, черной же круглой шляпой с полями (последняя носилась с фраком). Треугольная шляпа имела на правой стороне круглую кокарду из черной, оранжевой и серебряной концентрических полос, которая пересекалась петлицей из золотого витого жгута с пуговицей, небольшие серебряные кисточки на концах и белый плюмаж по верху. Шляпы шталмейстеров и егермейстеров, кроме того, украшало «золотое шитье по тому же рисунку и с тем же различием рангов, как на мундирах».

Законом 27 февраля 1834 года придворные мундиры были как бы введены в общую систему гражданских мундиров, но на особых основаниях. Шитье придворных мундиров (как и высших разрядов других гражданских мундиров) дополнили шитьем вокруг воротника. Мундиры, вицмундиры и сюртуки шталмейстеров и егермейстеров получили погоны из золотого жгута.

Тогда же — 27 февраля 1834 года — было утверждено *«Описание*

Княгиня А. В. Щербатова с орденом святой Екатерины II степени и фрейлинским шифром. Около 1808 г. Худ. О. А. Кипренский.

дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору». То есть формально для дам, имевших придворные звания, ввели парадные наряды единого фасона. Остается неясным, вводились ли они впервые или были известны ранее (в законе 11 марта 1831 года о них не упоминалось). Такой наряд состоял из бархатного вечернего платья, имевшего разрез спереди к низу от талии, который открывал юбку из белой материи, «какой кто пожелает». По «хвосту и борту» платья шло золотое шитье, «одинаковое с шитьем парадных мундиров придворных чинов». Такое же шитье полагалось «вокруг и на переди юбки». Платье гофмейстрин — малиновое, а статс-дам и камер-фрейлин — зеленое, фрейлин — пунцовое. Такие же парадные платья носили и наставницы великих княжен (синего бархата), фрейлины великих княгинь (как у фрейлин царицы, но с серебряным шитьем) и фрейлины великих княжен (светло-синего бархата). Строгая регламентация полагалась и головному убору: замужние дамы должны были «иметь повойник или кокошник», а девицы «повязку» — в обоих случаях произвольного цвета с белой вуалью. Описанный наряд позже назвали «русским платьем».

На правой стороне груди гофмейстрины, статс-дамы, камер-фрейлины носили миниатюрные портреты императриц, украшенные бриллиантами, а фрейлины — золотые, украшенные бриллиантами шифры (вензели императриц или великих княгинь, при которых они состояли), они крепились под короной на левой стороне груди, на Андреевской голубой ленте.

К Закону 27 февраля 1834 года впервые был приложен большой комплект цветных рисунков: фигуры в мундирах, вицмундирах, фраках и сюртуках, а также в дамских платьях, воротники, обшлага, карманные клапаны и т. д. и т. п. Они никогда не публиковались и сохранились только в архиве.

В царствование Николая I мундирам вообще, и придворным мундирам в особенности, стали уделять гораздо больше внимания. Вскоре после воцарения император распорядился, чтобы все придворные чины и кавалеры «при высочайшем дворе были всегда в придворных мундирах». При рассмотрении рисунков к Закону 1834 года он остался недоволен тем, как нарисованы сапоги обер-шталмейстера. На рисунке видна его пометка «Сапоги безобразно нарисованы» и собственноручный рисунок того, как они должны выглядеть.

Затевая реформу 27 февраля 1834 года, Николай исходил из того, что в гражданских мундирах недостает «единообразия», а вместе с тем «приличных различий» по данным рангам. Однако нормы законов 1831 и 1834 годов на практике не вполне соблюдались. Мы нашли сведения, что уже в начале 1832 года Николай выражал недовольство тем, что «некоторые из господ, состоящих на службе в звании камергеров и камер-юнкеров, имеют мундиры разнообразные и не по данной форме». Обер-камергеру Ю. П. Литте было *«повелено... собрать всех их к себе на смотр»* и *«объявить им, чтобы они отнюдь не отступали от высочайше утвержденного образцового мундира...»*. В 1842 году такой «смотр» провели снова.

Царствование Александра II ознаменовалось очередной реформой придворных мундиров. В апреле —

мае 1855 года утверждается новый фасон вицмундира, а затем и парадного мундира (официально он был введен законом 20 февраля 1856 года «О новой форме одежды придворных чинов»). Главное новшество и в том и в другом случаях заключается в замене открытых спереди ниже пояса мундиров «французского» образца на закрытые полукафтаны. Удалось установить, что сначала предполагалось парадные придворные мундиры сохранить *«по образцу французских кафтанов, то есть с округленными к фалдам бортами»*, дополнив их белыми камзолами «с узким по бортам и карманам золотым шитьем». Но затем и их заменили на полукафтаны.

Полукафтан предусматривался однобортным, со скошенным спереди стоячим воротником, разрезанными обшлагами и прямыми вертикальными карманными клапанами сзади. Цвет сукна, воротников, обшлагов и т. п., а также узор шитья оставались прежними. Поскольку полы удлинялись, шитье или галуны на них продлевались «до конца пол». Мундирные фраки и сюртуки сохранялись, причем последние становились двубортными, у шталмейстеров и егермейстеров — со стоячим воротником, с галуном на нем и обшлагах и «витыми погонами».

Треугольные шляпы к парадным мундирам всех придворных чинов и кавалеров получили дополнительное золотое шитье, *«сообразное тому, какое делается на мундирах у сих чинов»*. Для ношения при вицмундирах вводились особые треугольные шляпы, которые вместо шитья имели поверху галун с фестонами (у придворных кавалеров его не было, а передний и задний концы их пересекались наискось лентами: у первых чинов — из золотого галуна, у вторых чинов и кавалеров — из черного муара с золотыми каймами по краям. Плюмаж на этих шляпах — черный).

«Правилами о ношении придворными чинами установленных форм одежды» 15 августа 1855 года предусматривалось пять видов формы: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная (или служебная) и дорожная. Все они складывались из разного сочетания перечисленных нами элементов придворной форменной одежды. Устанавливались «дни и случаи», когда должна была употребляться каждая из этих форм. При этом парадный мундир носился только в составе парадной формы с белыми брюками; в составе праздничной и обыкновенной форм использовался вицмундир соответственно с белыми и темно-зелеными брюками.

В таком виде придворные мундиры просуществовали до 1917 года. Единственное отступление — законом 17 августа 1901 года придворным чинам и кавалерам было разрешено «носить форменный... сюртук при исполнении служебных обязанностей». В летнее время сюртук мог

Обер-шталмейстер С. И. Муханов в парадном мундире 1802—1809 гг. Копия с портрета работы В. Л. Боровиковского.

быть белым, а фуражка к нему — в белом чехле. Для обозначения чинов на сюртуках и пальто вводились погоны (шириной около 4,5 см). У первых и вторых чинов двора они представляли собой трижды переплетенный золотой шнур на черной суконной подложке. Погоны прочих придворных были из золотого «галуна в виде рогожки по образцу, установленному для гражданских чинов военного» ведомства. Чины на них обозначались просветами в галуне и серебряными звездочками. Особенность погон — накладные металлические орлы: у первых чинов двора — серебряные, у прочих — золоченые. Наконец, чины первых четырех классов получали право иметь на плаще (пальто) красного цвета подкладку, отвороты (лацканы) и выпушки (канты) на обшлагах и заднем хлястике (в других ведомствах такое право предоставлялось лишь тем, кто имел мундир военного покроя).

До конца своего существования придворный мундир (вместе с придворным чином или званием) был самой желанной наградой для верхов российского чиновничества. О том, как получение такой награды могло быть добыто и обставлено, рассказывает С.Ю.Витте в своих воспоминаниях. В январе 1909 года министром торговли и промышленности был назначен В.И.Тимирязев. Предвидя возможность своей отставки, он оказывал всяческие услуги людям из ближайшего окружения Николая II. В связи со смертью жены в конце того же года он подает прошение об увольнении, предварительно умолив председателя Совета министров П.А.Столыпина, *«чтобы он был сделан первым чином двора...»*, ссылаясь на то, что просит об этом ради *«дочери, оставшейся без матери»*. Эта мотивировка не казалась странной: близость ко двору во многих случаях более интересовала женщин. Но даже просьба Столыпина могла быть недостаточной для этой награды, которая означала повышение отставного министра в чине. Потребовалась поддержка и министра двора. В результате ходатайство было удовлетворено императором. Когда последовал приказ о производстве Тимирязева в обер-гофмейстеры, он *«сейчас же себе заказал дорогостоящий мундир первого чина двора»*, в котором и направился в Ялту благодарить. Так как чины двора не могли заниматься частной коммерческой службой, он стал добиваться разрешения на такое совмещение, «объясняя, что... должен служить в частных обществах», так как, не имея состояния, «иначе существовать не может». Николай, однако, решил дело иначе: «Тимирязев был уволен в отставку... с производством в действительные тайные советники», то есть с сохранением за ним гражданского чина II класса, равного по рангу первому чину двора.

Такая вот любопытная история.

Среди хранящихся в музеях мундиров дореволюционной эпохи придворные до сих пор привлекают внимание совершенством художественного золотого шитья на них. По обилию шитья они превосходят все другие.

И, может быть, зря А.С.Пушкин в свое время гневался на назначение его камер-юнкером. Тем более что камер-юнкерский мундир смотрелся роскошнее мундира министра. Ведь, как это ни грустно, и раньше, и теперь встречают все-таки по одежке.

ВИТАЛИЙ АБРАМОВ,
кандидат исторических наук

ЗЕМСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

ОБЩЕЗЕМСКІЙ СЪѢЗДЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ ВЪ МОСКВѢ.

Ни для кого не секрет, что в сегодняшней России отсутствует серьезно организованное местное самоуправление. Тем ценнее и значительнее громадный опыт, накопленный российскими земствами столетие назад. Практически полное забвение, длившееся десятилетиями, сменяет жгучий, нетерпеливый интерес к земской реформе и ее результатам.

Высказываются самые смелые предложения, вплоть до идеи «восстановить» либо «ввести заново» земские структуры. Показательно, что авторы подобных проектов весьма приблизительно представляют себе земскую работу и ее применимость к нашим сегодняшним реалиям. При таком подходе мода на земство грозит вылиться в очередную кампанию с громкими словами и нулевым результатом.

Поэтому крайне важно соединить усилия исследователей земства и практиков на местах, вплотную занятых реформаторской работой. Именно в этом и состояла главная задача научно-практической конференции «Организация и практика земских учреждений в России», которая состоялась с 29 сентября по 2 октября 1992 года в Йошкар-Оле. Практически впервые с дореволюционного времени земство стало объектом глубокого многостороннего исследования историков, экономистов, правоведов.

Есть все основания полагать, что конференция в марийской столице не станет случайным эпизодом: она знаменует собой первый этап реализации большой программы по изучению наследия российского земства, утвержденной Верховным Советом России в декабре 1992 года. В этом проекте участвуют лучшие научные силы России и важнейшие властные структуры, включая Верховный Совет.

Журнал «Родина» намерен самым активным образом участвовать в реализации этой программы. Публикации нашей новой рубрики «Самоуправление» будут носить по преимуществу прикладной характер, наглядно демонстрируя преимущества системы местного устройства, существовавшей в России с 1864 по 1918 год. Сегодня мы рассказываем об особенностях земской избирательной системы.

1864 год

По Положению 1864 года выборные в земства названы «земскими гласными» (в нашем понимании — депутаты) [1]. Для всех 34 губерний, где вводилось земское устройство, их было назначено 13 329. Государственный совет постановил, что «земские учреждения будут заведовать делами хозяйственными, большая часть мер, принимаемых ими, будет требовать денежных расходов или натуральных повинностей, для удовлетворения которых необходимы сборы и раскладки» [2]. В основу защиты имущественных интересов различных сословий в земских учреждениях был положен принцип самофинансирования. Плательщики земских сборов подразделялись на три разряда: 1) сельские общества (крестьяне); 2) горожане; 3) все остальные владельцы уезда. Было признано, что лучшим выражением имущественных интересов сословий служит размер владения имуществом. Поэтому в основу земского представительства был положен так называемый «ценз», равный для всех сословий.

Вначале определялось, сколько гласных имеет право выбирать каждый из трех разрядов плательщиков в уезде. Один гласный-землевладелец выбирался от 3000 средних для данной местности наделов земли, один гласный-крестьянин — от 300 ревизских душ. Затем устанавливался размер ценза, который давал право быть гласным. В соответствии с ценой земли в каждом уезде составлялось соответствующее расписание; ценз колебался от 200 до 800 десятин земли. Впрочем, право участия в выборах давал не только земельный ценз. Полным цензом считалось также владение в уезде недвижимым имуществом, промышленным и хозяйственным заведением определенной стоимости. В городах владеющими цензом признавались: 1) лица, имеющие купеческие свидетельства; 2) владельцы фабрик, промышленных и торговых заведений с общим годовым оборотом не ниже 6000 рублей и 3) лица, владеющие недвижимостью от 500 до 3000 рублей (по особой оценке для разных городов). Мелкие землевладельцы, у которых не было полного ценза, участвовали в выборах через уполномоченных. Все, чье владение в уезде составляло не менее 1/20 полного ценза, имели право съезжаться на предварительные выборы и выбирать уполномоченных в соответствии с числом полных цензов, приходившихся на совокупное имущество собравшихся. Выбранные таким образом уполномоченные пользовались на уездных съездах такими же правами, как и все остальные.

В выборах участвовали все крестьяне. На волостных сходах они назначали выборщиков, которые впоследствии выбирали необходимое число гласных. Закон позволял выборщикам рассматривать кандидатуры не только крестьян, но также священников и землевладельцев. К примеру, в 1883—1887 годах по уездам всех 34 губерний было выбрано:

дворян и чиновников	5595
крестьян	5073
духовенства	305
прочих сословий	2223 [3].

1890 год

По закону 1890 года многое изменилось [4]. В 1864 году Государственный совет ничем не выделял дворян: все владельцы уезда и городские собственники (дворяне и не дворяне) выбирали гласных вместе: «Характер землевладения не меняется, составляет ли оно собственность дворянина или не дворянина, поэтому мера или ценз, определяющий это право, должен быть непременно одинаковый для всех владельцев... По многим предметам интересы землевладельцев будут прямо противоположны интересам крестьян... Видимая несоразмерность и несправедливость в назначении числа гласных может вселить в крестьян с самого введения в действие земских учреждений такое к ним недоверие, которое неминуемо отразится на самые отношения крестьян к землевладельцам и крайне затруднит единодушное во всем деле действие всех сословий, для пользы их и всего земского хозяйства столь желаемое и нужное» [5].

Через 25 лет Государственный совет исходил уже из противоположного принципа — улучшения состава земских учреждений за счет усиления позиций дворян как самой «благонадежной» категории жителей. «Для крестьян,— утверждалось в записке к новому земскому положению (1890),— земская служба будет сопряжена с наибольшими тяготами. Притом крестьяне по своему развитию окажутся менее представителей других сословий подготовленными к участию в земском деле. Лучших же деятелей на этом поприще как и прежде будет, несомненно, поставлять дворянство. Поэтому, при установлении численного распределения этих двух сословных групп в состав уездных земских собраний, казалось бы правильным принять, в виде общего начала, что число гласных от дворян должно, по возможности, превышать численность гласных от сельских обществ вдвое» [6].

Преобладание дворян обеспечивалось следующим образом. Все выборщики («избиратели») уезда по закону делились на три разряда: 1) крестьяне; 2) дворяне вне зависимости от места владения имуществом — в деревне или в городе; 3) все прочие сельские и городские сословия. Общее число уездных гласных было сильно сокращено — с 13 329 до 10 229, при этом дворянам отводилось больше половины мест, а крестьянам оставлено всего 3167 (вместо прежних 5357). Ценз в большинстве уездов был понижен, а из числа избирателей исключались священники, владельцы торговых заведений и лица, имеющие купеческие свидетельства.

Право участия в выборах теперь давали или земля, или недвижимые имущества в уезде или городе на сумму не менее 15 000 рублей. Многие мелкие собственники лишались участия в земских делах: отныне право избирать уполномоченных на предварительных съездах имели лишь владельцы 1/10 ценза (а не 1/20, как ранее). Крестьяне выбирали по одному кандидату в гласные от волости. Позднее из числа этих кандидатов губернатор назначал требуемое число гласных (такой порядок просуществовал до 1906 года, когда функции губернатора были переданы специальным съездам).

Перед началом выборов в уездных городах заблаговременно составлялись «избирательные списки», которые затем с исправлениями печатались в «Губернских ведомостях». В назначенные губернатором дни проходили волостные сходы, а также съезды мелких собственников и представителей прочих сословий. Гласные сохраняли свои полномочия в течение трех лет.

Вскоре после выборов (как правило, в начале сентября) собиралось уездное земское собрание. Гласных приводили к присяге; в конце работы выбирались гласные в губернское земское собрание.

С начала XX века губернские гласные выбирали по одному члену Государственного совета, а впоследствии получили право выдвигать кандидатов в Государственную думу. Таким образом, представители земств оказа-

П. А. Валуев — один из руководителей разработки земской реформы 1864 года.

лись в обеих палатах российского парламента — в Государственном совете и Государственной думе.

1917 год

После Февральской революции земство становится бесцензовым. В соответствии с законами от 21 мая и 9 июня 1917 года правом участия в выборах волостных и уездных земских гласных пользовалось все население — мужчины и женщины — с двадцатилетнего возраста[7]. К выборам допускались и солдаты (причем в волостное земство — с 18 лет).

Лишались избирательных прав сумасшедшие, монашествующие и т.п., а также дезертиры и уголовные преступ-

ники (осужденные за кражу, мошенничество и сходные с ними преступления могли рассчитывать на участие в выборах спустя три года по отбытии наказания). Не устанавливалось никакого ценза оседлости, и всякий, проживавший ко дню составления избирательных списков в данной местности, имел право голосовать. Для воинских чинов устанавливался упрощенный порядок занесения в списки — по заявлениям воинского начальства. Выбираться в гласные могли все правоспособные граждане России, независимо от места проживания.

Голосование было тайным и равным, а в волостные и уездные земства также и прямым (в губернские земства гласные, как и прежде, избирались уездными земскими собраниями).

В 1917 году изменилась и организация выборов во все земские единицы. В волостное земство выборы, как правило, проводились по так называемой мажоритарной системе: избиратели подавали свои голоса за отдельных лиц, заранее заявленных отдельными группами, а избранным считался тот, кто набирал больше половины общего числа голосов.

Однако по постановлению уездной земской управы (в отдельных волостях — с утверждением министра внутренних дел) допускалась и пропорциональная система выборов по «твердым» (заранее заявленным и не подлежащим каким-либо изменениям) спискам. В этом случае избиратель подавал свой голос за один из предложенных списков. Число гласных затем разверстывалось между списками пропорционально количеству поданных за каждый из них голосов.

Не прошедшие в гласные по спискам зачислялись кандидатами: если кто-либо выйдет из гласных, его место автоматически занимает сотоварищ по списку, и соотношение между различными партиями, определенное голосами избирателей, оставалось прежним (при мажоритарной системе кандидатов к гласным не полагалось, а для замены выбывшего назначались дополнительные выборы).

Для удобства подачи голосов волость разбивалась на избирательные участки, в каждом из которых собирались записки (затем производился общий подсчет). Сами выборы совершались в один день (лишь для Якутской губернии и ряда иных окраинных территорий допускалась подача записок в несколько дней ввиду дальних расстояний).

Выборы в уездное земство проводились только по пропорциональной системе. Уезд делился на несколько избирательных округов (так, чтобы в каждом было не более пяти волостей и не менее трех гласных для избрания).

При выборах уездных гласных города выделялись в самостоятельные округа, причем если на долю города приходилось 3 и более гласных, то применялась пропорциональная система, в противном случае — мажоритарная. Губернские и крупные (не менее 50 000 жителей) города не выбирали гласных в уездное земство, так как сами приравнивались в правах к уездам. Гласных в губернское земское собрание здесь выбирали городские думы.

Число гласных в различных земствах было тщательно продумано: еще составители Положения 1864 года отмечали, что «слишком многочисленный состав собрания был бы неудобен по самой цели его, состоящей в рассмотрении дел по преимуществу хозяйственных, требующих спокойного, основательного и хладнокровного обсуждения»[8]. По законам 1864 и 1890 годов в уездных земских собраниях полагалось иметь гласных в пределах соответственно 10—96 и 15—40. В губерниях это число колебалось соответственно 15—100 и 15—62. По законам 1917 года число волостных гласных составляло от 20 до 50 и определялось на месте уездной земской управой. Количество гласных в губернском и уездном земствах для каждой местности указывалось непосредственно в законе. Общее число гласных в 1917 году резко увеличилось: на 43 так называемые «старোземские» губернии теперь приходился 23 551 гласный (из них 21 987 от сельских местностей) против прежних 12 613. Число губернских гласных возросло с 2029 до 3388 (из них 3159 избирались уездными земствами, а 229 — городскими думами). К сентябрю 1917 года в России стало 70 губернских и 599 уездных земств.

К сожалению, бесцензовые земства с широкими полномочиями просуществовали в стране лишь несколько месяцев. Однако и предшествующий 53-летний опыт организации земских выборов может быть использован в наши дни при разработке наиболее эффективной модели самоуправления на местах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Положение о губернских и уездных учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Т. 39. СПб., 1867. № 40457.
2. Весселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. 3. СПб., 1911. С. 48—49.
3. Статистика выборов в земские учреждения за 1883—1886 гг. СПб., 1888. С. XVIII.
4. Мыш М. И. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1896.
5. Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 54—55.
6. Там же. С. 56—57.
7. См. Положение о земских учреждениях 9 июня 1917 г. Пг., 1917; Весселовский Б. Б. Земство и земская реформа. Пг., 1917.
8. Валицкий Е. Земские учреждения. Настольная книга. М., 1869. С. 350.

ЛИДСКИЙ АРХИВ

Более десяти лет в центре Англии в крупном промышленном городе Лидсе при местном университете существует Русский архив. Это единственный центр в Соединенном Королевстве, где собираются документы только по российской истории. Благодаря усилиям д-ра Ричарда Дэвиса, основателя и нынешнего директора архива, университету удалось приобрести уникальные документы — личные архивы писателей Л. Андреева, И. Бунина, известного русского инженера Г. Ломоносова, а также различные материалы по русской эмиграции.

К настоящему времени коллекция Русского архива насчитывает более 700 фондов. И она постоянно пополняется. Англичане, жизнь которых каким-то образом связана с Россией, русские эмигранты, желая сохранить память о Родине, приносят в архив новые и новые документы. С некоторыми из них мы надеемся познакомить читателей в будущих номерах, а сейчас, пользуясь любезным разрешением архива, мы публикуем уникальные документы — фотографии — из фондов Л. Андреева и И. Бунина.

Писатель А. Толстой.
Фото Л. Андреева. 1910.

Сын Л. Андреева Вадим в студии. 1912.

Художник И. Репин.
Фото Л. Андреева. 1910.

Популярная открытка начала века.

Нобелевское удостоверение И. Бунина.

Леонид Андреев с Анной. 1910.

К. Чуковский. Фото Л. Андреева. 1910.

Леонид Андреев. Автопортрет. 1910.

«Мы выполнили не букву завещания, а его дух»,—

ГОВОРИТ ВНУК ПИСАТЕЛЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

— Вот скоро уйду на пенсию и буду писать мемуары...

...В старинной нормандской деревушке в двух часах езды от Парижа я разговариваю с Александром Вадимовичем Андреевым, внуком знаменитого русского писателя Леонида Андреева, сыном писателя Вадима Андреева. Этого интервью я добивался довольно долго. Александр никак не хотел исповедоваться. «К чему это,— отнекивался он,— кому это надо? Я ведь не звезда какая...» И я проводил время в кругу его семьи, пользуясь гостеприимством. Вечерами мы попивали изготовленное самим Александром и его женой Розой яблочное вино, прогуливались по окрестностям, беседовали, спорили о литературе и политике, работали в саду. Александр садился за руль трактора и мгновенно превращался в нормандского земледельца. Он мог подолгу рассуждать о достоинствах того или иного плода, растения, о прелестях этой местности, о соседях, но меня волновало другое: биография знаменитой семьи, домашние архивы, Франция и, конечно же, Россия в судьбе Андреевых.

Он согласился, наконец, на интервью.

Л. Андреев на мотоботе «Савва». Автопортрет. 1910. Сын Л. Андреева Вадим. 1910. Лидский архив.

— Мне кажется, что эта сбалансированность идет отчасти от моего отца. Хотя все давалось ему мучительно. Он даже начал писать беллетризованный роман о Леониде Андрееве, изучил, кажется, четыре поколения предков. Не знаю, до чего он дошел, надо покопаться в архиве, найти эту рукопись. Но мой отец, написав книгу «Детство», как бы освободил себя от какого-то бремени, от какой-то тяжести авторитета Андреева и стал самим собой. И это его отношение передалось мне и моей сестре Ольге Карлайл. Повторяю, вживание (или, точнее, изживание) в отца (из отца), Леонида Андреева, классика русской литературы, давалось Вадиму не легко. Дед был сложен, в биографии много трагических аспектов. Тяжесть его славы, желание самых близких и не очень близких людей общаться с ним, быть к нему ближе не всегда находили в нем отклик. Это, кстати, черта русских людей. Не очень хорошая черта, я бы сказал. К примеру, вторая жена Леонида Андреева воспитывала и своего старшего сына, и сына Леонида и всем внушала, что именно этот, чужой,— любимый ее сын, что, конечно, уязвляло других. (Даниил Андреев, к примеру, был вообще вычеркнут из истории семьи.) Так вот, мой отец нашел равновесие лишь после того, как предался семейному архиву, анализу рукописей, писем, чтению и перепечатке дневников, написанию собственной повести.

— Как твой отец оказался за границей?

— Революция застала семью Леонида Андреева в Финляндии. Как только Ленин признал Финляндию независимой, мой дед и его семья стали заграничными гражданами. Так что ни Леонид Андреев, ни Вадим Андреев формально не эмигрировали из России. Подробности этой истории описаны в повести отца «История одного путешествия».

— А как реагировала ваша семья на послевоенные призывы сталинской пропаганды вернуться домой, на Родину?

— Да, эти «приглашения»-заманивания вызывали бурные споры в русской среде. Эмиграция резко разделилась по политическим мотивам. Разделились и печатные издания.

Мне трудно сказать точно, сколько русских в Париже взяли советский паспорт в результате «закона», который забавно назывался амнистией. Этим «законом» якобы амнистировались любые «злодеяния» в годы революции и гражданской войны. Думаю, что клюнули на советские призывы тысячи три-четыре. Причем это были люди из самых разных сословий. Многие уехали сразу же, часть — уже в пятидесятых годах. Некоторых, как Угрюмова и Кривошеина, из Франции выслали.

В 61-м году таким приглашением воспользовался и мой родственник Владимир Сосинский, приехавший в СССР с семьей.

И отец рвался в Советский Союз. Первую попытку он предпринял в тридцать седьмом году, хотя его от этого усиленно отговаривали Горький и Бабель. Отец все-таки подал документы, но его не впустили. В 49-м же году, вместо того чтобы поехать в Советский Союз, что означало бы (как мы потом поняли) гибель отца, он получил место в ООН, в Нью-Йорке, и мы двинулись совсем в другую сторону. Но и живя в Америке, отец продолжал принимать активное участие в интеллектуальной жизни парижских поэтов. И хотя в это время наметился раскол между просоветски и антисоветски настроенными эмигрантами, это был период, когда на русском языке выходили альманахи, книги, журналы, объединяющие и тех и других, когда русская культурная жизнь била, что называется, ключом.

Конечно, я многого не понимал, на все смотрел глазами мальчика. Но я был любопытен, и многое меня интересовало. Например, раз в месяц я ходил с родителями пешком в местечко Кламар под Парижем, мы ходили в гости к Бердяеву, замечательному человеку и философу. Как правило, это случалось по четвергам, в тот день, когда я не посещал школу. Наша компания состояла из бабушки и трех сестер-близнецов: моей мамы, Натальи Резниковой и Ариадны Сосинской.

Наша семья была очень близка к писателю Алексею Ремизову. Жил он от нас довольно далеко.

Как правило, во время гостевания у Ремизова я сидел где-нибудь в углу, что-то себе читал, чего-то рисовал. И жадно наблюдал за всем, что происходило. Когда же мне исполнилось уже четырнадцать-пятнадцать лет, я самостоятельно ходил к Алексею Михайловичу и, проводя с ним целые дни, очень к нему привязался. Он уже плохо видел, и я читал ему книги, ходил за продуктами в магазины, мы подолгу беседовали. В начале 1952 года я получил в его «Обезьяньей палате» (шуточном домашнем «ордене») звание «Князь», наравне с самим Сергеем Дягилевым. Грамота об этом назначении хранится у меня до сих пор.

Надо сказать, что еще с мальчишеской поры я мало участвовал в русских делах. Семья наша была довольно далека от общей православной белой эмиграции. Конечно, мы соприкасались, участвовали в каких-то встречах и особой вражды к белоэмигрантам не чувствовали. Но я не имел отношения ни к скаутскому движению, ни к движению «витязей». Как-то выходило, что, помимо чисто литературных или семейных отношений, мы были в стороне от общественно-русских дел. Я рос, как все французские мальчики: посещал французскую школу, участвовал во французском скаутском движении, общался с французскими сверстниками. Надо признаться, что в нашей семье были довольно сильны социалистические, а значит, «антибелые» настроения. В семье не терпели антисемитизма, мракобесия, вообще всего «анти», что было довольно распространено в среде русской эмиграции.

— А что касается религии...

— Конечно, мы все крещеные. Родители рассматривали это еще как прививку против потенциальных поползновений заманить нас в какие-нибудь иезуиты. Моя мама и тетка Наталья Резникова твердо придерживались православия. Это давало радость и нам, ну хотя бы потому, что на праздники мы могли пойти в церковь, где все было торжественно и посемейному мило. Отец считался упорным пантеистом. А бабушка и другая моя тетка Ариадна никакими православными делами не занимались.

...С 49-го по 59-й год отец жил в Америке. Затем в Швейцарии, где продолжал писать до самого своего конца. В Москву ездил довольно часто. Особенно после того, как вышла по рекомендации Корнея Чуковского его книга «Детство», имевшая читательский успех.

Умер отец в Женеве. Прах его покоится на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Мама пережила его на несколько лет и скончалась в Париже, все последние годы жила у своей сестры-близнеца Натальи Резниковой, которой скоро исполнится девяносто лет.

— А почему все-таки отец так рвался в Россию?

— Думаю, это было заложено в некоей «перфокарте» чувств. Отец очень любил Россию. Идеализировал ее. Когда я впервые приехал в Россию, то сразу же понял, что отец создал себе образ какой-то иной России, чрезвычайно далекой от настоящей, тогдашней, сталинско-хрущевско-советской. Отец прекрасно воспринимал мировую культуру, исключительно широко

знал французскую поэзию. Читая по-французски, он говорил на нем не очень хорошо и не раз повторял, что если хорошо овладеет французским или, скажем, английским, то этим он засорит свой русский язык. Мистически любя родной язык, родную литературу, он считал писательским призванием сохранять чистоту своего орудия производства. Поэтому я и воспитывался на образе идеализированной России. Мне, например, толковали, что русский человек в его лучшем виде это Кюхельбекер, а в худшем — Платон Каратаев. Представьте себе, как в пятьдесят седьмом году, попав в Россию и горячо веруя в чистейший образец русского человека, я услышал матерщину, ощутил на себе все прелести советской уличной культуры. Я был шокирован. Это был великий шок в моей жизни.

После опубликования повести «Детство» к отцу стали приходить письма из России. Впервые в жизни он ощутил, что такое живой читатель. Не парижский критик, не писатель Божнев, не чья-то там профессиональная рецензия в журнале, а, скажем, колхозница из-под Краснодара, которая пишет ему восхищенное письмо. Как помню, заканчивалось оно приблизительно так: «Любите, Вадим Леонидович, нашего Никиту Сергеевича, как мы его любим в колхозе». Вот что такое была Россия для Вадима Андреева.

— Вы часто говорили о России?

— Да, особенно в последние годы его жизни, когда он жил в Женеве, а я в Париже. При каждой встрече между нами шел мучительный спор о России. Он занимал позицию защиты Советского Союза, я — противоположную. Чуть позже, при наездах в Россию, он познакомился с Александром Солженицыным и помог вывезти некоторые рукописи писателя. Знакомство с ним произвело на отца огромное впечатление...

— Перевернуло представление об СССР?

— Да, именно так. Это разочарование усилилось, когда он прочитал «Архипелаг ГУЛАГ».

— В рукописи?

— В рукописи, ведь он помогал Александру Исаевичу вывезти ее из России. Он сказал: «Ты знаешь, Саша, в общем, все эти наши споры о России, которые идут между нами много лет... Я считаю, что ты прав во всем...»

Это было незадолго до его смерти... Но все равно в главном — в его любви к России — ничего не изменилось. Да, в нем шла борьба, ведь он много узнал к тому времени. И не только из книг Солженицына. В пятьдесят седьмом году он встречался со своим братом Даниилом Андреевым (сегодня он у вас весьма известен), который находился на поселении на Оке. Можно представить, какие у них были разговоры и о России, и о народе, и о Сталине... Но ему, по-видимому, не хватало все же мощного рычага, чтобы отречься от иллюзий. И он нашел его через Солженицына.

— Твой отец был наследником литературного архива Леонида Андреева?

— Частично.

— У тебя что-нибудь осталось от деда: неизданные рукописи, вещи, ему принадлежавшие?

— Нет, сейчас почти ничего нет, кроме рукописи «Жизнь человека». Но я и ее сдал на хранение. Мы с сетрой Ольгой Карлайл сдали все в Лидс, это университет в Англии. Трем сыновьям Леонида достались три доли наследства. Одна — Валентину, который скончался четыре года назад в Париже, он родился в тринадцатом году. Двое его сыновей, Евгений и Михаил, примерно моего возраста, живут в Париже. Третий сын Леонида, Савва, жил в Аргентине. Он умер, но нам удалось найти у его родственников кое-какие наследственные вещи деда, их мы тоже передали в Лидс.

— А почему не в Россию?

— Отец неоднократно выражал желание, чтобы все попало в Россию. Но мы, то есть мама, я и сестра Ольга, объяснили в официальных наследственных документах, что вопреки воле отца, в силу разного рода обстоятельств и причин передаем документы в другое место, а именно в Лидс, в Англию. Мы, честно говоря, были уверены, что если передадим архив в СССР, то все ляжет в запертый ящик, куда не будет доступа ни исследователям, ни родственникам. Кстати, так и случилось со всем тем, что наш родственник Владимир Сосинский сдал в ЦГАЛИ в шестьдесят первом году по приезде в СССР. Известно, что в архив его даже самого неохотно допускали.

Надо сказать, что мы не ошиблись. На основании нашего архива уже вышел прекрасный фотоальбом, посвященный Л. Андрееву. Архив нашего деда в Лидсе открыт для советских исследователей. Безвозмездно. Так что мы выполнили не букву завещания отца, а его дух.

— А где находится архив Вадима Леонидовича?

— Тоже в Лидсе. Многое из наследия Даниила Андреева мы отдали в Лидс. Правда, теперь большая часть литературного и научного наследия Даниила находится в Советском Союзе.

— Есть ли в России литературный Фонд Андреевых?

— В России только те части литнаследства, которые отец сам сдавал в ЦГАЛИ.

— Я слышал, что именно твоя сестра Ольга вывезла некоторые рукописи Солженицына из Советского Союза. Ты знаешь что-нибудь об этом?

— Нет, Оля не вывозила. Дело в том, что Александр Исаевич был близок по лагерным дорожкам кое с кем из наших друзей. Через них Александр Исаевич познакомился с моими родителями. Они все обговорили. Как раз из Америки в Москву приехала Ольга, она тоже повидалась с Солженицыным и договорилась с ним о выпуске его романа «В круге первом» на Западе. Этот роман и несколько других вещей были вывезены в цветах моей мамы и в плаще отца. Я же познакомился с Александром Исаевичем в конце 1967 года на квартире Надежды Яковлевны Мандельштам. В следующий приезд, в июне 1968 года, я при отъезде сумел вывезти рукопись «Архипелага». Знаешь, об этом я никому не говорил и, кажется, об этой истории тебе рассказываю первому. Считаю, что этот «подвиг» — мой скромный вклад в современную литературу. Кстати, есть письмо от Солженицына, мне показывал его Никита Струве, в нем сказано: «Спасибо храброму молодому человеку». Но имя мое не названо. А мне было очень страшно тогда, когда я вывозил рукопись опального писателя. Особенно когда уже решился, дал согласие и ожидал выезда. Приехав в Париж, я дал в Москву закодированную телеграмму о благополучном исходе дела: сообщил, что анализ крови такого-то человека дал хорошие результаты. В Москве от счастья даже не поверили, посыпались телеграммы и письма. Почему, дескать, формула крови, а не почечный баланс. То есть Солженицын и его окружение не сразу поверили в удачу операции.

Вывезенный экземпляр «Архипелага ГУЛАГ» я перевел на английский. Правда, ради справедливости надо заметить, что приблизительно в это же время кто-то

под рясой вывез еще один вариант или экземпляр «ГУЛАГа».

Отношения сына и отца Андреевых были, что называется, накоротке. В двенадцать лет он отбросил слово «папа» и называл его запросто ... Вадимом. Поразительно, но и дети Александра Вадимовича называют отца не иначе как Саша. Я тому свидетель, и для меня это тоже непривычно. У А. Андреева две дочери и сын. Старшая, литературовед, славист, живет в Париже. Мама дочерей — американка. Это был его первый брак. Домашний язык в семье Андреевых в то время был английский. Но — ирония судьбы — старшая дочь в девятнадцать лет заявила, что хочет непременно выучить русский. И ее послали в американскую школу в Мирлвэй, где она прошла девятинедельный курс полного погружения в язык. Причем дала клятву, что в течение обучения она не будет больше говорить ни на одном языке мира — только на русском. Дочь вернулась из школы, болтая по-русски довольно прилично. И с той поры пошла по языковой части. Сдала дипломы по греческому и латыни, но перетянули русский и славистика. Дошло до того, что, переехав в Америку, несколько лет преподавала русский язык. Потом поехала в Москву, где должна была написать диссертацию. Вместо того чтобы вернуться с диссертацией, вернулась с молодым человеком...

Младшая дочь — музыкант, виолончелистка. Она получила стипендию в Московской консерватории и тоже довольно бойко болтает по-русски.

Л. Андреев. У забора. Автопортрет. 1910. Лидский архив.

— Александр, вспомни о каких-либо подробностях, связанных с твоей работой. Ну, например, в Москве, когда ты входил в свиту де Голля.

— Одно из забавных приключений, которое касалось лично меня, случилось во время приема во французском посольстве. Там присутствовали Брежнев, Косыгин и Подгорный. У одного из них, как я сейчас вспоминаю, в те дни заболела жена, и он был без супруги. Кажется, это было с Брежневым. Я переводил на русский последовательно речь де Голля. Речь он начал с таких слов: «И вам, и вам, и вам, и вам, у которого больна жена...» А я не ухватил, у кого же она больна. И мне пришлось выкручиваться на ходу, чтобы не «заболеть» жену, скажем, Косыгина. После этого инцидента я был белым как стена. И телохранители де Голля меня отпаивали и откармливали, потому что я совершенно скис.

— Как ты относишься к эмиграции?

— Я все время интересовался эмиграцией. Я помню ее начало, первую волну. Я ходил на разные мероприятия, концерты. И сейчас эпизодически интересуюсь всем, что связано с русскими людьми здесь. Я люблю русский язык, с удовольствием говорю по-русски. Считаю забавным и приятным думать, что мой сын Даниил, родившийся в семьдесят седьмом году, хуже, чем я, конечно, но продолжает говорить по-русски.

Я уже говорил, но могу повторить, что нашу семью, а значит, и меня, отличали от белой эмиграции социалистические устремления. Бабушка стала членом Французской социалистической партии, по-нынешнему партии Миттерана. И мы, естественно, ни в какие «боже, царя храни» ворота не входили. Вадим Андреев состоял в масонах. В русском масонстве он участвовал и до, и после войны. Вадим дружил с писателем Михаилом Осоргиным, членом масонской ложи, который имел огромное влияние на отца. Все духовное развитие отца было связано с масонским движением.

— Скажи, издается ли во Франции Леонид Андреев? Знают ли его здесь?

— Издается, но не так много, как в испаноговорящих странах. Поразительно, когда в России Андреев был под полузапретом, в Мексике, Испании, Бразилии он широко печатался. В семидесятом году я снимал квартиру в Малаге и в разговоре с местным торговцем квартирами назвал свою фамилию, и он абсолютно ошалел: «Не может быть, что вы родственник Андреева!» Потом вынул три книги и заставил меня оставить автограф. Но не успокоился и устроил встречу с журналистами. Статья в газете называлась так: «Внук Леонида Андреева учит испанский язык». Андреев оказался необычайно близок испаноговорящему мировоззрению.

А во Франции Андреев издается — время от времени. Пьесы игрались и играются. Но сказать, чтобы он был очень известным, нельзя, однако и на Родине некоторые его вещи до сих пор не изданы. Например, повесть «Эсоэс», точная и злободневная в своем анализе времени и событий.

Беседу вел
ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

Фотографии предоставлены журналу Русским архивом Лидса (Англия)

ЮРИЙ БОРИСЁНОК,
кандидат исторических наук

НЕ ВСЯКОМУ НУЖНА КОРОНА

Екатерининский манифест от 5 мая 1779 года возвестил, что *«со вторым от бремени разрешением нашей любезной невестки, ея императорского высочества великой княгини, в 27 день апреля, благословил нас господь бог вожделенною радостию иметь второго рожденного нам внука, который наречен Константином»*.

Правда, восторги венценосной бабки продолжались недолго. Из мальчишки, который «не сдерживает свою мысль, никогда не слушается и имеет замашки шалуна», вырос бесцеремонный юноша, которому, например, ничего не стоило в присутствии императрицы затеять борьбу с почтенного возраста графом Отто Штакельбергом, свалить его на пол, отчего несчастный сломал руку. В конце августа 1796 года Екатерина пишет Н. С. Салтыкову: *«Я хотела сегодня говорить с моим сыном и рассказать ему все дурное поведение Константина Павловича, дабы всем родом сделать общее дело противу вертопраха и его унять, понеже поношение может нанести всему роду, буде не уймется. А как великий князь (Павел Петрович.*— Ю. Б.*) уехал в Павловское, и нужно унять хоть Константина как можно скорее, то скажите ему от меня и именем моим, чтобы он воздерживался вперед от злословия, сквернословия и беспутства; буде он не захочет дойти до того, чтоб я над ним сделала пример. Мне известно бесчинное, бесчестное и непристойное поведение его в доме генерал-прокурора, где он не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства, даже обнаружил и к вам неблагодарность, понося вас и вашу жену, что столь нагло и постыдно им произнесено было — что не токмо многие из наших, но даже и шведы без соблазна, содрогания и омерзения слышать не могли. Сверх того, он со всякой подлостию везде, даже и по улицам, обращается с такой непристойной фамильярностью, что я того и смотрю, что его где ни есть прибьют к стыду и крайней неприятности»*. Меры были приняты быстро: молодого человека арестовали, при этом он заболел лихорадкой «едва ли не от страха».

Небезынтересно, что ко времени написания этих строк Константин уже полгода как был женат. Избранницей бабки стала младшая из саксен-кобургских принцесс — Юлиана-Генриетта-Ульрика, хорошенькая маленькая брюнетка, едва достигшая 14 лет. 3 февраля 1796 года она обвенчалась с Константином и приняла имя Анны Федоровны.

Женитьба совершенно не изменила привычек Константина, прибавился только новый объект внимания. Под окнами жены уже в пятом часу утра он учинял построение солдат. Били в бубны, трубили тревогу, частенько и постреливали. Вечером концертная программа продолжалась. Анне Федоровне предписывалось под эти звуки играть на клавикордах. Слезы и жалобы супруги юный герой пресекал, подбрасывая в апартаменты любимой ящериц и мышей.

На другой день после воцарения Павла была удовлетворена страсть 17-летнего Константина к разного рода военным игрищам. Под его начало определили часть гвардейского Измайловского полка, а затем сделали начальником над пятью конногвардейскими эскадронами и первым кадетским корпусом. В бумагах его воспитателя Ф. Лагарпа найдено любопытнейшее высказывание 15-летнего великого князя: *«Офицер есть не что иное, как машина; все, что командир приказывает своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость»*. И дальше: *«Фантазия начальника может сделать подчиненного своим слугою, который может быть употреблен на все»*. Теория, которой он по мере сил и способностей старался следовать, на практике незамедлительно обернулась веселой жизнью для подвластных ему кадетов. Ему не составляло труда явиться в корпус в 5 часов утра и лично следить за тем, как «несколько сот детей» в едином порыве встают и одеваются под барабанный бой. Ежедневная обязанность являться к Павлу на вахт-парады и учения не особенно тяготила его. Но, как и все в империи, гнева отца он боялся смертельно. Особенно угнетала его перспектива угодить под военный суд за нарушения воинского устава: «Одно упоминание о военном суде было для великого князя Медузиною головою, которое оцепеняло ужасом его императорское величество».

Назначенный летом 1797 года инспектором кавалерии (и оставаясь в этой должности 34 года, вплоть до самой смерти), Константин страстно желал принять участие хоть в каком-нибудь бою. Наконец, 11 марта 1799 года под именем графа Романова он волонтером отправляется в армию Суворова, посланную в Италию. (На другой же день 17-летняя Анна Федоровна упорхнула из петербургской «золотой клетки» в Германию для свидания с родственниками.)

7 мая великий князь прибыл к Суворову. А 13 мая генерал Розенберг под прямым воздействием неугомонного Константина втянулся в сражение при Бассиньяно и проиграл его. Суворов тактично принял меры к тому, чтобы 20-летний полковник более никогда не отдавал приказаний, могущих иметь серьезные последствия. Теперь великий князь почти все время проводит при авангарде, которым командует П. И. Багратион. Константин делил с солдатами все трудности итальянского и швейцарского походов: проводил в седле по 10—12 часов и даже высказывал неглупые идеи на военных советах. В итоге Константин Павлович был выставлен героем, за что и был пожалован 28 октября 1799 года титулом цесаревича.

По возвращении жизнь двинулась привычным порядком, разве что раскаты павловского гнева стали чаще и больнее задевать молодого «соратника» Суворова. Но цареубийство в Михайловском замке 11 марта 1801 года вызвало у Константина мощнейший приступ ненависти — он порывался лишить жизни убийц своего отца. В том же году Анна Федоровна окончательно уехала в Германию к своим родственникам, где и прожила до самой смерти в 1860 году, почти на 30 лет пережив своего первого мужа.

Главный начальник всех кадетских корпусов и генерал-инспектор кавалерии, в начале александровского царствования Константин полностью погружен в военное дело. Обладание верховной властью ценилось им на порядок ниже очарования ружейных приемов и женских взоров.

Тем временем кампании против Наполеона 1805—1807 годов окончательно отбили у него охоту участвовать в каких-либо боевых действиях. Его по-прежнему тянуло к смотрам, разводам, учениям, караулам и парадам — война же разрушала стройные ряды марширующих. Под Аустерлицем он командовал гвардией, действовал достаточно решительно, сумев спасти свои части от окружения. После нескольких любовных приключений его сердцем овладела молодая француженка Жозефина Фридрихс. От связи с ней в 1808 году на свет появился мальчик Павел, которому через пару лет придумали фамилию Александров. Павла Константиновича великий князь постоянно держал при себе, дал ему прекрасное образование, и будущее его было беспечально. Умер он 48 лет генерал-адъютантом.

Приближение новой войны с Францией тревожило Константина. Давний поклонник наполеоновского таланта, сохранивший самые хорошие воспоминания от встреч с императором в Тильзите и Эрфурте, он даже порывался поехать в Париж, для того чтобы *«испросить у Бонапарта мир»*. Даже накануне войны цесаревич не изменил своим привычкам. Его пятый корпус по-прежнему сотрясали разнообразные смотрины и вахтпарады. Константин оказался в первых рядах сомневающихся во всем: от выбора отступательной тактики до целесообразности самого сопротивления французам. В итоге Барклай де Толли нашел присутствие цесаревича в армии бесполезным и затруднительным и удалил его из Витебска.

Тогда великий князь объявился в Москве и начал заниматься формированием кавалерийского полка, причем так резво, что Ростопчин буквально умолял Александра убрать его подальше из старой столицы. Император хотел услать упрямого брата в Нижний Новгород создавать ополчение, но тот решительно отказался. И предпочел вернуться на фронт. Возвращение было недолгим: Барклай вновь отправил цесаревича, на этот раз из Дорогобужа. После Бородина и занятия Москвы французами он впал в откровенную панику, очутился в Твери у сестры, вел. кн. Екатерины Павловны, где жарко спорил с Карамзиным о Наполеоне. Великий российский историк был аттестован Константином как враг России за то, что бранил корсиканца.

Командуя гвардией, великий князь принял участие в заграничном походе русской армии. 18 марта 1814 года вместе с братом он торжественно въехал в Париж, а 9 июня объявился в Петербурге как вестник победы.

Полутора месяцами раньше произошло событие, круто переменившее судьбу 35-летнего цесаревича. 24 апреля в Сен-Дени Александр и Константин принимали парад 5-тысячного польского корпуса, оставшегося до последнего часа верным Наполеону. В тот же день императорским указом создается организационный Военный комитет из 7 польских генералов для возвращения и размещения в Польше этих войск. Председателем комитета был назначен Константин. С этого момента вся его жизнь связана с Польшей. Станислав Август Понятовский (последний польский король) еще в 1787 году и костюшковские повстанцы семью годами позже предлагали избрать Константина на польский престол. И вот 17 сентября 1814 года польские легионы и русский гвардейский корпус под командой цесаревича вступили в Варшаву. Тут, в Брюловском и Бельведерском дворцах, ему предстояло провести 16 лет.

Возникшее в 1815 году Царство Польское (площадью 127 000 кв. км) было новообразованием в высшей степени странным. В составе самодержавной империи появился уголок, где дозволялось не только произносить слово «конституция», но и действовать сообразно с ней. Полякам предоставленные вольности справедливо казались куцыми и урезанными, но на фоне всеобщего монархического торжества в Европе относительная самостоятельность Царства выгодно выделялась. Есть тут заслуга и цесаревича: с возникновением Царства он остался главнокомандующим польской армией. Несомненно, он играл конкретную роль представителя царствующего дома при всем этом «либерализме». Одна из любимейших присказок его была: «Я вам задам конституцию». Всячески открещиваясь от официальных высоких постов, Константин уже одним фактом своего присутствия в Бельведере давал почувствовать истинную цену нововведении 1815 года, с течением времени не

БЕСЕДЫ С СЭРОМ ИСАЙЕЙ

Лисица знает много вещей, а еж знает одну большую вещь.
Архилох
(греч. поэт VII века до Р. Хр.)

Диалог, фрагменты из которого вы сейчас прочтете, действительно состоялся и воплотился в книге «Беседы с Исайей Берлином. Воспоминания историка идей» *.

Сэр Исайя — известнейший в англоязычном мире исследователь социальной, политической и философской мысли. Родился он в Риге в 1909 году, затем семья его перебралась в Петроград, откуда после революции переехала в Англию. После недолгих лет дипломатической службы в США и Москве в 40-х годах Берлин по сей день остается профессором социальной и политической теории в Оксфорде.

Исторические взгляды Берлина произвели глубокие и благотворные изменения в научной и общественной мысли Запада. Постоянный рефрен его работ — это настойчивое предупреждение о том, что идеи — мощная материальная сила, сопоставимая с самым совершенным оружием, что творческая личность несет полную ответственность за социальные и политические последствия своей мыслительной деятельности. Ответственность, ненасилие, терпимость — таковы основные этические категории творчества Берлина. И если развить ту классификацию, которую не без улыбки сам Исайя Берлин дает всем мыслителям, употребляя метафору греческого поэта Архилоха (см. эпиграф), то можно сказать, что сэр Исайя — это тот, кто, одинаково хорошо понимая и «лисиц», и «ежей», сам не относится ни к тем ни к другим.

На захватывающий диалог о прошлом и настоящем мира идей британского исследователя вызвал Рамин Джаханбеглу — иранский философ, с 1974 года живущий во Франции. Несколько интервью, взятых им в 1988 году у И. Берлина, оформились затем в книгу. За внешней неторопливостью ритма вопросов-ответов, от главы к главе в ней развертывается колоссальная драма идей западной цивилизации. Драма, последствия которой современный читатель ощущает в собственной судьбе.

Об интеллигенции

Р. Дж. Может быть, мы поговорим о русских мыслителях и влиянии на них немецкого романтизма?

И. Б. Оно не было глубоким. Немецких романтиков читали, но если вы спросите о непосредственном воздействии, то я отвечу, что Пушкин, скажем, предпочитал Байрона и им вдохновлялся; Лермонтов также ощущал глубокое влияние Байрона, впрочем, как и некоторых немецких поэтов-романтиков. Кстати, оба они читали Байрона по-французски. Тогда в России мало кто свободно читал по-английски.

Русские интеллектуалы были учениками немцев по той причине, что многие из них, особенно в восемнадцатом веке, учились в университетах Германии, чаще всего в Геттингене. Еще больше русских стало обучаться там после Французской революции, поскольку Францию российское правительство считало идеологически неблагонадежной страной, а в Германии видело оплот политически лояльных консервативных принципов.

Р. Дж. Но и Париж считался культурной Меккой русских интеллектуалов.

И. Б. В восемнадцатом столетии — да, но в девятнадцатом Париж стал Меккой левых политических мыслителей, ведь именно там можно было найти Сен-Симона, Фурье, Луи Блана, Бланки, Леру, Прудона, Маркса и т. п. Русские изгнанники ехали в Париж, потому что он представлял собой своего рода политический фермент.

Р. Дж. Как случилось, что Гегель и гегельянство стали доминировать в мышлении молодых русских интеллектуалов?

И. Б. Ну, прежде всего, Гегель доминировал в самой немецкой философской мысли, а Россия в то время была в интеллектуальном отношении провинцией Германии. В первой половине девятнадцатого века русские интеллектуально питались немецкими течениями.

Р. Дж. А каково происхождение русского интеллектуального движения?

И. Б. Можно сказать, что началось оно в конце восемнадцатого столетия, где-то в царствование Екатерины Великой, когда в моде были Дидро, Вольтер и Монтескье. Небольшой круг русских последователей Просвещения попытался изменить характер образования как людей благородного происхождения, так и позднее — сыновей священников и им подобных. Настоящая же интеллигенция появляется лишь в девятнадцатом веке, после наполеоновского нашествия, когда русские офицеры, войдя победным маршем в Париж, были глубоко потрясены тем, что по сравнению с собственной страной показалось им либеральным и просвещенным обществом. Именно с тех пор иностранные идеи стали все ширящимся потоком проникать в Россию, сначала в аристократические круги — Пушкина и его друзей, а потом и в среду попроще. Усилия правительства были направлены на то, чтобы скрыть или прекратить хождение этих — и любых других — идей; но процесс продолжался, и западные доктрины контрабандой провозились в Петербург и Москву, начав с тех самых пор вырабатывать мощный интеллектуальный (а также моральный и политический) бродильный элемент.

Р. Дж. Вы говорите, что слово «интеллигенция» — русское слово, появилось ли оно именно тогда?

И. Б. Это слово русского происхождения. Некоторые поляки думают, что они придумали слово «интеллигенция», но это определенно русское слово. Оно было изобретено лишь в 1870-х годах. До этого времени самое интеллигенцию еще не называли этим словом. Таким образом, слово было открыто значительно позднее, чем возникло явление, этим словом обозначавшееся и имевшее к тому времени уже полувековую историю своего существования.

Р. Дж. В чем состоит различие между понятиями «интеллигенция» и «интеллектуалы»?

И. Б. Интеллектуалы — это люди, чей интерес состоит в идеях, мыслях, каковые они стремятся сделать возможно более интересными, точно так же, как эстеты — это люди, стремящиеся сделать вещи возможно более прекрасными. Интеллигенцию же исторически представляют люди, объединенные определенными социальными идеями, верящие в прогресс, разум, отвергающие традиционализм, исповедующие научные методы, свободу критики, свободу личности, противостоящие реакции, обскурантизму, церкви и авторитарному государству, видящие друг в друге соратников в борьбе за общее дело — прежде всего за права человека и определенный общественный порядок.

Корни интеллигенции — в вере в просвещение, которое нужно распространять вопреки его противникам. Вот почему интеллигенция как сознательная общность с большей вероятностью возникает там, где существует сильная реакционная церковь — будь то римско-католическая или православная. К примеру — во Франции, Италии, Испании и России. В Скандинавии же и в Англии нет подлинной интеллигенции. В протестантской церкви не видят серьезной угрозы либеральным и прогрессивным идеям.

Р. Дж. Но у вас [в Англии] есть интеллигенция?

И. Б. Да, конечно, равно как и радикалы и им подобные. Но это не одно и то же. В их среде нет чувства солидарности в борьбе с общим врагом, так как ни писатели, ни ученые, ни образованная публика в целом не видят в англиканской церкви нечто, с чем стоило бы бороться. Она не представляет собой той сильной, подавляющей организации, которая доминировала бы на общественной и политической арене. В России же церковь была верным союзником самодержавной системы, и интеллигенция не любила ее. Вот, кстати, почему Достоевского нельзя считать представителем интеллигенции, так же как нельзя считать ими Чехова, Пушкина, Толстого. А вот Тургенева — можно.

Р. Дж. Они — интеллектуалы.

И. Б. Не всегда. Не думаю, что Достоевского можно было бы назвать интеллектуалом. На деле он ненавидел их. Толстой вообще о них не думал. Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Чехов не могут с уверенностью быть названы интеллектуалами, так же как Диккенс или Бальзак; а Флобер, Жорж Санд, Ренан и Ницше — могут. Славянофилы — кто угодно, только не интеллектуалы. Это были религиозно настроенные писатели. Вообще, понятие «религиозная интеллигенция» не имело смысла в девятнадцатом веке. В двадцатом же оно стало наполняться значением, поскольку многие богословы и церковные деятели начали развивать левые идеи, как это делали Бердяев, Булгаков и другие; тогда же выражение «священник с краснинкой» стало ходячим в стране.

Р. Дж. Кого в современном мире вы могли бы причислить к интеллигенции?

И. Б. Я полагаю, что нечто похожее на подлинную интеллигенцию существует в Нью-Йорке, отчасти — в еврейской среде. В кругу некоторых писателей, критиков, музыкантов, художников обнаруживается своего рода дружеское единство в противодействии чериосотенству — как его называли в царской России,— то есть мещанской среде и реакции. В некотором смысле такой можно считать группу Блумсберри. Подобной общности иет в Великобритании, возможно, правда, миссис Тэтчер создаст ее. Не думаю, что можно было бы говорить о «советской интеллигенции», так как это не настоящая интеллигенция. То, что так называют, представляет собой лишь слой образованных людей без определенной нравственной или политической ориентации. Но подлинная интеллигенция все же смогла выжить в России и других республиках, несмотря на все трудности. И это самое замечательное явление. Эти люди — законные наследники прежней цивилизованной, гуманистической интеллигенции. Я не знаю, каким образом сумели они выжить или возродиться, но Гласность выявила [обнаружила] и освободила их. Сахаров был характернейшим представителем интеллигенции. Я глубоко скорблю о его кончине — его голос был голосом Герцена и его друзей, чудесным образом сохранившимся и пронесенным сквозь все эти ужасные годы.

Р. Дж. Ну а Солженицын?

И. Б. Нет. Солженицын не интеллигент: он — голос Достоевского.

Солженицын не против власти. Он против коммунистического типа власти. Тогда как Сахаров и его друзья против всех форм подавления демократии. Солженицын не демократ и не славянофил. Разве есть ему дело до чехов, поляков, словаков? Но, конечно же, быть в оппозиции к порочному режиму можно с различных сторон.

Р. Дж. Значит, споры между славянофилами и западниками продолжаются и в Советском Союзе?

* Книга «Conversations with Isaiah Berlin. I. Berlin and R. Jahanbegloo, 1991» вышла в Англии в издательстве «Peter Halban».

считаясь с ними все больше и больше. Но задачу по организации польской армии великий князь выполнил блестяще. Для более чем 30-тысячного войска делалось все: превосходное снабжение, обмундирование, повышенное жалованье офицерам и 10-летняя солдатская служба. Исключительное внимание Константин уделял военно-учебным заведениям, где преподавание велось на польском языке по программам, разработанным лично им самим.

По переезде в Польшу великий князь сделался чрезвычайно деятелен. Спал на жестком походном матраце, с которого вставал летом в 4, зимою в 6 часов утра. Около восьми он выходил в приемную. *«Великий князь во все дни принимал рапорты от полков, наряды в караул, дежурных, а также и ординарцев от пеших гвардейских полков в комнате перед большой залой, в которую, перед выходом его, собирались все генералы и офицеры, а в воскресные и праздничные дни — консулы, члены государственного совета и другие сановники».* Обойдя всех присутствующих, великий князь отправлялся на ежедневный развод на Саксонскую площадь. Его страсть к строевым упражнениям наконец-то могла быть сполна удовлетворена.

Цесаревич искренне верил в возможность преодоления русско-польских разногласий под скипетром романовской династии. Он в совершенстве овладел польским языком и к концу жизни признавался, что говорить по-польски ему проще и естественнее, чем по-русски.

Польское общество в первые годы после создания Царства терпимо относилось к присутствию цесаревича и его выходкам, ожидая от Александра уступок в вопросе восстановления Польши в границах 1772 года. Многие солдаты любили великого князя, так как *«отличившимся исправностью и усердием к службе, даривал разом по несколько червонцев, посещал их вне службы, бывал на свадьбах, крестил детей и приказывал хоронить умиравших служивых с воинскими почестями».* Польское же офицерство ненавидело Константина за грубость, самоуправство и несдержанность, доходившие до безжалостного унижения человеческого достоинства. Но офицеры находили оригинальные методы отмщения художествам царственного военачальника. По воспоминаниям Н. В. Веригина, на одном из полковых торжеств *«офицеры сговорились не дотрагиваться ни до чего за завтраком, который должен был быть в этот день у главнокомандующего, и не пить за его здоровье. Уговор между ними был исполнен, и когда цесаревич с бокалом в руке стал посреди залы, никто из офицеров не подошел к нему. Он поджидал их некоторое время, а между тем граф Красинский подталкивал то того, то другого, но никто не шел. Увидев это, цесаревич вспыхнул от гнева, схватил шляпу и быстро вышел из залы».* Правда, с годами нрав его, по отзывам современников, стал заметно покладистее. Причиной того стала окончательная стабилизация личной жизни.

Балы великий князь вообще-то недолюбливал, ездил на них редко и с великой неохотой. На одном из них, у княгини Вюртембергской, он познакомился с молодой графиней Иоанной Грудзинской, которая и покорила его сердце навечно. Ее красота и общительность, немалые способности к танцам сочетались со скромностью и глубокой религиозностью. Через несколько месяцев после знакомства цесаревич был захвачен совершенно. Но не все было так просто. Молодая графиня, не отталкивая его от себя, держалась тем не менее совершенно безукоризненно. Сочетание тонкого расчета и классического воспитания, всячески прославлявшего подвиги невинных девиц, дало результат. К 1819 году, через четыре года после первой встречи, цесаревич решился жениться. Развод для членов романовского дома был делом совершенно невиданным. Еще в 1803 году в переписке по поводу легализации страсти Константина к Янине Четвертинской, сестре известной фаворитки Александра I Марьи Антоновны Нарышкиной, императрица Мария Федоровна резонно поучала сына: *«По разрешении брака цесаревича последний крестьянин отдаленнейшей губернии, не слыша более имени великой княгини, при церковных молебствиях произносимого, известится о его разводе, и почтение крестьянина к достоинству брака и к самой вере поколеблется тем паче, что с ним неудобно войти в исследование причин, возмогших подать к тому повод. Он предположит, что вера для императорской фамилии менее священна, чем для него, а таковаго мнения довольно, чтоб отщепить сердца и умы подданных от государя и всего дома».*

Константин обратился к брату с просьбой о браке. 20 марта 1820 года появился высочайший манифест, извещавший, что вел. кн. Анна Федоровна *«впредь возвратиться в Россию не может по крайне расстроенному ея состоянию».* Синод нашел возможным положительно ответить на желание Константина по силе 10 пункта Духовного Регламента. Особо было оговорено, что *«если какое лицо из императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, т. е. не принадлежащим ни к какому царственному или владетельному дому, в таком случае лицо императорской фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от таковаго союза дети не имеют права на наследование престола».*

Перед браком великий князь уладил свои отношения с Жозефиной Фридрихс, выдав ее замуж за адъютанта цесаревича полковника Вейсса.

12 мая 1820 года кабриолет Константина, по привычке управляемый им лично, подкатил к Крулевскому замку. В присутствии четырех верных генералов был совершен торжественный акт. По Варшаве поползла сплетня, что цесаревич женился трижды: по-французски (гражданский брак), по-русски (венчание в церкви) и по-польски (обряд в костеле). Петербургский курьер с поздравлениями и парижскими подарками запоздал, зато народ быстро сориентировался в обстановке, запрудил прилегающие улицы и приветствовал новобрачных, срывая с торжества таинственный покров. По Указу Александра I от 8 июля 1820 года (распространенному только в Царстве) молодая жена Константина получала титул княгини Ловицкой (по названию принадлежавшего великому князю имения.)

Нет оснований сомневаться, что Константин и Жаннета были счастливы в браке. Правда, вернувшись с маневров осенью 1820 года, Константин сделал последнюю попытку приблизить к себе многострадальную жену полковника Вейсса под предлогом воспитания П. К. Александрова. Княгиня Ловицкая после нескольких сцен поступила просто — пожаловалась Александру. Тот урезонил амбиции брата, распорядившись выслать Вейсса с женой из Варшавы. Через четыре года, 5 апреля 1824 года, Жозефина скончалась в Ницце.

Константин значительно смягчился, проводя время с женой и сыном Павлом. Семейная жизнь окончательно укрепила в Константине убеждение отказаться от престола. 14 января 1822 года он пишет Александру: *«Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Ваше императорское Величество передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда неизменное положение нашего государства. Сим могу я прибавить еще новый залог и новую силу тому обязательству, которое я дал непринужденно и торжественно, при случае развода моего с первою моею женою».* Император уважил просьбу брата, и 16 августа 1823 года в Царском Селе был подписан манифест, утверждающий отречение: *«на точном основании акта о наследовании Престола, наследником нашим быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу».* Все формальности были утрясены в глубокой тайне и содержали в себе немало двусмысленностей и шероховатостей.

Получив 25 ноября 1825 года рапорт о смерти брата, Константин заявил жене: «Будь спокойна! Царствовать не будешь». Все было окружено тайной, театральные постановки были отменены без предупреждения, а варшавяне, обвиненные в распространении темных слухов о смерти обожаемого монарха, встретили Новый год в тюрьме. Тем временем все в Петербурге, начиная с Николая, бросились принимать присягу новому царю Константину I, в каждой лавке продавались его портреты, сочинялись торжественные вирши. Константина же теперешнее его положение полностью устраивало, а царская корона предвещала сплошные трудности. Главным для него в новой ситуации стало сопротивление николаевским планам ликвидации вольностей Польши.

Меж тем в варшавском воздухе пахло грозой. Спокойная уверенность цесаревича, постоянно заверявшего императора, что «все у нас спокойно», была далека от реальности. Константин не уловил разницы в настроениях поляков по сравнению с первой половиной 20-х годов, когда он, как «первый полициант края», поотечески вершил расправу с немногочисленными заговорщиками. Теперь движение стало нарастать с каждым месяцем.

Цесаревич стал заметно сдавать. В былые времена он целыми днями не снимал мундира, теперь же просиживал в спальне, в халате и в туфлях. Страдая ногами, он, когда-то лихой наездник, теперь с трудом садился на коня. Константин то собирался удалиться от дел за границу, то стать военным губернатором в Твери. Все повернулось иначе.

29 ноября 1830 года на Варшаву надвигалась ночь. Освещенный лунным светом въезд в Бельведер чинно охраняли три бравых инвалида. Цесаревич спокойно спал, княгиня Жаннета вышивала в соседней комнате. Во дворце десятка два прислуги и генералы Жандр и Любовидзский ожидали пробуждения великого князя. А в городе тем временем начиналось восстание. Уже пробовали поджечь старый бровар на Сольце, что должно было стать сигналом к началу. Уже поднялась по призыву Петра Высоцкого школа подхорунжих. Уже приближались к Бельведеру добровольцы, посланные для убийства великого князя. Разделившись на две группы, они быстро ринулись искать спальню Константина. И вот раздались радостные крики: цель достигнута! Но нет, это убит генерал Жандр. Камердинер Фризе успел утаить цесаревича в каморке под крышей. Нападавшие скрылись, и к Бельведеру стали стягиваться верные великому князю русские и польские войска.

Восстание вспыхнуло стихийно, не было единого руководства и плана действий, каждый новый генерал воспринимался как потенциальный главнокомандующий. Но Константин оставался верным своей тактике: подавить польское восстание силами самих поляков, не вводя в дело русские и литовские части. Для Николая I это было бы решающим аргументом против уничтожения вольностей Царства.

Вначале восставшие ликовали. Все больше частей переходило на их сторону, повсеместно сдирались царские орлы, российские учреждения подвергались грабежу. Константин покинул Бельведер и заложил бивак у Мокотовского поля, проведя 4 дня в доме известного сыровара француза Шанеля. К 1 декабря у великого князя оставалось преимущество в силах: кроме русских войск ему были верны 4 батальона польской пехоты и столько же эскадронов польской кавалерии. В его сердце продолжала жить смутная надежда на подавление бунта силами самих поляков. Но 3 декабря цесаревич был вынужден отдать приказ о выводе русских войск. Генерал Рожнецкий, чей портрет давно болтался на варшавских фонарях, советовал Константину бежать к австрийской границе. Но власть в Варшаве у сторонников переговоров с Николаем, и великий князь, не спеша и с достоинством, покинул пределы Царства, бросив полякам при переходе границы упрек в «неблагодарности». Константин был доволен, что не дошло до прямых столкновений его частей с польскими повстанцами. Фактически с этого времени великий князь стал статистом, сосредоточившись на командовании войсками, которые он вывел из Польши. Все его просьбы выслушать поляков наталкивались на твердость Николая.

После Гроховской битвы (25 февраля 1831) начались самые трагические дни в жизни Константина Павловича. Жаннета тяжело заболела, а он фактически был удален от всех дел. 9 мая Константин с больной женой выехал в Слоним, 21-го был в Минске, а 3 июня — в Витебске. Дом витебского губернатора князя Хованского стал его последним прибежищем. Холера косила всех без разбору. 29 мая ее жертвой пал фельдмаршал И. И. Дибич. Константин мужественно спасал жизнь жены. После вмешательства опытного доктора Блюменталя ей стало полегче. 13 июня утром цесаревич сам почувствовал себя плохо, 15-го около четырех утра появились первые признаки холеры, а в восьмом часу вечера того же дня он умер. Только в конце июля тело было перевезено в Гатчину, погребение состоялось лишь 17 августа.

Княгиня Ловицкая жила затем в Гатчине и Царском Селе. В октябре произошло обострение болезни. В ночь с 29 на 30 ноября 1831 года, ровно через год после начала восстания в Варшаве, она скончалась в Петербурге. Ее похоронили с соблюдением всех церемоний, которые полагались при погребении великих князей. В апреле 1929 года ее останки были переданы представителям польского правительства и перевезены в Польшу. 2 мая 1929 года состоялось перезахоронение. Теперь ее прах покоится в окрестностях Познани в фамильном склепе Хлаповских рядом с останками ее сестры Антонины.

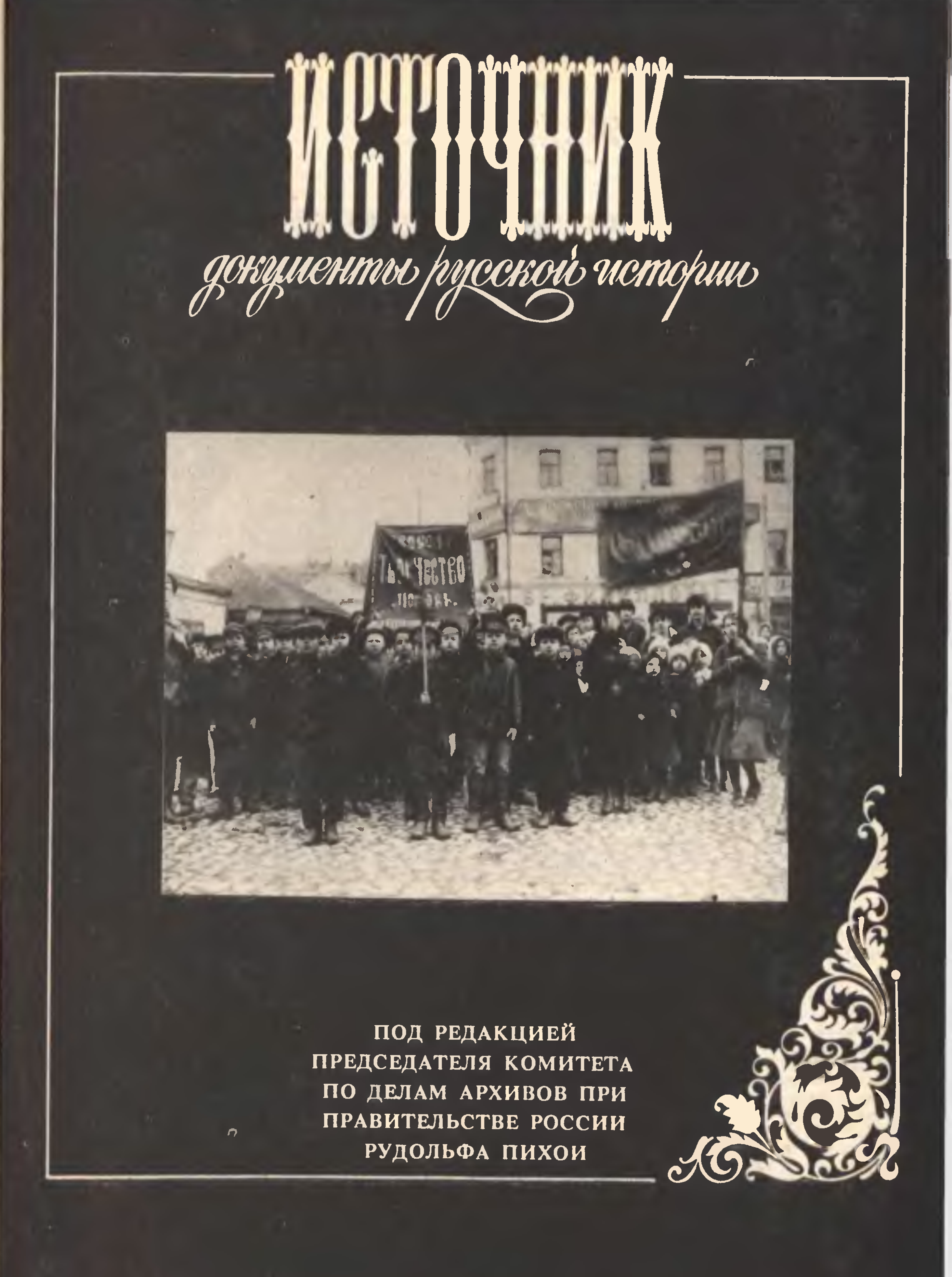
После бегства Константина восставшие наткнулись в Бельведере на его шкатулку. Среди прочих дорогих ему предметов там были белые свадебные перчатки Жаннеты, восковая свечка, оставшаяся от церемонии венчания, засохший букетик цветов и платочек с монограммой княгини Ловицкой.

И. Б. Да, в каком-то смысле. Голос великого либерала Герцена вновь слышен. Спор будет продолжаться: пока существует командная экономика и ведутся разговоры о «происках инородцев» — партия свободы будет им противостоять.

О ежах и лисицах

Р. Дж. Почему вы делаете такую классификацию мыслителей?
И. Б. Вообще-то я никогда не воспринимал ее абсолютно серьезно. Для меня это была своего рода увлекательная интеллектуальная игра, но ее приняли всерьез. Любая классификация, впрочем, проливает на что-то свет, моя же, ко всему прочему, была довольно простой.
Р. Дж. Значит, вы не подтверждаете действенности своей классификации?
И. Б. Что вы разумеете под подтверждением? Образы ежа и лисицы? Эти категории не исчерпывают всего многообразия типов. Нскоторые люди — ни лисы, ни ежи, а некоторые — и то, и другое.
Р. Дж. Давайте возьмем, к примеру, Пушкина. Отчего вы считаете его архилисицей?
И. Б. Пушкин не из тех, кто стремится объяснить все на свете исходя из одной-единственной универсальной системы. Как это делают ежи. Он просто реагирует в меру себя, творит в меру себя, пишет в меру себя. Я имею в виду его способность проявлять себя самым различным образом, так, как подсказывает вдохновение. А меж тем ежи всегда стараются все связать и выработать взгляд на все предметы с точки зрения их соответствия или несоответствия некоему образцу, в который они страстно веруют. Они постоянно смотрят на вещи и судят об их значимости с позиций определенного универсального принципа, в противоположность тем, кто интересуется вещами, как они есть, сами по себе.
Р. Дж. Вы и в самом деле полагаете, что русская литература имеет два полюса — Достоевского и Пушкина?
И. Б. Есть также и Толстой. Толстой — это лисица, страстно верящая в то, что она — еж. Достоевский — настоящий еж. Впрочем, это не специфически русское разделение. Гете был лисицей, а Гегель — ежом.
Р. Дж. Кого вы считаете крайними противоположностями в русской литературе?
И. Б. Конечно же, Достоевского и Тургенева. Проявления таких крайних противоположностей есть в любой литературе. Во французской литературе это Виктор Гюго и Флобер, Анатоль Франс и Гюисманс.
Р. Дж. В своем эссе «Еж и Лисица» вы показали, что Толстой находился в постоянном противоречии с самим собой, в борьбе между своим художническим ви́дением и историческим взглядом.
И. Б. Да, Толстой жаждал единого ви́дения мира, однако удивительное ощущение людей, вещей, ситуаций, моментов истории, деталей самих по себе, свойственное ему, было столь острым и неотразимым, что он попросту не мог не писать так, как он видел, ощущал, чувствовал, думал, понимал. Позднее он заклеймил все эти свои свойства, ибо они мешали ему выработать то ви́дение мира, к которому он стремился в конце жизни. Вот что я имел в виду.
Р. Дж. Значит, исходя из вашей позиции, Толстой мог быть одновременно и монистом, и плюралистом?
И. Б. По природе своей он был плюралистом, но верил в монизм. Он был лисицей, желавшей стать ежом. Несмотря на все внутреннее напряжение такой ситуации, особенно на закате жизни.

Р. Дж. Вы проводите также параллели между Толстым и де Местром.
И. Б. Только лишь потому, что, когда они оба описывают войны и сражения, они обнаруживают схожий взгляд на их суть и причины. Толстой читал де Местра, когда готовился к описанию сражения под Бородино; де Местр был в те времена в Петербурге и оставил описание того, что тогда происходило в столице. Он — главный авторитет в описании многих русских явлений с позиций интеллигентного иностранца. Не думаю, что Толстой сознательно подражал ему, но описание сражений, которое дает де Местр, его убеждение в том, что хотя генералы и полагают, что они командуют, отдают приказы, все же то, что случается в действительности, не имеет ничего общего с их тщательными диспозициями и зависит от массы факторов, которые ни они, ни кто другой не могут контролировать; убеждение де Местра в том, что победы и поражения зависят от психологических факторов, перед которыми командиры бессильны,— все это отразилось в толстовском презрении к суетности Наполеона и искусственности планов немецких военных экспертов, в противоположность интуитивному чувству реальности и, более всего, настрою умов и сердец простых солдат — свойств, воплотившихся в образе Кутузова.
Р. Дж. Но сходство между этими двумя мыслителями проявляется и в том, что оба они, как вы говорите, отвергают концепцию индивидуальной политической свободы и скептически относятся к прогрессу техники, не так ли?
И. Б. Они оба антимодернисты. Между тем де Местр — сторонник государственности и прежде всего церкви, тогда как Толстой воспринимал ее как неразумную и подавляющую силу и восставал против государства, которое считал одновременно глупым и аморальным явлением.
Р. Дж. Кого вы считаете великим человеком современности?
И. Б. Великий человек может быть очень плохим человеком. Сталин в моем понимании был великим человеком. Он был одним из худших людей, когда-либо живших на земле, но он произвел в России такие перемены, которых никто, кроме него, не смог бы добиться, несмотря на кошмарные результаты этих перемен. То же самое можно сказать о Гитлере, Мао и других чудовищах. Де Голль был великим человеком другого рода. Он произвел необратимые перемены во Франции; но он был человеческим существом в противоположность тем. Великие люди — это те, чье воздействие необратимо.
Р. Дж. Вы считаете Ганди и Неру великими людьми?
И. Б. Да. Ганди был величайшим человеком, потому что он создал нацию. То же сделал и Неру: он дал индийцам тот образ национального самосознания, который никто другой, как мне кажется, не смог бы так выразить.
Р. Дж. Вы считаете себя пацифистом?
И. Б. Нет.
Р. Дж. Полагаете ли вы, что насилие неизбежно?
И. Б. Нет. Более того, оно мне глубоко ненавистно, даже когда бывает необходимо. Кажется, я уже рассказывал вам, что с тех пор, как я в детстве увидел полицейского, затоптанного до смерти во время первой русской революции, я обрел инстинктивную неприязнь к физическому насилию и пронес это чувство через всю свою жизнь. И все же иногда приходится воевать. Я был за войну с Гитлером.



БОРИС ЧИЧЕРИН

НАШЕ НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Еще в начале нынешнего века на всю Россию громко звучало имя юриста, историка, философа Бориса Николаевича Чичерина. Его труды, часто публиковавшиеся под псевдонимом «Русский патриот», оказывали влияние на многих общественных деятелей. Биографы Б. Н. Чичерина называли его исследования совершенно исключительными в русской научной литературе, выдвигавшими их автора в ряды наиболее выдающихся представителей не только русской, но общеевропейской мысли. В высших сферах он слыл «красным», в советской историографии Б. Н. Чичерин характеризовался как сторонник конституционной монархии, видный деятель либерального движения. Профессор Московского университета (1861—1868), московский городской голова (1881—1883), Б. Н. Чичерин в июне 1883 года уволен по распоряжению Александра III за речь, произнесенную во время коронационных торжеств 16 мая с призывом к «единению всех земских сил для блага отечества». Последние годы жизни Б. Н. Чичерин провел в любимом имении Караул, Кирсановского уезда, Тамбовской губернии, работая над «Воспоминаниями» (опубликованы в 1920—1924 годах, 4 тома). Здесь же, в имении, родился и воспитывался его племянник, будущий советский государственный и политический деятель, нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин.

Статья «Наше настоящее положение» написана Б. Н. Чичериным в конце 70-х годов XIX века. Некоторые ее принципиальные тезисы вошли впоследствии в брошюру «Конституционный вопрос в России» (1906).

Текст статьи «Наше настоящее положение» публикуется впервые — по рукописи, хранящейся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей «Ленинки»).

Восточная* война произвела в русском обществе такое возбуждение, которое не может не оставить по себе глубокий след. В настоящую минуту оно только временно затихло. Неожиданный мир всех поразил недоумением. Одни, разочаровавшись в своих ожиданиях, с горечью смотрят на тот порядок вещей, который привел нас к такому исходу; другие радуются прекращению войны, в надежде, что оно даст нам более досуга для занятия внутренними делами. Но все понимают, что внешнее величие России, ее положение в европейском мире, зависит от внутренней ее крепости. Поднятие внешнего вопроса неизбежно влечет за собой возбуждение вопроса внутреннего, и все, в каком-то смутном недоумении, ждут, чем разрешится эта задача, предпримем ли мы новую жизненную работу или останемся в прежней каше, не давая исхода затаенному брожению и ожиданиям.

А между тем положение наше таково, что оно настоятельно требует врачевания. Революционная пропаганда дошла до систематических убийств. Жизнь высших сановников государства ежеминутно подвергается опасности. И что всего хуже, эти злодеяния совершаются среди белого дня, на улицах столицы, и преступники ускользают от всякого преследования. Можно сказать, что к полной умственной анархии присоединяется внешняя. Правительство не в силах само себя оградить, его смело вызывает на бой искусно организованная партия, которая очевидно имеет свои разветвления всюду. Такое явление указывает на глубокий внутренний развал, который с другой стороны обнаруживается и в волнениях среди учащейся молодежи. В недрах русского общества творится что-то доселе небывалое, что не поддается действию власти.

Что же делать при таких обстоятельствах? Следует ли усилить меры строгости? Но они испытаны уже вдоль и поперек... Пропаганда сделалась еще наглее, а общество остается в своем пассивном состоянии или даже сочувствует жертвам административного произвола, как обнаружилось в процессе Засулич. Правительство этой системы приведено к полному бессилию. Полиция бессильна разыскивать злодеев, юстиция бессильна карать виновных, министерство народного просвещения бессильно иметь какое бы то ни было влияние на умы молодежи, которая видит в нем не руководителя, а врага. По-видимому, в руках правительства сосредоточены все средства, власть его беспредельна, но все это остается втуне.

Дело в том, что внешние репрессивные меры совершенно недостаточны там, где власть хочет противодействовать известному настроению умов. Надобно, чтобы к физической силе присоединилась сила нравственная. Против нравственного зла требуется нравственное действие... Во всяком случае, успех возможен единственно при таких условиях, то есть при совокупном и дружном действии правительства и общества, в тех или других формах. Одна политическая сила без нравственного авторитета не в состоянии справиться с такой задачей.

Можно думать, что само русское правительство это сознает. И оно обратилось к обществу, призывая его к содействию. Но так как это воззвание было чисто платоническое, то оно вызвало только платонические ответы. У нас издавна завелись, к сожалению, глубоко вкоренившиеся обычаи делать официальные заверения преданности, которым никто не придает ни малейшего значения. Этим официальным обменом чувств ограничился призыв общества к содействию. Само Министерство внутренних дел указывало, какие ответы оно желает получить. На этот раз, однако, поднялись, хотя и робкие, голоса, которые заговорили другим языком. Положение до такой степени серьезно, что, несмотря на всю нашу привычку умалчивать истину, некоторые земские собрания осмелились высказать то, что думают все, именно, что для совокупной деятельности правительства и общества не существует у нас законной почвы.

Эту почву необходимо создать. Это не какое-либо революционное требование, а плод глубокого патриотического чувства, которое только в дружном действии правительства и общества видит исход из настоящего положения.

Преобразования нынешнего царствования рассеяли семена свободы по всем углам русской земли. С крестьян было снято вековое ярмо, в земских учреждениях создан орган для местных нужд, в судах установлены гарантии права. Но эта распаханная храмина, по выражению Петра Великого, должна быть собрана. Необходим центральный орган, в котором русское общественное мнение могло бы не только выражаться, но и вырабатываться в живом союзе с правительством. В настоящее время по всем общим вопросам органами и воспитателями общественного мнения являются у нас единственно газеты. Нечего говорить о том, до какой степени это орудие мало достигает цели. Не только у нас, но и в Западной Европе журналистика только при весьма высоких условиях получает истинное свое значение. Беспристрастные мыслители самого либерального направления ужасаются той бездной низких и пошлых мыслей и чувств, которые изливаются этим путем в малообразованных обществах. Там, где нет политической жизни, газета превращается в промышленное предприятие, в котором не подготовленный умственной работой предприниматель большей частью рассчитывает на страсть к скандалам, на легковерие, на неразборчивость публики. Предоставить общество исключительно журналистике — значит отдать его на жертву умственной и нравственной анархии, без всякой путеводительной нити и без всякой точки опоры. Этому в значительной степени мы обязаны современным нашим состоянием.

Но правительство не должно думать, что оно может исправить это зло, установивши полицейскую опеку над печатью. Здесь более, нежели где-либо, внешние репрессивные меры способны только усилить зло. Чем более правительство будет стеснять печать, тем более оно возбудит к ней сочувствие публики. Нет более верного средства развить в обществе дух оппозиции. А так как мысль в ее изворотах уловить невозможно, то этот дух будет выражаться в каждом недосказанном слове, он будет пробиваться между строками, устанавливая между правительством и общественным мнением все более и более глубокую пропасть.

Противодействовать легкомысленному воспитанию общественного мнения, которое дается газетами, можно только созданием политического органа, который

* Крымская война 1853—1856 гг.

соединял бы в себе все лучшие силы земли, ставя их лицом к лицу с высшими задачами государства. Для довершения всех преобразований нынешнего царствования, собиранию рассыпанной храмины приспела пора. Но при настоящем состоянии русского общества мы не думаем, чтобы этот орган следовало возводить в самостоятельное учреждение. Общественное мнение слишком еще у нас шатко и лишено внутреннего содержания, чтобы пуститься в новый путь на своих собственных ногах. Только при тесном единении с правительством оно может выработаться в прочную политическую силу, сознающую государственные потребности и умеющую их удовлетворять. Единственной желательной в настоящее время мерой представляется приобщение выборных от губернских земских собраний к Государственному совету. Таким учреждением существующее политическое здание не будет поколеблено. Власть государя остается самодержавной, Государственный совет остается тот же, ведомство и право его не расширяется прибавлением к нему новых членов. А между тем пробудившимся стремлениям русского общества будет дано удовлетворение, и его деятельности откроется новый горизонт.

Само правительство в подобном учреждении найдет не только ту нравственную поддержку, которую оно требует, но и те орудия, в которых оно так сильно нуждается. Все жалуются на недостаток людей, но где их найти? Люди создаются средой, способной их произвести. Государственный ум требует не только природных дарований, но и опытности в государственных делах. В прежнее время рассадником государственных людей было у нас высшее дворянство, окружавшее престол, но ныне этот источник иссяк. От него так долго требовались исключительно преданность и покорность, что та самостоятельная сила, та внутренняя энергия, которые служат признаком высших способностей, исчезли окончательно. Само образование высшего сословия понизилось в ужасающей степени. С тем вместе оскудела и высшая бюрократия, которая только при взаимодействии с просвещенным аристократическим сословием или с живой и образованной общественной средой способна выработать в себе государственных людей. Без этого бюрократия, в своем обособлении, погружается в официальную рутину и в мелочные интересы, в ней водворяются или узкие консервативные взгляды, или, что еще хуже, отвлеченный и односторонний либерализм, способный только разлагать, а не созидать. К сожалению, мы должны сказать, что в настоящее время высшая бюрократия представляет столь же мало элементов для плодотворной государственной деятельности, как и высшая аристократия.

Мало того, если бы правительство, не создавая центрального органа, стало отыскивать людей среди общества, то и здесь оно нашло бы такую же скудость. Государственные способности развиваются только основательной работой по государственным вопросам, а у нас даже чисто теоретическое изучение этих вопросов составляет величайшую редкость. Масса русских людей все свои сведения черпают из газет. Не только в высших, но и в средних слоях образование понизилось; учебные заведения дают меньше прежнего; теоретические интересы почти совершенно заглохли. Практические же интересы, вращающиеся в мелкой сфере, не в состоянии поднимать людей. В первой половине нынешнего царствования, пока нужно было вводить новые преобразования, в обществе господствовало еще значительное одушевление, но по мере того, как оно свыкалось с новым порядком вещей, рутина и личные стремления стали выдвигаться на первый план. Нынешнее русское общество погрязло в мелких интересах или бродит без мысли и без цели.

Вывести его из этого состояния, поднять его умственный и нравственный уровень можно только постановлением ему новых, более мирных практических задач, которые приобщили бы его к государственной жизни и поставили бы его лицом к лицу с насущными потребностями отечества. Эта цель именно и достигается указанным выше учреждением. В нем и правительство, и общество почерпнут новые силы. На этой только почве возможен между ними живой и плодотворный союз, который один может служить опорой против врагов, как внутреиних, так и внешних. Не боязливыми полумерами, не призванием представителей общества в какие бы то ни было комиссии или даже немногих выборных в Государственный совет, а единственно широким преобразованием можно удовлетворить общественным ожиданиям и дать русскому обществу новый толчок, показавши ему, что правительство не хочет оставаться в своем обособлении, а стремится собрать вокруг себя лучшие силы страны. Поэтому мы полагаем, что призвать следует не менее двух выборных от каждого губернского земского собрания. Только при таком составе образуется значительная среда, в которой могут вырабатываться и мысли, и люди.

Скажут, что такое собрание будет началом парламента, что земские люди, соединенные в таком числе, не удовольствуются скромной ролью советников, а захотят получить и права. На подобное возражение можно отвечать, что это — вопрос доверия. Если правительство не доверяет обществу, то оно, в свою очередь, не может ожидать доверия к себе. А там, где нет взаимного доверия, не может быть речи о совокупной деятельности. Тогда остается пребывать при взаимном отчуждении и непонимании друг друга. Правительство по-прежнему не будет знать, что делать и где найти людей. Лишенное нравственной поддержки и потребных для него орудий, оно неизбежно будет колебаться между произволом и слабостью и этим будет способствовать увеличению зла. По-прежнему молодежь будет волноваться в учебных заведениях, а власть будет заботиться единственно о том, чтобы стеснить в них доступ, не принимая в расчет, что исключенные сделаются еще сильнейшим элементом брожения. По-прежнему государственных людей будут резать на улицах, и народ будет развращаться... С своей стороны общество будет бродить наобум, не зная, к чему примкнуть и за что ухватиться. Практические люди будут стараться жить за счет государства, а приходящие в отчаяние юноши будут налагать на себя руки. И этот порядок вещей будет продолжаться до тех пор, пока какая-нибудь внешняя или внутренняя катастрофа не напомнит нам, что давно пора было приняться за ум, воздвигнув на новопоставленном здании ту кровлю, которая одна способна предохранить его от обуревающих его страстей!

Публикация
ВИКТОРА МОЛЧАНОВА

«Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти»

Это письмо М. А. Шолохова И. В. Сталину пролежало в архиве Политбюро ЦК 60 лет. Оно рассказывает о трагических событиях 1932—1933 годов — о хлебозаготовках, проводимых методами жутких репрессий, о том, чем был вызван страшный голод 1933 года, приведший к смерти миллионы крестьян. Шолохов в письме, датированном 4 апреля 1933 года, повествуя об этих событиях, просил у Сталина помощи для Вешенского и Верхне-Донского районов Северо-Кавказского края. «Вождь народов» 16 апреля ответил телеграммой: «Сообщите о размерах необходимой помощи». В тот же день Шолохов пишет второе письмо. 22 апреля Сталин присылает писателю еще одну «молнию»: «Кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов всего сто двадцать тысяч пудов. Верхне-Донскому району отпускаем сорок тысяч пудов...»

Об остальных голодающих районах, краях, областях Сталин умолчал. О репрессиях и издевательствах тоже. Правда, в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 июля 1933 года крайкому было указано «на недостаточный контроль над действиями своих представителей и уполномоченных». Упоминавшихся в письме Зимина и Овчинникова сняли с занимаемых постов, Плоткину и Пашинскому объявили строгий выговор, а «все другие меры наказания», вынесенные им, постановили «считать аннулированными». Дело в том, что в мае того же года Пашинский был приговорен к расстрелу выездной сессией крайсуда, а семеро из его «агитколонны» получили тюремное заключение. Но Политбюро эти наказания отменило, «аннулировало».

М. А. ШОЛОХОВ — И. В. СТАЛИНУ

Станица Вешенская — 4 апреля 1933 г.

Т. Сталин!

Вешенский район. наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края, не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями. Словом. район как будто ничем не отличается от остальных районов нашего края. Но причины, по которым 99% трудящегося населения терпят такое страшное бедствие, несколько иные, нежели, скажем, на Кубани.

Прошлые годы Вешенский район был в числе передовых по краю. В труднейших условиях 1930—31 г.г. успешно справлялся и с севом и с хлебозаготовками. О том, как парторганизация боролась за хлеб, красноречиво свидетельствуют цифры роста посевных площадей.

Посевная площадь по колхозно-единоличному сектору:
1930 г.— 87571 гек.
1931 г.— 136947 гек.
1932 г.— 163603 гек.

Как видите, с момента проведения сплошиой коллективизации посевная площадь выросла почти вдвое. Как работали на полудохлом скоте, как ломали хвосты падающим от истощения и устали волам, сколько трудов положили и коммунисты и колхозники, увеличивая посев, борясь за укрепление колхозного строя,— я постараюсь — в меру моих сил и способностей — отобразить во второй книге «Поднятой целины». Сделано было много, но сейчас все пошло насмарку и район стремительно приближается к катастрофе, предотвратить которую без Вашей помощи невозможно.

Вешенский район не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство. На примере Вешенского района я постараюсь это доказать.

В 1931 г. колхозы Вешенского района полностью выполнили план хлебозаготовок в 21000 тоин, заготовили семена на 163603 гек. озимого и ярового клина, выдали колхозникам на трудодни 7323 тонны (по 8½ пудов, в среднем, на едока) и осенью подняли 73000 гек. зяби.

Весною 1932 г. приступили к севу. Решение ЦК и Совнаркома «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г.»[1] застало колхозы нашего района еще в момент сева колосовых. Его проработали во всех бригадах, распространили широчайшим образом. И оно сыграло немалую роль в деле поднятия производительности труда! Колхозника ориентировали так: — «В прошлом году колхоз ваш сдал на хлебозаготовки одну тысячу тонн, а в этом году, при сниженном плане, сдаст меньше. Остальное — ваше! Распределяйте на трудодни и распоряжайтесь, как хочете».

План сева к 26 мая был выполнен по району целиком, включая и 13000 гектар дополнительиого. Но надо сказать, что на изрядной и никем не учтенной площади высев зерна был произведен в значительно меньшей норме, чем полагалось бы, т. к. зерно крали колхозники во время сева из сеялок. В этом деле бесспорно одно: воровали не «из любви к искусству» и не ради стяжания, а, в большинстве случаев, потому, что в 1931 г. получили — по сути — полуголодную норму (8½ пудов на едока), да и из этой нормы весною 1932 г., когда край прислал дополнительный план по пшенице, взяли на обсеменение часть выданного осенью хлеба.

Каков был урожай по верхнему Дону в 1932 г.? Я изъездил и исходил много полей, и не только колхозов Вешенского, ио и соседних районов. Урожай можно смело назвать «лоскутным». Он и пестр был, как лоскутное одеяло. Стогектарная клетка пшеницы, посеянной в первых числах апреля, на вид давала 30—35 пудов, а рядом такая же клетка пшеницы, посеянной в конце апреля либо в начале мая, выглядела неизмеримо хуже. В одном и том же колхозе урожай колебался от 4 пудов с гектара до 40. Большое количество посевов — преимущественно поздних — погибло окончательио. Так по колхозам Вешенского района из общей посевной площади в 163603 гек. погибло 14017 гек. одной пшеницы, да 6866 гек. пропашных.

В конце июня секретарь РК Луговой[2] получил двухмесячный

Сохранены стиль и орфография автора.— Ред.

отпуск по болезни. С этим временем совпал уход старого председателя РИК'а*. Заворг РК Лимарев[2] и новый председатель РИК'а Карбовский приступили к составлению хлебофуражного баланса, используя данные районной комиссии по определению урожайности.

Районная комиссия, определявшая урожайность, в большинстве состояла из людей новых в районе, абсолютно не знавших ни условий района, ни того, как проводился весенний сев. Комиссия не учла того обстоятельства, что 20883 гек. погибших посевов ие исчерпывали минусов районного хозяйства, что помимо этого по колхозам имелась огромная неучтеиная площадь поздних, забитых сорняками хлебов, которая даст значительно сниженную урожайность. Поэтому-то и была допущена переоценка урожайности. В среднем ее установили по пшенице 5 центнеров с 1 гектара и по ржи 7 центнеров, а в среднем по всем культурам, включая все колосовые и пропашные,— 5 центнеров с 1 гектара.

Опираясь на выводы комиссии, районное руководство, составлявшее хлебофуражный баланс, пришло к заключению, что валовая продукция по району составит 82000 тонн. Нелепость такого предположения очевидна уже по одному сопоставлению следующих цифр: известно, что урожай 1932 г. был ничуть не лучше урожая 1931 г., следовательно, если за отправное брать одинаковую урожайность этих лет, то прирост валовой продукции в 1932 г. должен идти только за счет прироста посевной площади. Валовая продукция по району за 1931 г. составляла 43165 тонн, посеяли в 1932 г. по сравнению с 1931 г. на 26656 гек. больше, перемножив 26656 на 5 центнеров, мы получим, разумеется, грубый, но все же приближающийся к действительности подсчет прироста валовой продукции за 1932 г. В общей сложности валовая продукция в 1932 г. едва ли превышала 56000—57000 тонн. Ее же «определили» в 82000 тонн. Просчитались... миллиона на полтора пудов. Но не только просчитались, наспех состряпав «определение урожайности», вдобавок еще и хлебофуражный баланс районные руководители составили следующим образом: на хлебозаготовки — 22000 тонн, на выдачу по трудодням — 18696 тонн, иа прокорм скота — 17000, остальное — на семена и на различные фонды.

8 июля заворг РК Лимарев и председатель РИК'а Карбовский были вызваны в Крайком для рассмотрения хлебофуражного баланса. Баланс был рассмотрен в присутствии т. Шеболдаева, который обвинил вешенское районное руководство в злостном преуменьшении урожайности, а баланс назвал «кулацким». Тут же он предложил Лимарева с работы снять, а в Вешенский район послать авторитетную комиссию, в обязанности коей входило установить доподлинную урожайность и в случае если подтвердится преуменьшение урожайности,— районное руководство снимать и судить. Вместо намечавшихся по балансу 22000 тонн хлебозаготовок он предложил сдать 53000 тонн и, соответственно с этим, пересоставить остальные статьи расхода по хлебофуражному балансу.

Лимареву т. Шеболдаев запретил выезд в район, оставив его своеобразным «заложником», а тем временем в Вешенскую выехала краевая комиссия по установлению «настоящей» урожайности. В комиссию эту вошло двое: зав. зерновым сектором Крайкома т. Федоров и секретарь парткома Сельмаша т. Овчинников[3].

Что послужило т. Шеболдаеву основанием для обвинения Вешенского РК в преуменьшении урожайности, я не знаю, но думаю, что т. Шебодаев никакими твердыми данными на этот счет не располагал и что в этом деле решающую роль сыграл т. Пивоваров[4], который в коице июня на автомашине наискось пересек Вешенский район и на обратном пути из Вешенской, на полях Варваринского колхоза, над дорогой видел ранний мелионопус[5]. Мелионопус этот был действительно превосходен! Пудов иа 50 с гектара. После незавидных хлебов варваринский мелионопус обрадовал хозяйский глаз т. Пивоварова, но на совещании Пивоваров, вероятно, запамятовал, что не по всему Вешенскому району были такие стандартно-хорошие хлеба, и когда в Крайкоме встал вопрос об урожайности в Вешенском районе — Пивоваров заявил:— «В Вешенском районе пшеиица даст не меньше 10 центнеров с га. Стыдно вешенцам плакаться иа плохой урожай!»

Случайное и не соответствующее действительности заявление т. Пивоварова бесспорно утвердило т. Шеболдаева в мысли, что вешенцы с урожайностью лукавят.

Перехожу к последовательному изложению событий. 14 июля Овчинников и Федоров прибыли в Вешеискую и в сопровождении завраизо* Вешенского РИК'а Корешкова выехали на правую сторону Дона, где была наиболее плохая урожайность, определять на глазок, «сколько даст гектар?».

Отъехали километров 10 от Вешенской. Федоров, указывая на делянку пшеницы, спрашивает у Корешкова:

— По-твоему, сколько даст гектар этой пшеницы?

КОРЕШКОВ.— Не больше трех центнеров.

ФЕДОРОВ.— А по-моему,— не меньше десяти центнеров!

КОРЕШКОВ.— Откуда тут десять центнеров?! Ты посмотри: хлеб поздний, забит осотом и овсюком, колос редкий. Такой урожай на этих землях был только в 1909 году. Это ведь тебе не Кубань.

Проехали километров 5 и снова стали определять. И снова разошлись в оценке... Этак несколько раз. Доехали до посевов Грачевского колхоза. Тут-то и возникла между Корешковым и Федоровым жестокая перепалка.

— Сколько даст этот гектар? — спрашивает Федоров.

— Пять центнеров,— отвечает Корешков.

— Не пять, а девять или десять!

— Колос от колоса,— не слыхать девичьего голоса, и десять?

Федоров ответил на это буквальио следующее:

— Если смотреть с машины, то колос действительно кажется редким, а вот ты слезь с машины, нагнись да посмотри: сплошные колоски!

Корешков — сын батрака украинца Криворожского района. Отца его запороли в конце 1918 г. казаки. Сам Корешков в марте 1918 г. ушел в красный партизанский отряд им. Гаврилова, и с 1918 г. по 1923 г. был в Красной армии, сначала рядовым и под конец пом. комполка. Исходил все фронты, иачиная с Южного и кончая Средней Азией, был два раза ранен и два раза контужен (последний раз тяжело), имеет орден Красного Знамени. После демобилизации работал на Кадиевском руднике шахтером, а потом у себя на родине председателем сельсовета. В 1930 г. окончил курсы по советскому строительству при ВЦИК'е, был направлен на Северный Кавказ и послан в Вешенский район заведывать Райзо.

Корешков — человек грубоватый от природы, вежливому обращению необученный, да вдобавок еще страдающий нервными припадками (последствия контузии) — взбешенный советом зав. зерновым сектором Крайкома т. Федорова «слезть с машины, нагнуться и усмотреть сплошные колоски»,— ответил:

— Я вот сыму штаны, да стану раком, а ты нагнись и погляди. Не такое увидишь!..

Снова крепко поругались. Корешков, видя беспомощность членов комиссии по части вопросов сельского хозяйства, решил убедиться в их познаниях окончательио: подъехали к затравевшей деляне.

— Что тут посеяно, как вы думаете? — спрашивает Корешков.

---

* РИК — районный исполнительный комитет.— *Ред.*

* Завраизо — заведующий районным земельным отделом.— *Ред.*

Члеиы комиссии пришли к общему заключению, что посеяио просо. На самом же деле это была деляиа майских паров, иа которых кое-где взошло просо-падалица и редкие подсолнухи, перемешанные со всяческими сорняками...

Все это, дорогой т. Сталин, было бы смешно, если б, разумеется, не было так грустно. Так вот дальше: сопутствуемая Корешковым комиссия проехала по хлебам ряда колхозов, еще раз попытались совместно определить урожайность, но и тут неудачио. На этот раз объектом определения было просо Наполовского колхоза. Корешков утверждал, что просо даст не больше 6 центнеров, а члены комиссии полагали, что даст ие меньше 14—15 центнеров. Подозревая, что члены комиссии над ним издеваются, Корешков слез с машины и заявил:

— Вы езжайте и определяйте сами, а я пешком пойду в Вешенскую! Так определять нельзя!

Кое-как примирившись, вернулись они в Вешенскую вместе. Тем временем а Вешеиской срочно пересоставляли хлебофуражный баланс. Пересоставляли, но ничего не получалось, т. к. при новом плане хлебозаготовок в 53000 тонн ие выходило колхознику на трудодень по 2 кил. хлеба. А Крайком ориентировал именно иа эту норму. Для того, чтобы «сбалансировать», Овчинников предложил на бюро РК повысить урожайность в среднем иа 1 центнер. Бюро голосовало этот вопрос и, несмотря иа настойчивое требование Овчинникова, повышать отказалось. «Сбалансировали же» за счет снижения нормы натуральиой выдачи и за счет беспощадной урезки фуража и фондов, из коих полагалось выдааать сельским специалистам: врачам, агрономам, учителям и пр.

Овчинников уехал а Ростов и заверил Крайком в том, что план в пятьдесят с лишним тысяч тонн вполне реален для Вешеиского района. Плаи окончательно утвердили в размере 51700 тонн и 21 июля уже приступили к разверстанию плана по колхозам Вешеиского района.

Отсюда и иачалось массовое хищение хлеба. Колхозник рассуждал так: «В 1931 г. план мы выполнили с напряжением и весной иа семена занимали у нас. А теперь, вместо обещанного в мае снижения, придется платить в два с половиной раза больше. Зиачит, хлеб заберут весь до зерна. Надо запасаться!»

И начали запасаться, невзирая на постановление «Об охране общественной собственности»[6]. Воровали на покосе, на гумнах, всюду! И не только воровали, ио и плохо работали. В августе в течение трех недель шли дожди. Онн погубили десятки тысяч центнеров хлеба. В один из таких дней я ехал верхом через поля Чукаринского колхоза. Дождь прошел утром. Грело солнце. Копны, испятиившие всю степь, иадо было раскидывать и сушить, но бригады все были ие в поле, а на станах. Подъехал к одному стаиу. Человек 50 мужчин и жеищин лежат под арбами, спят, вполголоса поют, бабы ищутся, словом, праздиуют. Обозлеиный, я спрашиваю: « — Почему ие растрясаете копны? Вы что, приехали в поле искаться да под арбами лежать?» И при сочувственном молчании остальных одна из бабёнок мне объяснила: « — План в нонешнем году дюже чижолый. Хлеб наш, как видно, весь за границу уплывет. Через то мы с ленцой и работаем, не спешим копны сушить... Нехай пашеничка трошки подопреет. Прелаято она заграницу не нужна, а мы и такую поедим!»

К середине иоября большая часть хлеба была обмолочена и свезена на ссыппункты. Крайком во второй раз снизил план иа 11130 тонн. По колхозам приступили к вторичному обмолоту. Чрезвычайный уполномоченный Крайкома т. Гольмаи приступил к вывозу хлеба, оставлявшегося на семена. Начались интенсивные поиски разворованного зерна. К 14 ноября было обыскано около 1500 хозяйств из общего количества имеющихся по району 13813 хозяйств. План хлебозаготовок к середине ноября был выполнен на 82%. Сдано было около 31000 тоии.

Но т. к. падающая кривая поступлений хлеба не обеспечивала выполнения плана к сроку, Крайком иаправил в Вешеиский район особого уполномочениого т. Овчинникова (того самого, который иекогда приезжал устаиавливать «доподлинную» урожайность). В день приезда Овчиииков провел совещаиие с Гольманом и секретарем Вешенского РК Добринским. На его вопрос «будет ли выполнен план?»,— Гольман ответил отрицательно. Сомнения высказал и секретарь РК Добринский. Овчииников им заявил, что «плаиа оии не выполнят, сколь у них нет веры в его реальность», и предупредил о том, что поставит об этом в известность т. Шеболдаева.

16 декабря Овчинников, Гольмаи и Добринский приезжают в Крайком. По представлеиию Овчинникова Гольмаиа — члена партии с 17 или 18 года — исключают из партии, а Добринского снимают с работы с запрещением в течение 3 лет занимать ответ[ственные] парт[ийные] должности.

20 [декабря] Овчинников возаращается в Вешенскую. На расширенном заседании бюро РК, в присутствии уполиомочеиных РК и секретарей ячеек, прорабатывается решение Крайкома о Гольмане и Добринском. Овчииников громит районное руководство и, постукивая по кобуре нагаиа, дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, ио хлеб взять!»

Отсюда и иачинается «ломание дров». Овчинников зиал, что по колхозам в наличии имеется ничтожное количество хлеба, что переобмолот, перечнстка озадков[7] и изъятие воровaиного хлеба далеко не обеспечат выполиение плана. Он стоял перед очень щекотливой альтернативой: либо заявить т. Шеболдаеву, что ои его обманул, заверяя в том, что 53000 тонн — план для Вешенского района вполие реальиый, либо выполнить плаи или приблизиться к выполиению. Но т. к. аыполнить обычными способами, применяя ие противоречащие закону и партийной совести репрессии, было невозможно — и Овчинников это чудесно звал — ои и дал официальную установку парторганизации: «Хлеб взять любой ценой! Дров наломать, но хлеб взять!» Установка эта была подкреплена исключением из партии иа этом же бюро РК 20 коммунистов — секретарей ячеек, уполномоченных РК и председателей колхозов, отставших с выполнением плана хлебозаготовок.

Далее Овчинников провел следующие мероприятия, о разумности и законности которых судите сами: 1) приказал изъять весь хлеб, по всем хозяйствам района, в том числе и выданный в счет 15% аванса по трудодням; 2) задолженность каждого колхоза по хлебозаготовкам приказал разверстать по бригадам с тем, чтобы те разверстали по дворам. Таким образом контрольиая цифра сдачи хлеба была доведена до каждого колхозника. Последнее мероприятие было санкционировано Крайкомом.

Какие же результаты дали эти мероприятия? 1) Когда начались массовые обыски (производившиеся обычно по ночам) с изъятием ие только ворованного, но и *всего обнаруженного хлеба*,— хлеб, полученный а счет 15% аванса, *стали прятать и зарывать*, чтобы не отобрали. Отыскание ям и изъятие спрятанного и неспрятанного хлеба сопровождалось арестами и судом; это обстоятельство понудило колхозников к массовому уничтожению хлеба. Чтобы хлеб ие нашли во дворе, его стали выбрасывать в овраги, вывозить в степь и зарывать в снег, топить в колодцах и речках и пр. 2) Доведение коитрольной цифры по сдаче хлеба до каждого хозяйства свело на иет всю ранее проделанную работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Району ие хватало до 100% выполнения плана хлебозаготовок более 10 700 тонн. В среднем на каждый двор приходилось контрольного задания по 45—50 пудов (по сути урожаи с 2—3 гектаров...). Произошло чудоаищное и ни с чем не сравнимое смешение: пошло насмарку классовое расслоение (бедняк ли, середняк ли — плати 30—40—50 пудов, а нет — исключают из колхоза, аыгоняют из хаты на снег, конфискуют корову, картофель, соленые овощи,

а то и все имущество, что иазывается, до нитки). Понятие «ударник» исчезло: 50 трудодней у колхозиика на книжке или 300, или 700,— контрольная цифра для всех одинакова. Мало того, что у ударника отобрали ранее выданный 15% аванс, его и по сдаче хлеба сравняли с действительным вором и лодырем.

Собрать 10 000 тонн ворованного хлеба, т. е. такое количество, которого не было,— дело нелегкое. К выполиению плана можно было приблизиться, по мысли Овчинникова, только пустив в ход *все средства.* И он, по взаимной согласованиости с приехавшим на место Гольмана уполномоченным Крайкома Шараповым[8] (директор Ростовского завода «Красный Аксай»), дал прямую установку на перегибы, развязал руки «левакам» и массовым исключением из партии секретарей ячеек, уполномоченных РК, председателей колхозов и сельских советов, немедленными после исключения арестами вынудил стать иа «левую» позицию всю полуторатысячную парторганизацию Вешенского района.

Устаиовка Овчинникова «Дров наломать, но хлеб взять!» подхватывается райониой газетой «Большевистский Дон». В одном из номеров газета дает «шапку»: *«Любой ценой, любыми средствами выполнить план хлебозаготовок и засыпать семена!»* И начали по району с великим усердием «ломать дрова» и брать хлеб «любой ценой».

К приезду вновь назначенного секретаря РК Кузнецова и председателя РИК'а Королева по району уже имелись плоды овчинниковского виушения:

1) В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии широчайше распространившийся по району метод «допроса с пристрастием». В полночь вызывали в комсод*, по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

2) В Грачевском колхозе уполиомоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивая по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

3) В Лиховидовском колхозе уподнomоченный РК на бригадном собрании приказал колхозникам встать, поставил в дверях вооруженного сельского, которому вменил в обязанность следить за тем, чтобы никто не садился, а сам ушел обедать. Пообедал, выспался, пришел через 4 часа. Собрание под охраной сельского стояло... И уполномоченный продолжал собрание.

На первом же бюро РК новый секретарь РК поставил вопрос об этих перегибах. Было записано в решении бюро о том, что такие «методы» хлебозаготовок искажают линию партии. Об этом на другой день узнал Овчинников, приехавший из Верхне-Донского р-на (он работал особоуполномочеиным по двум районам: Вешеискому и Верхне-Донскому) и тотчас же предложил секретарю РК: «О перегибах в решении не записывай! Нам нужен хлеб, а не разговорчики о перегибах. А вот ты с первых же дней приезда в район начинаешь разговоры о перегибах и тем самым ослабляешь накал борьбы за хлеб, расхолаживаешь парторганизацию, демобилизуешь ее!» Кузнецов настаивал на том, чтобы записать, тогда Овчинников написал телеграмму на имя т. Шеболдаева примерио такого содержания: «Новое руководство Вешенского района колеблется, говорит о перегибах, а не о хлебе, и тем самым демобилизует работников мест. Необходимо ответственность за ход хлебозаготовок возложить персонально на т. т. Кузнецова и Королева» и пр.

Телеграмму подписали Овчинников и Шарапов, находившийся под идейным протекторатом Овчинникова. Секретаря РК Кузнецова Овчинников ознакомил с содержанием телеграммы, на просьбу оставить в РК копию телеграммы ответил отказом. Затем пошел на телеграф, предложил чтобы телеграмму передали ие по телеграфу, а по телефону. Телеграмму передали при нем. Текст Овчинников положил в карман, а зав. телеграфом, коммунисту, на его слова «Оставьте текст» ответил «Не твое дело!». Словом, телеграмму послал и «следов» не оставил... После этого он вернулся в РК и заявил Кузнецову: «Ты думаешь, что Крайком не знает о перегибах? Знает, но молчит. Хлеб-то нужен? План-то надо выполнять?» И рассказал исключительно интересный случай из собственной практики; случай, по-моему, проливающий яркий свет на фигуру Овчинникова. Передаю со слов секретаря РК Кузнецова и ряда других членов бюро РК, которым Овчинников этот же случай рассказывал в другое время. «В 1928 г. я был секретарем Вольского ОК Нижне-Волжского края. Во время хлебозаготовок, когда применяли чрезвычайные мероприятия, мы не стеснялись в применении жесточайших репрессий и о перегибах не разговаривали! Слух о том, что мы перегнули, докатился до Москвы... Но зато целиком выполнили план в крае ие на плохом счету! На 16 Всесоюзной партконференции во аремя перерыва стоим мы с т. Шеболдаевым[9], к нам подходит Крыленко[10], и спрашивает у Шеболдаева: — «Кто у тебя секретарем Вольского ОК? Наделал во время хлебозаготовок таких художеств, что придется его, как видно, судить». «— А вот он секретарь Вольского ОК»,—отвечает Шеболдаев, указывая на меня. «Ах, вот как! — говорит Крыленко.— В таком случае, товарищ, зайдите после конференции ко мне». Я подумал, что быть неприятности, дал телеграмму в Вольск, чтобы подготовили реабилитирующие материалы, но после конференции на совещании с секретарями Крайкомов Молотов заявил: «Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют сейчас в перегибах. Вопрос стоял так: или взять даже поссорившись с крестьянииом, или оставить голодиым рабочего. Ясно, что мы предпочли первое»[11]. После этого Крыленко видел меня, но даже и словом не обмолвился о том, чтобы я к нему зашел!»

Как видите, помимо прямых установок для низовых партработников Овчинников употреблял для районного партактива и методы тонкой психологической обработки, не брезгуя для увеличения своего авторитета и такими вещами, как афиширование своей близости к т. Шеболдаеву.

Естественно, что после истории с решением о перегибах РК закрыл глаза на все безобразия, которые творились в районе, а если в особо исключительных случаях и говорил по поводу перегибов, то так глухо, как из воды. Решения выносились больше для очистки совести, не для проработки на ячейках, а для особой папки, на всякий случай.

После отъезда Овчинникова в Верхне-Донской район работой стал руководить Шарапов. Вот установки. которые он давал уполномоченным РК, командирам агитколоин, всем, кто заготовлял хлеб: «Не открывают ям — оштрафуй хозяйств 10—15, забери у них все имущество, картофель, солку, выкинь из домов, чтобы гады подыхали на улице! А через два часа, ёсли не будет перелома, снова созывай собрание и снова выкидывай на мороз хозяйств десять!» По его предложенню стали широко практиковаться методы провокации. Делалось так: колхозника Иванова вызывают и говорят: «Твой сосед Петров сообщил нам, что у тебя есть яма. Признавайся, где зарыт хлеб?» А Петрова вызывают и говорят ему обратное. Потом на собрании бригады колхозников стравливают, как собак, и поощряют кровавые побоища. «Страви их, чтобы волосы один на одном рвали, чтобы морды били друг другу до крови, а сам уходи в другую бригаду. Устрой там драку и иди в третью. Сам будь в стороне»,— поучал Шарапов уполномоченных РК и секретарей партячеек.

* Комсод — комитет содействия хлебозаготовкам. — *Ред.*

О работе уполномоченного или секретаря ячейки Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу семеи выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных печей. «—Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть как щенки пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!» — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебанне при массовом выселении семей колхозников на улицу. На бюро РК, в ячейке, в правлеиин колхоза, громя работавших по хлебозаготовкам, Шарапов не знал иного обращения кроме как «сволочь», «подлец», «кусок слюнтяя», «предатель», «сукин сын». Вот лексикон, при помощи которого уполномоченный Крайкома объяснялся с районными и сельскими коммунистами.

До чистки партии за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключеио более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба, жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода и ходить по хуторам в поисках «подаяния»...

Исключеиие из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной «активности» по части применения репрессий, т. к. в понимании Овчинникова и Шарапова только эти методы должны были давать хлеб. И большинство терроризированных коммунистов потеряли чуаство меры в применении репрессий. По колхозам широкой волной покатились перегибы. Собственно, то, что применялось при допросах и обысках никак нельзя назвать перегибами; людей пытали, как во времеиа средневековья, и не только пытали в комсодах, превращенных буквально в застенки, но и издевались над теми, кого пытали. Ниже я приведу краткий перечень тех «способов», при помощи которых работали агитколонны и уполномоченные РК, а сейчас в цифрах, полученных мною в РК, покажу количество подвергавшихся репрессиям и количество хлеба, азятого с момента применения репрессий.

По ВЕШЕНСКОМУ РАЙОНУ

1. Хозяйств	— 13 813
2. Всего населения	— 52 069
3. Число содержавшихся под стражей, арестованных органами ОГПУ, милицией, сельсоветами и пр.	— 3 128
4. Из них приговорено к расстрелу	— 52
5. Осуждено по приговорам Нарсуда и по постановлениям коллегии ОГПУ	— 2 300
6. Исключено из колхоза хозяйств	— 1 947
7. Оштрафовано (изъято продовольствие и скот)	— 3 350 хозяйств
8. Выселено из домов	— 1 090 хозяйств

Цифры эти — на 24 января, т. е. почти под конец хлебозаготовок. Теперь о результатах, полученных после применения всей суммы этих репрессий. На 24 января хлеба найдено.

1. В ямах	— 2518 цент.
2. В др. местах	— 3412 цент.
Всего	— 5930 цент.

В этот итог надо включить и отобранный 15% аванс и тот хлеб (наиболее крупные из найденных ям), который зарывали еще будучи единоличниками. Находили ямы с хлебом, зарытым еще в ... 1919 г. А потом по урожайным годам: в 1924, 1926, 1928.

Теперь о методах, которые применяли во всех колхозах района согласио установкам Овчинникова и под непосредственным руководством Шарапова. Выселение из дома и распродажа имущества производилась простейше: колхозник получал контрольную цифру сдачи хлеба, допустим, 10 центнеров. За несдачу его исключали из колхоза, учитывали всю его задолженность, включая и произвольно устаиавливаемую убыточность, понесенную колхозом за прошлые годы и предъявляли все платежи, как к единоличнику. При чем соответственно сумме платежей расценивалось имущество колхозника; расценивалось так, что его в аккурат хватало на погашение задолженности. Дом, например, можно было купить за 60—80 руб., а такую мелочь, как шуба или валенки, покупали буквально за гроши...

Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных. Им надлежало жить в сараях, в погребах, на улицах, в садах. Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью — будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзающих детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. 1090 семей при 20 градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем как тени слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях, в мякинниках. Но по закону, установленному Крайкомом, им и там нельзя было ночевать! Председатели сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы.

Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хуторе Волоховском Лебяженского колхоза, ночью, на лютом ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми? Мне казалось, что это — один из овчинниковских перегибов, но в конце января или в начале февраля в Вешенскую приехал секретарь Крайкома ЗИМИН[12].

По пути в Вешенскую он пробыл два часа в Чукаринском колхозе и на бюро РК выступил по поводу хода хлебозаготовок в этом колхозе. Первый вопрос, который он задал присутствовавшему иа бюро секретарю Чукаринской ячейки — «Сколько у тебя выселенных из домов?» «Сорок восемь хозяйств». «Где они иочуют?» Секретарь ячейки замялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: «А должны иочевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!»

После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком.

Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребеиком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери. Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии — работник Базковского колхоза. Его после того, как ребенок замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за «перегиб». За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остается на свободе т. ЗИМИН?

Число замерзших не установлено, т. к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бес-

спорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых,— будут полукалеками.

Но выселение это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1. Массовые избиения колхозников и единоличников.

2. Сажание «в холодную». «Есть яма?» «Нет». «Ступай, садись в амбар!»

Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.

3. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!», в этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин[13] при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара снова на плиту и снова допрашивают. Он же (ПЛОТКИН) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: «Стреляйся, а нет — сам застрелю!» Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный) и когда щелкнул боек,— упал в обмороке.

5. В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручек красного перца (горчицы) и не приказал выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский[14] при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином.

6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

8. В Архиповском колхозе двух колхозниц Фомину и Краснову после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

9. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал к колхознику — подозреваемому в краже — во двор (ночью), после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь» по связанному колхознику. Если устрашенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

9. В Кружилинском колхозе уполномоченный РК КОВТУН на собрании 6 бригады спрашивает у колхозника: «Где хлеб зарыл?» «Не зарывал, товарищ!» «Не зарывал? А ну, высовывай язык! Стой так!» Шестьдесят взрослых людей, советских граждан по приказу уполномоченного по очереди высовывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в 7 и в 8 бригадах; с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высовывания языков заставлял еще становиться на колени.

10. В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.

11. В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз.

13. В Колундаевском колхозе разутых до боса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу.

14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.

15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по нескольку раз.

16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели «прохладную» комнату, куда выводили с собрания для «индивидуальной обработки». Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — «метод» проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти «методы» на себе и после приходили ко мне с просьбами «прописать про это в газету».

Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот этакое «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. При чем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью.

Аналогичная история происходила и в Верхне-Донском районе, где особоуполномоченным был тот же Овчинников, являющийся идейным вдохновителем этих жутких издевательств, происходивших в нашей стране и в 1933 г.

Подтверждение фактов, которые я привожу, иллюстрируя работу по хлебозаготовкам, Вы можете получить в Крайкоме и КрайКК*. В конце марта в Вешенский район приезжали ответ. инструктор крайкома т. Давыдов и ответ. инструктор КрайКК т. Минин. Они располагают проверенным материалом по большинству приведенных мною случаев.

К Вам я обращаюсь с этим письмом вот почему: когда слух об извращении линии партии дошел до Крайкома,— в Вешенский район был послан член бюро Крайкома — редактор краевой газеты «Молот» т. Филов. Он опросил кое-кого из райпартактива и, столкнувшись с заявлениями ряда товарищей о том, что установки на перегибы они получали из уст особоуполномоченного Крайкома Овчинникова и уполн[омоченного] Шарапова,— занял довольно странную позицию... Дело в том, что Овчинников на последнем пленуме Крайкома был избран кандидатом в члены бюро Крайкома и выдвинут секретарем Ростовского горкома. Филов, будучи в Вешенской и узнав о том, что Овчинников в свое время запретил писать в решении бюро Вешенского РК о перегибах, посоветовал секретарю РК Кузнецову: «ОВЧИННИКОВА ЛУЧШЕ НЕ ТРОГАЙТЕ...» Между тем еще до приезда Филова в районе был член бюро Крайкома комсомола т. Кавтарадзе, который обследовал работу агитколонны, действовавшей под командованием Пашинского. По настоянию Кавтарадзе Пашинский и ряд работников агитколонны были исключены из партии и комсомола, а в настоящее время арестованы, находятся в заключении и ждут, когда Крайком примет решение по их делу, т. к. следствие закончено и весь материал отослан в Крайком.

Должен прямо сказать: Крайком пока ведет линию на привлечение к ответственности «стрелочников». Глубокого всестороннего расследования событий, происходивших в Вешенском районе, не было, да, вероятно, и не будет, сколь такие авторитетные люди, как член бюро Крайкома Филов, прямо советуют: «Овчинникова лучше не трогайте...». А присмотреться к тому, что происходит в районах, надо. Расследовать надо не только дела тех, кто издевался над колхозниками и над Советской властью, но и дела тех, чья рука направляла. Чего стоит, например, деятельность такого коммуниста, как уполномоченного Крайкома Шарапова. Перед поездкой на пленум Крайкома он зашел в РК и в моем присутствии повел следующий разговор с секретарем РК Кузнецовым: «На какой бы это козе подъехать в Крайкоме, чтобы нам разрешили не весь хлеб перебрасывать с глубинок... Чтобы для колхозов левобережья оставили семенную страховку». В это время поступление семян по всему району не превышало 5—6 центнеров в день. Было ясно, что не только 100% семфондов колхозы района не соберут, но не заготовят и 2%. Исходя из этого я и посоветовал Шарапову: со всей большевистской смелостью заявить т. Шеболдаеву, что семенами Вешенский район не обеспечится и что переброску из глубинок необходимо немедленно прекратить. Шарапов только улыбнулся, вероятно считая мои речи необычайно наивными. А Кузнецов сказал: «Если об этом сейчас заявить, то мало того, что ж... набьют, но и партбилет отымут!»

Будучи прекрасно осведомлены о том, что колхозы района не заготовят семян, и Шарапов и Кузнецов не заявили об этом в Крайкоме, тем самым ввели Крайком в заблуждение, в результате чего более 6000 тонн хлеба в феврале было переброшено из колхозов на пристанские пункты, а в марте этот же хлеб стали возить обратно. Тягло поставили, что называется, на-постав, а вот теперь это тягло отказывается работать. Сев провален будет в текущем году в основном только благодаря этому. К характеристике физиономии Шарапова будет не лишним добавить, что этот коммунист, пользовавшийся высоким доверием Крайкома, уезжая из Вешенского района, не постеснялся запастись салом, конфискованным у выселенного колхозника, а также приобрести тулуп. Тулуп был расценен в 80 руб. и куплен для работников зерносовхоза, но тулуп приглянулся т. Шарапову. Ему уступили тулуп за эту же цену, но Шарапов заявил, что он не в состоянии платить такие деньги... В расценке срочно произвели «исправление» — вместо 80 руб. поставили 40, и Шарапов укатил в Ростов в купленном по дешевке тулупе и с запасом сала...

В заключение — о «видах на будущее»: если в 1931 г. по району было 73 000 гек. зяби, то в 1932 г. только 25 000; а план сева яровых в 1933 г. увеличен по сравнению с прошлым годом на 9000 гек.

Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50 000 населения голодают никак не меньше 49 000. На эти 49 000 получено 22 000 пудов. Это на три месяца. Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее время чорт знает чем, уж наверное не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году. Не менее истощен и скот, два месяца, изо дня в день, в распутицу возивший с места на место хлеб, по милости Шарапова и РК. Все это вместе взятое приводит к заключению, что план сева колхозы района к сроку безусловно не выполнят. Но платить-то хлебный налог придется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно, история с хлебозаготовками 1932 г. повторится и в 1933 г. Вот перспективы, уже сейчас грозно встающие перед вышедшими на сев колхозниками.

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это.

Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда.

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

С приветом

М. Шолохов

Ст. Вешенская СКК*
4 апреля 1933 г.

Подлинник

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 мая 1932 г. «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывания колхозной торговли хлебом» колхозам и единоличным хозяйствам Северного Кавказа план хлебозаготовок был снижен со 154 млн. пудов в 1931 г. до 136 млн. пудов в 1932 г.
2. Луговой П. К.— секретарь Вешенского РК ВКП(б); Лимарев П. Т.— зав. орготделом Вешенского РК ВКП(б).
3. Овчинников Г. Ф. (1893—1937) — член партии с 1918 г., в 1928—1930 гг. секретарь Вольского окружкома партии Нижне-Волжского края, делегат XVI конференции ВКП(б); в 1930—1931 гг. учился на курсах марксизма-ленинизма, в феврале 1932 г. был откомандирован в распоряжение Северо-Кавказского крайкома, где работал секретарем парткома завода «Сельмаш», а затем секретарем Ростовского горкома партии. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 июля 1933 г. снят с поста секретаря Ростовского горкома с объявлением строгого выговора. В 1937 г. был репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.
4. Пивоваров И. Н.— в 1932 г. председатель Северо-Кавказского крайисполкома.
5. Меляпопус — разновидность твердой пшеницы.
6. Имеется в виду постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».
7. Озадки — остающееся при веянии легкое, сорное зерно.
8. Шарапов В. И. (1895—1937) — директор Ростовского завода «Красный Аксай», уполномоченный по хлебозаготовкам в Вешенском и Верхне-Донском районах края. В 1937 г. был репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.
9. В выступлении на XVI Всесоюзной партийной конференции 27 апреля 1929 г. Б. П. Шеболдаев, полемизируя с Ломинадзе, пытался обосновать необходимость чрезвычайных мер, проводившихся в период хлебозаготовительной кампании. Шеболдаев Б. П. (1895—1937) — член партии с 1914 г., с 1930 г. член ЦК ВКП(б); в 1931—1934 гг. секретарь Северо-Кавказского крайкома.
10. Крыленко Н. В. (1885—1938) — член партии с 1904 г.; в 1922—1931 гг. председатель Верховного Трибунала при ВЦИК; в 1927—1934 гг. член ЦК ВКП(б).
11. Сведений о проведении данного совещания не имеется.
12. Зимин Н. Н. (1895—1938) — член партии с 1915 г., с декабря 1932 г. по июль 1933 г. второй секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Постановлением Политбюро ЦК снят с поста второго секретаря крайкома и направлен в распоряжение ЦК ВКП(б). В 1938 г. был репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.
13. Плоткин А. А.— член партии с 1926 г.; в 1932—1933 гг. председатель Вешенского райколхозсоюза.
14. Пашинский А. А.— член партии с 1930 г.; с 1930 по 1934 гг. работал заместителем директора и директором совхоза «Красный колос» в Кашарах.

Публикация
ЮРИЯ МУРИНА

---

*КрайКК — краевая контрольная комиссия.— *Ред.*

*Северо-Кавказского края.— *Ред.*

ЗАГАДКА РУССКОГО СФИНКСА

Эти письма, тайно переправляемые за границу, связывали киевских диссидентов с тайным аппаратом Республиканско-демократического союза

Лидеры русской либеральной эмиграции в 20-е годы были убеждены в том, что широкие слои россиян, и прежде всего крестьянство и интеллигенция, никогда не смирятся с господством большевиков. Рано или поздно Советы будут вынуждены уступить в экономике, а затем и в политике. Для ускорения этого процесса левые эмигранты создали несколько организаций. Среди них выделялся Республиканско-демократический союз (РДС), учрежденный в 1923 году группой пражского журнала «Крестьянская Россия» (издатели — бывшие эсеры А. А. Аргунов и С. С. Маслов) и либералами во главе с П. Н. Милюковым.

РДС, как видно из его конфиденциальных архивных документов, пытался *«устанавливать и поддерживать постоянные сношения и связи с Россией»*, прежде всего с ее демократически настроенными слоями и группами населения. *«Связь,* — подчеркивалось в особой инструкции для членов РДС,— *нужна не в целях руководства «отсюда» деятельностью «там»* (т. е. в СССР. — *Ю. Щ.*), *а для: а) лучшей взаимной информации; б) исполнения «здешними» технических заданий, идущих «отсюда»; в) координации и объединения действий по борьбе с существующим в России режимом».* По инструкции соратникам милюковцев в СССР надлежало заниматься *«распространением свободного печатного слова и обстоятельной критикой всех действий большевистской власти», «устной проповедью программных начал свободной, правовой и демократической России», «собиранием и обработкой информации из разных местностей России, из разных учреждений, правительственных и частных, из разных промышленных предприятией, из вузов — для отправки всего собранного «сюда»* и, наконец, *«разработкой вопросов целесообразности, направления и технического выполнения актов прямого действия»* (т. е. диверсий, массовых антиправительственных выступлений и т. п.). В свою очередь РДС брал на себя *«печатание агитационной литературы по заданиям «оттуда», «участие в моральной интервенции общественного мнения против большевистского режима», «подготовку и переправку «туда» кадров активных работников».*

В 1924 году при РДС создается «линия связи» — специальный тайный аппарат, в основу которого была положена линия связи так называемого Центра действия*. В дальнейшем конспиративный аппарат был формально отделен от РДС и получил название Opus (одно из значений этого латинского слова — «действие»). С 1927 года по линии Opus'а стали приходить письма от членов маленькой группки киевских интеллигентов. Непосредственный получатель корреспонденции — резидент Opus'а в Варшаве А. П. Вельмин — хорошо знал киевских конспираторов: в начале 20-х годов он работал в местном отделении Центра действия и лишь случайно избежал ареста. Имена его корреспондентов установить намного сложнее. Судя по сохранившимся документам Opus'а, автором первого письма был известный киевский общественный деятель Л. Э. Чолганский, бывший председатель городского комитета партии кадетов. В 1923 году его осудили по делу Центра действия, но затем выпустили.

Судьба киевских диссидентов была трагичной. Летом 1930-го на их след вышли сотрудники ОГПУ. Затем — аресты и бессудная расправа...

Письмо из Киева А. П. Вельмина

Настоящее письмо было написано в Харькове в октябре 1928 г. Автору в разное время был переслан ряд разнообразной эмигрантской политической литературы самых различных направлений с просьбой высказать свое мнение. В начале своего письма, носящего чисто личный характер, автор излагает ряд причин, препятствующих ему сделать это надлежащим образом [1].

(А. Вельмин)

Вы поймете, что у меня нет ни времени, ни охоты заняться как следует теми программно-политическими вопросами, которые Вас интересуют. Я буду краток и откровенен. Довольно возвышающих обманов. Amicus Plato sed[2] и т. д. Тем более что это — частное письмо.

Большевистская диктатура не вечна. Это вне спора. Но когда и как придет освобождение?

Милюков сказал где-то: я не знаю, каким путем мы, эмиграция, придем в Россию, но я твердо знаю, как не придем. Не придем путем внешней интервенции. Республиканско-демократическое крыло (эмиграция) рассчитывает на преодоление болезни внутренними силами организма: с одной стороны, как «имманентное» развитие тех процессов, которые в своей совокупности создают неустранимые противоречия между «изменяющимся базисом» и политической «надстройкой», остающейся без перемен; с другой стороны — на пробуждение активности и революционной энергии населения («Крестьянская Россия»). Такую точку зрения я отстаивал еще в 1921—22 годах (вспомните хорошенько!).

Однако новое положение бесконечно сложнее, чем на заре нэпа.

Эмиграция в своих оценках отстает от темпа русской жизни. Чтобы идти в ногу, необходим живой материал непосредственных наблюдений. Многие из вас лишены притока этого материала с 1920 года.

Просачивающиеся и сейчас через большевистский кордон — не в счет. Их рассказы не всегда отражают подлинную действительность. Тут действуют своеобразные психологические законы. Нельзя в 1928 г. безоговорочно повторять тезис о стихийно совершающемся росте частнохозяйственных отношений. «Государственный капитализм» весьма далек не только от социализма (в том правы меньшевики и оппозиция), но и от капитализма.

Взаимоотношение «политики» и «экономики» не совсем таково, как его рисовали в 90-е годы, в эпоху легального марксизма, вульгаризаторы экономического материализма. Это ни в коем случае не отношение «служанки» к «госпоже». Таков один из уроков «русского опыта».

Большевистская «политика» не только задерживает хозяйственное развитие страны, но и существенно изменяет его направление. Пусть это удается лишь до поры до времени, но все-таки удается.

«Социалистический сектор» народного хозяйства в городе

* Образован в конце 1920 года в Париже группой кадетов и народных социалистов во главе с патриархом русского народничества Н. В. Чайковским; распался одновременно с разгромом чекистами единственного нелегального отделения на советской территории в Киеве (лето 1923 года).

несомненно растет. Растет «рассудку вопреки, наперекор стихиям», не вследствие естественного своего превосходства над частным капиталом, но благодаря «прямому действию» аппарата власти, устраняющего вовсе с поля экономической борьбы частную предприимчивость.

Новая экономическая политика вызвала к жизни «частника» — «кустаря» и нэпмана.

«Кустаря» еще кое-как терпят. Это скрытый, «окопавшийся» «частник». Его не всегда удается ущемить. Зато нэпман — перманентно под дамокловым мечом ссылки в Соловки или сурового судебного приговора. Преступление? Спекуляция продукцией промышленности, нарушение Кодекса законов о труде или невыполнение договора с казной. «Хитрая механика» налогов, «добровольных пожертвований» и «займов», зоркий глаз фининспектуры и охраны труда, протоколы милиции — вот жизнь «частника». Не жизнь, а эквилибристика!

«Оперативное задание» — массовое выселение из домов жилкоопов «нетрудового элемента». Освобождающаяся площадь передается «трудящимся»... коммунистам.

Через 11 лет после Октября проблема перераспределения созданного предшествующим трудом продолжает оставаться в центре всеобщего внимания. Революция не вошла в фазу созидания новых ценностей. Если что и создается, то лишь течет по усам, но не попадает в рот пролетарию.

Далее. Одно ухудшение экономического положения — оно не подлежит сомнению — само по себе недостаточно: мы пережили 1921 г. Нужны люди, их сознательное вмешательство, коллективные действия во имя твердо поставленной цели.

Организация, организация и еще раз организация!

Попробуйте создать организацию. Не за границей — там их много, а здесь. Никто не верит вашим сообщениям о подпольной работе крестьянских союзов и т. п., как и известиям о восстаниях в Псковской губернии. Я знаю, что стоит эта работа и чем она неизменно заканчивается. И не только по небогатому личному опыту, но и по опыту тех, с кем приходилось встречаться на протяжении последних лет в «санатории» [3], о которой Вы упомянули в письме к одному из друзей.

Слыхали ли Вы, что разрабатываемые в истпартах архивы жандармских управлений и охранных отделений используются «прежде всего по линии ГПУ», что извлеченные из архивов фамилии тех, кто боролся с самодержавием в эсеровском или меньшевистском подполье, сообщаются в ГПУ. Что последние вызывают этих лиц повесткой и принуждают писать покаянные «письма в редакцию»? Что упорствующих (хотя бы они давным-давно отошли от партии) отправляют в ссылку.

Я знаю политических ссыльных с громкими именами, которые считают при настоящих условиях безнадежными попытки воссоздания конспиративных партийных организаций.

Революционную работу могла бы вести только молодежь. Но вузовская молодежь как небо от земли отличается от дореволюционного студенчества, этого резервуара живой силы социалистического подполья. Вы помните те годы, когда в реформированной большевиками высшей школе еще оставался порядочный процент старых студентов. Их давно нет. Боевой лозунг — университет для рабочих и крестьян. В первую очередь для комсомольцев и рабфаковцев, командируемых завкомом или комнезамом [4]. В первую очередь для комсомольцев и рабфаковцев. Для детей служащих, то есть прежней интеллигенции, установлена «процентная норма»: огромный конкурс на ничтожное число вакансий. Лица, блестяще выдержавшие испытания, остаются за бортом школы. Кто счастливо проскочил через сито приемочных комиссий с их классовым подходом и политическим сыском, тот тише воды, ниже травы. Вылетишь в два счета по одному подозрению. Сыск ведется изнутри по принципу «самообслуживания»: в трудовой школе — одноклассниками — «шпионерами», в вузе — студенческими «ком-ищейками». А новые студенты «от сохи» усердно «грызут гранит науки» и в лучшем случае тоже пугливо озираются по сторонам.— «Слово и дело»! О свободной политической жизни, о сходках, где каждый может говорить что ему вздумается, они «понятия не имеют», как и о своеобразной атмосфере «студенческих кружков». Большевистское лицедейство они склонны принимать всерьез. Они думают, что и на Западе, в «буржуазной демократии», не лучше, если не хуже. С государственным устройством европейских стран они знакомятся по трудам «профессора» Гурвича, совершенно не знают истории, они не читали литературы, на которой воспитывались поколения, не слыхали имен Белинского и Герцена. Историю революционной интеллигенции знают лишь в освещении учебников «политграмоты» — Вольфсонов и Бердниковых. Вот один из моментов, недооцениваемых эмиграцией.

Не сумевшая приспособиться часть «царского» чиновничества, старые дамы из «общества», проживающие последние остатки вещей, ненавидят большевиков лютой ненавистью. Но эта ненависть так же лишена идейной подкладки, как и алчная зависть вчерашних париев и сегодняшних господ — тех, кто был ничем и сразу стал всем, вместо того, чтобы быть только чем-нибудь.

Квалифицированная интеллигенция, профессора, инженеры, врачи, адвокаты — в массе своей «осоветились». Большинство с грехом пополам устроилось и боится перемен. К эмиграции отношение враждебное. Не верят, что в случае возвращения эмигранты не будут претендовать на руководство и не собираются «ломать» и «мстить». Считают, и не без основания, что события имеют свою логику. Да и практика белых правительств у всех в памяти. Люди, далекие от коммунистической партии, находят, что Рабоче-Крестьянское Правительство имеет немало заслуг и достижений, в особенности в области народного образования и в международных отношениях, что это как-никак национальная власть, отстаивающая достоинство и целостность страны. О Временном правительстве вспоминают с ядовитым сарказмом.

Процесс советизации сильнее в Москве, чем на окраине. Близость границы порождает каждою весною слухи и политические сплетни. На Украине «советизации» мешает национальный момент. На приезжающего киевлянина, осмеливающегося говорить о возможности перемен, в Москве смотрят с изумлением, как на редкий экземпляр ископаемого.

Профессора новой формации заполнили кафедры. Один за другим вымирают доктора и магистры. «Смена» — это учителя гимназий, инженеры, врачи-практики. В годы разрухи, выступая за паёк в рабочих клубах, они зарегистрировали себя профессорами. Название удержалось. Новая профессура — детище революции, и это отразилось на ее облике. «Общественники» с практическим уклоном. Нет былого духа ученой касты. В общем и целом эта новая советская профессура некоммунистична, не прочь даже пофрондировать... дома. Для «капиталистического окружения» у нее единый фронт и общий язык с товарищами Бухариным и Сталиным.

Лучшие из старой гвардии квалифицированной интеллигенции, чувствуя непреодолимое отвращение к окружающему, поступают по завету «отойти от зла и сотворишь благо». Они зарываются в специальные работы. Знакомство с эмигрантской печатью, издающейся для «России»,— редкое явление. О внутренних течениях в эмиграции знают только по кривому зеркалу «Правды». Нужно, впрочем, сказать, что лишь немногие осиливают столбцы советских газет.

В борьбе с большевиками интеллигенция понесла наибольшие потери, особенно чувствительные при ее относительной малочисленности. Поэтому «упаднические» настроения не должны удивлять. Только в 1924 г. последовало прощение грехов интеллигенции: «саботаж» в послеоктябрьский период и участие в гражданской войне на стороне белых. Интеллиген-

ция провозглашеиа равноправным членом триединой формулы трудового народа. Но это — лживая декларация. Дети служащих не могут поступить в профшколу. У интеллигента отбирают «излишки» жилплощади; в его квартиру вселяют подвальиых жильцов с гармонью. «Спецов» травят, окружают «сексотами» и провокаторами. Нельзя «пришить» экономическую контрреволюцию,— остается: халатное отношение, бездействие власти и бесхозяйственность.

Интеллигенция сейчас сброшена со счетов. Основная установка «Крестьянской России» — установка на пятое сословие — правильна. По крайней мере для России. Крестьянство не может примириться с нынешним режимом. Последиее основывается на беспощадной эксплуатации мужика, на цинмчной уверенности, что «ён» все вынесет. То, что оппозиционер Преображенский выболтал и «научно» обосновал, потихоньку проводит Сталин. Интересы коммунистической власти и крестьянства антагонистичны. Крестьянство представляет неисчерпаемый источник сил и энергии. Уиичтожить 22 миллиона мелких крестьяиских хозяйств, сломить их пассивное сопротивление — не по плечу большевистским наполеонам. Это не «частник».

В противоположность марксистам с их «дифференциацией», «Крестьянская Россия», продолжая народническую традицию, говорит о крестьянстве в целом. Это верно как «программно-политическое» положение. Но с тактической точки зрения нельзя упускать из вида следующее: современная «раскулаченная» деревня — не прежняя деревня. Единого антибольшевистского фронта и в помине нет. Появилась новая прослойка сельских коммунистов, комсомольцев, «активистов», селькоров и т. п. Ее опора — 30% освобождениых от сельскохозяйственного налога, 30% своеобразных иждивенцев, за которых иалог уплачивают «кулаки». Неосторожный шаг — и «кулака» добивают. Добивают экономически, конфискациями и разорением хозяйства. Нередко и тюрьмою («агитация» против самообложения[5]). Сельская интеллигенция находится тоже под сугубым надзором. Народный учитель — это подлинный представитель трудящегося, эксплуатируемого коммунистами народа. Он проводит всю кампанию, агитирует за подписку на «добровольный» заем, разъясняет сущность «самообложения» и т. д. и т. д.

Тургеневский Хорь не хотел откупаться иа волю, говоря, что всякии, кто не носит бороды, будет Хорю и иáбольшим. У нынешнего учителя — тьма иáбольших, с бородою и без бороды, осуществляющих par excellence[6], и не за страх, а за совесть, сыскные функции.

Вы спросите: неужели борьба невозможна и единственное спасение в интервенции?

Экономическое восстановление России, которое якобы должно последовать в результате похода двунадесяти языков, натолкнулось бы сразу на иепреодолимое препятствие: границу иовых лимитрофов[7], созданных благородными «союзниками», исходя из «принципа самоопределения народностей», искусственно подогреваемых окраинных сепаратизмов и... собственных вожделений интервентов. Каменный уголь, сахар и нефть были бы прибраны к рукам. Все помнят роль союзников в минувшую гражданскую войну. Русский народ мог бы повторить: избави меня, Боже, от таких друзей! Вооруженное столкновение Советского Союза с Западом не может входить в программу деятельности антисоветских сил. Нужно подчеркивать это, ибо пессимизм отчаяния, которым охвачены некоторые интеллигентские круги, неверие в самую возможность какой-либо организованной политической борьбы с коммунистической властью вызывает по крайней мере на окраинах рецидив настроений и чаяний, характерных для давно пройденной полосы.

Это ие значит, что мы не будем поставлены однажды перед свершившимся фактом вторжения непрошеных «спасителей», в рядах которых могут оказаться и русские добровольцы-монархисты. Правда, здесь не слишком верят газетной шумихе и иеминуемо близкой угрозе войны со стороны «империалистических хищников». Советская власть напоминает мальчика из детской сказки, кричавшего «Волк! Волк!», когда никакого волка не было. «Единожды солгавши, кто поверит?» Но думаю, что война все же будет, хотя и не так скоро.

«Пораженчество» имеет своих сторониикев. Приходилось слышать от крестьян фразу: «Пусть начнется война — мы им покажем!» — Программа третьей революции! Революция во время войны ие увеличивает обороноспособиость страиы. Это доказал Февраль, начатый под лозунгом «Война до полной победы!». Ситуация чревата теми же опасностями раздробления России.

Переписка Деникина с неизвестиым «красным командармом»[8] показала, что более вдумчивые и не ослепленные ненавистью к большевикам представители бывшего белого командования понимают трагизм положения. Позиция Деникина, конечно, больше отвечает национальным интересам России, чем попытка некоторых генералов отмахнуться от вопроса ссылкой на нереальность угрозы войны. Но, с другой стороиы, иедоумение вызывает панегирик Красной Армии в одном из номеров «Борьбы за Россию»[9].

В Красную Армию, при самом ее основании, вошли далеко не лучшие представители кадрового офицерства. Пошли «шкурники» и профессионалы, которым безразлично, кому продать свою шпагу. Из красногвардейских и партизанских отрядов они создали неплохую миллионную армию. Их заслуги оценены коммунистической властью. Многие «военспецы», старые полковники и капитаны — давно члеиы партии, занимают ответственные посты в штабах. Менее надежных, ушедших из Красной Армии по демобилизации, сменили «краскомы». В военных школах коммунисты составляют сейчас до 80%. «Смычка» с армией проводится через комсостав, через военные школы, куда закрыт доступ лицам непролетарского происхождения. Среди красноармейцев процент партийных ничтожен. Но руководство армией — в коммунистических руках. Партия зорко следит за нею. В ЦК понимают, что это — едва ли ие главная «комаидная высота».

Традиции Красиой Армии, на которых воспитывается боевой дух солдата,— традиции беспощадной войны с классовым врагом. История Красиой Армии есть история беспощадной войиы с классовым врагом, история войны с белыми армиями, то есть история иаших поражений. Это армия демократическая, советская, возникшая из революционных бурь 1917—1919 гг., и связывать ее с делом махровой контрреволюции — значит не понимать этого основного факта. Говорить о перерождении еще преждевремеино. Это лишь тенденция. Еще не отгремел гром перекопских пушек. «Бойцы вспоминают минувшие дни»... и делятся с молодежью своим боевым и политическим опытом на организуемых партией «вечерах воспоминаний».

И все же Красная Армия, пожалуй, единственная организованная сила, не сливающаяся целиком с партией, несмотря на все усилия. Крестьянский состав армии — порука, что соответствующее задание никогда не будет выполнено на все 100%, что это — «бессмысленное мечтание». Связь в деревне остается, и ее не уничтожить обучением «политграмоте». Культ Красной Армии — палка о двух концах. При нарастающих внутренних затруднениях сознание армией своего значения и силы может оказаться могущественнейшим рычагом. Нужна лишь умелая и твердая рука, чтобы этот рычаг направить в надлежащую сторону. Красная Армия — это сила, которой, быть может, придется сказать решающее слово. Грядущее скрыто от нас. Революционная действительность посмеялась над «научными» прогнозами. И, однако, нельзя удержаться от искушения заглянуть вперед.

Для правоверного меньшевика бонапартизм — это жупел, «реакция». Особенно любят ссылаться на 2 декабря 1851 г.[10], как будто русская революция только «список бледный» с классического французского образца. Но для каждого, не утратившего способности самостоятельного наблюдения явлении, их оценки, ясно, что ие может быть речи о социальной революции реакции, раз активная роль приписывается не внешним силам, за спиною которых могли бы оказаться отечественные помещики, а молодой крестьянской армии. Эта армия не поидет по указке из замка Шуаньи[11]. Политическая реакция? Но большевистский режим — самый реакционный в мире. Никакая реакция ие страшна, если будет сломлена диктатура, уничтожена коммунистическая монополия. Всякий другой режим допускает в тех или иных пределах реорганизацию сил противника, существование партий, возможность инакомыслия. Поэтому пути преодоления олигархии Сталина и K° через бонапартистскии coup d'etat[12] — не худшии из мыслимых путей грядущего, а по сравиению с иностранным завоеванием имеет преимущества. Другой вопрос — реальная возможность его при настоящем положении вещей.

Среди буржуазных «спецов» прекратились разговоры об экономическом возрождении. Прошло десять лет со времени окончания мировой войны, а достижение довоенного уровня все еще продолжает оставаться задачей завтрашнего дня. Мы безнадежно отстаем от Европы. Народное хозяйство республики Советов — в тупике, и из этого тупика не видно никакого выхода. Нэп изжил себя. Хлебные затруднения через полтора месяца после сбора нового урожая — это momento more[13] для миллионов городского населения. Зима предстоит тяжелая. Голод неизбежен. Очереди у хлебных лавок напоминают Февральские дни. Как и тогда, преобладают женщины в платочках. Молчат интеллигенты, но серый мещанский люд не стесняясь громко клеймит коммунистов и посылает проклятия на их головы. Во время киевских маневров население ожидало настоящей газовой атаки. Многие заклеивали окна. На базарах не раз начиналась паника. Сомнения скептиков устранялись возражением, что для «них» ничего не стоит уничтожить лишнюю тысячу людей. Понадобились специальные плакаты с разъяснениями главного командоваиия. Но и плакатам не слишком верили и на всякий случай принимали меры.

В очередях все слышнее голоса возмущения. Лейтмотив: нечего ждать, пока будет эта сволочь!

Quo us que?[14]

Как и в Феврале, последнее слово за Армией. За вызванным «в ружье» крестьянством. Загадка русского сфинкса ждет своего разрешения.

Письмо из Киева А. П. Вельмину

Март 1929 года

Широкая волна арестов, ссылок, репрессий прокатилась по всей России начиная с осени 1928 г. Это — ответ правительства на все растущие экономические затруднения. Чем длиннее очереди у хлебных магазинов, чем скуднее и скуднее ресурсы, тем энергичнее репрессии, тем строже и свирепее шпионаж и сыск. Вспомните времена 1919—1920 годов, и тогда Вы поймете ту атмосферу, в которой живем мы сейчас. Это так и в экономическом, и в политическом отношении.

С рынка исчез хлеб, булки, мука, все виды крупы, сахар, сельди, яйца, масло и другие жиры, бумага. Снова, как когда-то, везти в поезде муку или иные продукты есть преступление, за которое арестовывают. Снова ранними утрами нескончаемые очереди стоят возле пустых магазинов. Не похоже на прежнее только то, что те же затруднения переживает и деревня. Там тоже нет хлеба, нет масла — все изъято и выкачано. Если раньше горожане шли в деревню с вещами — «менять», то теперь и это невозможно. В ряде мест (Петербург, Житомир, Донецкий бассейн) уже введена карточная система; в других городах правом получать продукты продовольствия и первой необходимости пользуются лишь члены государственных кооперативов. Пай для вступления в кооператив — 15 рублей и непосилен для многих; к тому же сейчас прекращена запись новых членов. Остальное население обречено на голодание или на покупку по баснословным ценам из-под полы.

Что касается политической стороны жизни, то и она вернулась почти к 1917—1920 гг. Снова массовые обыски и аресты среди интеллигенции. Снова «чистка» в учебных заведениях — высших и средних, исключение «неблагонадежных». Организованная травля и сыск через так называемые «жилкоопы» (домоуправления), избранные в исключительно коммунистическом составе. Снова система «выборов» — «кто против?» Новый метод — это так называемая «легкая кавалерия»: организации из коммунистов и комсомольцев, устраиваемые при всех учреждениях и занимающиеся специально сыском. Им открыты архивы и дела всех ведомств. Они устраивают допросы служащим, учащимся, вообще всем — кому хотят, ища «классового врага». Они даже устраивают внезапный осмотр карманов и бумажников — нн с того, ни с сего, среди белого дня. Открыт новый поход против «царского чиновничества», то есть тех из служащих, кто служил и до 1917 г.; против пенсионеров, получающих пенсии не за выслугу перед революцией, против профессуры и учительства немарксистски настроенных, против учащихся — словом, против всех.

Жизнь снова приобретает тот напряженный характер, который хорошо знаком и Вам по 1919—1920 гг. Но тогда мы чего-то ждали, и напряжение душевных и физических сил, казалось, имело видимый предел. Теперь этого предела нет — впереди безотрадная неизвестность, и поэтому все чаще встречаешь настроение, близкое к отчаянию, все больше число самоубийств. Даже советская пресса забила тревогу по поводу ряда самоубийств уволенных из школ и вузов учеников (16—17 лет) и студентов.

Все это сопровождается массовыми арестами. У ГПУ очереди родственников с передачами, в камерах по 30 и больше человек, где должно быть не больше 10.

Предисловие и публикация
ЮРИЯ ЩЕТИНОВА,
кандидата исторических наук

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Начало письма А. П. Вельминым оторвано.
2. Первая часть латинской пословицы «Платон мне друг, но истина дороже».
3. То есть в тюрьме.
4. Комнезамы (Комитеты незаможных селян) — комитеты сельской бедноты на Украине.
5. Самообложение — форма участия сельского населения в финансировании расходов по местному хозяйственному и культурному строительству.
6. преимущественно (*фр.*).
7. Лимитрофы — малые пограничные с РСФСР государства: Латвия, Литва, Эстония, Финляндия.
8. Имеются в виду апокрифические письма, пересылавшиеся из СССР в конце 20-х годов якобы от лица «красного командарма» в русские зарубежные газеты для идеологического воздействия на военные круги эмиграции, и ответные письма генерала А. И. Деникина.
9. «Борьба за Россию» — эмигрантский журнал, издававшийся в Париже в 1926—1931 годах под редакцией В. Л. Бурцева.
10. 2 декабря 1851 года во Франции произошел государственный переворот Луи Наполеона Бонапарта.
11. Замок Шуаньи — место проживания во Франции Великого князя Николая Николаевича Романова (1856—1929), претендовавшего на роль высшего руководителя военно-монархической части российской эмиграции.
12. государственный переворот (*фр.*).
13. помни о смерти (*лат.*).
14. Доколе же, до каких пор? (*лат.*)

Сегодня парень водку пьет, а завтра....

Фото Геннадия Бодрова

Люди старшего поколения помнят, как бичевали «стиляг». «Стиляги» — это характерная черта крупных городов страны в пятидесятые годы. Это был целый мир, отличавшийся не только по внешним признакам (длинные волосы, яркие цвета в одежде, чрезмерно зауженные брюки и т. п.), этакая молодежная субкультура. Проявившаяся как движение «стиляг», она не была чисто советским явлением. Модернистские движения в среде молодежи присущи многим странам мира.

Публикуемый ниже документ имел определенную цель: информировать ЦК КПСС о мероприятиях, проводимых среди «стиляг» Управлением КГБ по городу Москве. Разумеется, это всего лишь специфический взгляд службы безопасности. Документ публикуется в сокращении.

О. МАРИНИН, кандидат исторических наук

СПРАВКА

На основании имеющихся в Управлении КГБ при Совете Министров СССР по гор. Москве данных в послевоенные годы в поведении отдельной части московской молодежи стали проявляться определенные черты и наклонности, несовместимые с принципами коммунистической морали.

Эти черты в основном определяются пренебрежительным отношением к труду, стремлением к праздной «красивой» жизни, пошлостью, аморальностью, беспринципностью, уклонением от участия в общественной жизни, аполитичностью, переоценкой своей личности, желанием чем-либо (одеждой, поведением, жаргоном, образом мыслей) выделиться из окружающей, «серой», по их выражению, массы советских людей.

Эта часть молодежи, ставшая известной под названием «стиляг», наиболее подвержена разлагающему влиянию буржуазной идеологии, в силу чего у нее нередко возникают не только идеологические шатания, отрицательное отношение ко всему советскому, восхваление буржуазной демократии, свобод и образа жизни, а иногда и прямые антисоветские проявления.

Как сообщает агентура, несмотря на внешнее однообразие — в походке, форме одежды, манере держаться и пр., все «стиляги» не представляют собой однородной, сплошной массы одинаковых людей.

Обычно между собой и даже среди незнакомых разговор «стиляг» ведется на особом жаргоне. Однако в последнее время этот жаргон вышел далеко за пределы круга «стиляг» и его знают многие из молодежи и подавляющая часть студентов гуманитарных институтов.

В 1952 году «стиляги» придумали и распевали гимн «стиляг», который отличается чрезвычайно пренебрежительным отношением к советской действительности. В этом гимне пелось про то, что в Советском Союзе не дают жить любителям легкой музыки и «свободной» жизни. «Гимн» заканчивался припевом: «Не слышно больше джаза, везде — сплошная лажа». Это же настроение продолжает держаться среди настоящих, закоренелых «стиляг» до сих пор. Однако в открытую они его высказывают очень редко.

По данным агентуры, среди «стиляг» имеются различные группы.

Так, например, «стиляги-музыканты». К настоящему искусству такие «стиляги» имеют самое далекое отношение. Порой у них нет даже музыкального слуха. Однако они идут в музыканты в погоне за легким заработком. Несколько уроков музыки — и человек, даже лишенный полностью музыкального слуха, начинает стучать по барабану. Такие «стиляги» организовывают «капеллы» — группы по четыре-пять человек, в которые втягивают по одному хорошему музыканту. Этот основной музыкант и задает тон «капелле», а все остальные участники служат для его шумового сопровождения. Эти «капеллы» обычно собираются у Мосгорэстрады на Неглинной улице. Вечером около пяти часов здесь можно видеть сотни «стиляг» из «капелл». Обычно они нигде не работают и только разъезжают по вечерам в средних школах, институтах, техникумах и учреждениях. Вместе с ними тянется на эти вечера и их «окружение» — грубо размалеванные девицы-«стиляги» и ребята. Они танцуют рок-н-ролл и прочие ему подобные танцы под музыку своих друзей «стиляг-музыкантов».

Глядя на этих «стиляг», им начинают подражать ученики школ, студенты и рабочая молодежь — вначале в шутку, а со временем некоторые из них, тоже заражаясь желанием танцевать вульгарные танцы, вливаются в эти «капеллы» и разъезжают с ними по вечерам. Если среди таких новичков попадает молоденькая, внешне интересная девушка, ее быстро затягивают в эту жизнь, возят по ресторанам, спаивают и развращают на попойках, организуемых у кого-нибудь из «стиляг» дома. Особым подвигом для себя эти «стиляги» считают растление невинных девушек. После этого многие девушки начинают вести легкий образ жизни.

Обычно эти «стиляги» собираются на пл. Революции, возле метро, кроме того, на вечерах танцев в ЦПКиО им. Горького, в пивном баре на пл. Пушкина, в ресторане «Пильзенский» в ЦПКиО. Однако самое большое количество их бывает на улице Горького. Сюда приходят женщины легкого поведения (не проститутки) и «стиляги» в поисках встреч с ними. Имея свои мотороллеры и машины, «стиляги» увозят женщин за город, на дачи. С наступлением летнего сезона, когда родители многих «стиляг» уезжают отдыхать, выпивки организовываются на московских квартирах.

Если раньше «стиляги» отличались тем, что ярко, пестро одевались, то уже теперь, когда такая одежда привлекает внимание не только общественности, но и комсомольских патрулей и милиции, «стиляги» стали одеваться менее крикливо, не утрируя моды, но только в заграничное платье.

Настоящих «стиляг» теперь трудно на улице отличить от иностранцев. Это помогает им под видом иностранцев приходить прямо в номера к иностранцам в гостиницах, не привлекая внимания. В номерах они ведут торговые сделки с приезжими иностранными туристами. Купленные за четверть цены и меньше вещи «стиляги» затем сдают в комиссионные магазины или продают с рук знакомым. Некоторые имеют прямую связь с оценщиками комиссионных магазинов и скупок.

Для того чтобы торговля шла более бойко и туристы охотнее отдавали свои вещи, иногда «стиляги» прикидываются обиженными советской властью, рассказывают иностранцам, что их родители репрессированы и пр.

Таких имеющих отношение к иностранцам «стиляг» в Москве существует несколько групп. В одну из них входит С.*, 1935 г.р., бывший студент Университета. Сейчас нигде не работает и занимается только спекуляцией среди иностранцев. Как правило, С. с компанией ходит в крупнейшие рестораны города — «Метрополь», «Советский», «Гранд-Отель», т. е. которые наиболее часто посещают иностранцы. С. говорил агенту, что его знают в центре все оперативники, но сделать ничего не могут или не хотят.

* В подлиннике фамилии приведены полностью.

Многие «стиляги», занимающиеся спекуляцией, сводничеством, воровством и т. п., имеют клички.

Особо следует сказать о примыкающей к «стилягам» молодежи, в основном это ребята 16—17 лет, подражающие «стилягам». Среди них есть рабочие, учащиеся и другая молодежь. Они попадают под влияние опытных «стиляг», одеваются пестро, в погоне за «рекламой», и служат для более опытных «стиляг» ширмой. В то время как комсомольские патрули забирают пестро одетых и внимание милиции привлекают эти крикливые и шумные ребята, настоящие «стиляги», одетые по последней европейской моде, обделывают свои темные дела.(...)

Управление КГБ по гор. Москве располагает следующими данными, которые характеризуют образ жизни, поведение и настроение некоторых «стиляг».

Так, например, в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии учится студент К., 1937 г. р., который агентом «Оператор» характеризуется «стилягой», лентяем в учебе, халтурщиком с довольно малым кругозором. В свободное время его интересует только джаз, женщины и вино. К окружающим относится с пренебрежением. Он посещает все вечера в институте и приводит с собой «стиляг», ходит на различные попойки и увеселительные вечера.

В этом же вузе студент Н., 1937 г. р., член ВЛКСМ, ведет себя скромно, серьезно относится к учебе, имеет ограниченный круг товарищей, производит впечатление развитого и начитанного юноши. Но поведение его вне стен института совершенно иное. По агентурным данным, Н. со своими приятелями устраивает пьянки с участием девиц легкого поведения, слушает передачи из США.

В Московском государственном экономическом институте студентка К., 1938 г. р., член ВЛКСМ, известна приверженностью к праздному образу жизни, посещению ресторанов. По сообщению агента «Коробов», К. разочарована в жизни, считает себя падшей и не видит никаких перспектив в дальнейшей жизни. (...)

Агент «Бобров» 5 марта 1958 года сообщил, что его знакомая Ж., 1937 г. р., член ВЛКСМ, медсестра амбулатории, со слов медсестры здравпункта фабрики «Детская книга»(...) рассказала ему о существовании некоего «подпольного общества», организованного участниками бывшего джаза ЦДРИ. «Общество» насчитывает якобы около 60 чел., имеет «президента». В «общество» вовлекаются женщины и девушки, которые должны отдаваться любому участнику, изъявившему на это желание. Сборы «общества» происходят преимущественно в квартирах и на дачах, сопровождаются попойками, средства на которые черпаются из заработков членов «общества» и из каких-то других «тайных» источников. Эти данные перепроверяются.(...)

По поводу проводимых «стилягами» пьяных оргий одна из участниц подобных сборищ Б. нашему агенту заявила, что ее страшит эта компания, она боится «повального полового разврата с неизвестными мужчинами», но прекратить знакомство со «стилягами» она не решается, боясь мщения.

Кроме указанных фактов, свидетельствующих об аморальном поведении «стиляг», устраиваемых ими пья-

ных оргиях, сопровождающихся развратом, имеются данные о вредном разлагающем их влиянии на школьников старших классов.

Так, ученик 10-го класса 3-й Химкинской школы В. заявляет, что молодежь должна стремиться сделать только свою жизнь хорошей, а идеи коммунизма ей не нужны, так как жизнь требует то, что хочет человек, а не то, что нам обещают. Под влиянием извне В. механически выбыл из комсомола.

Ученица этой же школы Р. (ее брат разрабатывается по связям с иностранцами) на комсомольском собрании в школе заявила, что «до революции большевиков не признавали, а они победили. «Стиляг» сейчас не признают, а придет время, и они возьмут верх, и будет время «стиляг».

В результате проведенных контрразведывательных мероприятий в отношении лиц, систематически встречающихся с иностранцами — служащими аккредитованных в Москве зарубежных представительств и туристами из капиталистических стран, Управлением КГБ по гор. Москве за последнее время получены агентурные и следственные материалы, свидетельствующие о том, что так называемые «стиляги», будучи морально и идейно неустойчивыми, в большинстве своем легко поддаются влиянию буржуазной идеологии, антисоветски настроены, охотно идут на связь с иностранцами и являются источниками разведывательной и клеветнической информации о советской действительности, а отдельные из них вынашивают изменнические намерения.

Об использовании «стиляг» иностранцами с целью получения от них интересующих сведений американская журналистка Шварценбах заявила, что в настоящее время все иностранные корреспонденты в Москве с этой целью охотно завязывают знакомства со «стилягами». (...)

С помощью агентуры нами выявлено более тридцати «стиляг», занимающихся спекуляцией иностранными вещами и долларами. Все они, как правило, антисоветски настроены. Встречаясь с иностранцами на улицах, в гостиницах и ресторанах, они высказывают различные клеветнические антисоветские суждения, предупреждают о некоторых известных им методах работы органов госбезопасности, подставляют иностранцам молодых девушек легкого поведения и выполняют отдельные личные поручения с целью расположения их к себе и приобретения вещей.(...)

В результате агентурной разработки «стиляг», поддерживающих подозрительные связи с иностранцами, 7 человек в 1957 году Управлением арестованы и все они осуждены по ст. 58-II-а и 58-10-I УК.

В отношении 10 человек, занимавшихся валютными операциями с иностранцами, имевшиеся в Управлении КГБ материалы были переданы в УБХСС, совместно с которым и с помощью агентуры УКГБ все они были пойманы с поличным в валютных сделках и арестованы.

Наряду с пресечением преступной деятельности некоторых «стиляг» путем их ареста, Управлением КГБ проводились также профилактические мероприятия. Некоторые из них вызывались и предупреждались о необходимости прекращения связей с иностранцами, приглашались их родители, которых информировали о поведении детей. В отношении отдельных «стиляг» информировались не только родители, но и общественные организации предприятий и учреждений, где они учатся или работают.

Вся сумма проведенных мероприятий, безусловно, способствовала отрыву некоторой части молодежи от так называемых «стиляг», и они изменили свое поведение. Можно сказать, что около иностранцев «стиляг» сейчас общается меньше, чем это было раньше, и внешне ведут они себя более сдержанно, чем прежде.

Однако количество так называемых «стиляг» еще значительно, и они продолжают наносить социальный и политический вред интересам Советского государства.

Среди «стиляг» подвизается много различного рода темных людей, проживающих в Москве без прописки и без определенных занятий, различного рода жуликов, спекулянтов и других проходимцев. Однако органы милиции слабо ведут борьбу с такими лицами.

Для более эффективной борьбы со «стилягами» наряду с усилением агентурно-оперативной работы среди них и пресечения антисоветской деятельности отдельных лиц Управление КГБ по гор. Москве считает необходимым осуществить следующие мероприятия:

1. Агентуру органов КГБ, помимо разработки антисоветского элемента среди «стиляг», использовать для выявления лиц, совершающих уголовные преступления. Об установленных фактах информировать органы милиции для привлечения виновных к строгой ответственности.
2. Лиц, сознательно представляющих свои квартиры и дачи для оргий и разного рода сборищ, привлекать к строгой административной ответственности, а в отдельных случаях как за содержание притонов.
3. В целях профилактики «стиляг», «деятельность» которых не подпадает под наказание в уголовном порядке, шире практиковать информации о них и их родителях в партийные, комсомольские и общественные организации, использовать печать, в особенности институтские и заводские многотиражки и районные «окна-сатиры», а также радио и телевидение.
4. «Стиляг»-студентов, не успевающих в институте, из институтов исключать с правом поступления лишь после двух лет трудовой деятельности или прохождения службы в Советской Армии.
5. В связи с тем что значительная часть молодежи нетрудоустроена, поставить вопрос перед Моссоветом о быстрейшем ее трудоустройстве.
6. «Стиляг», уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих паразитический образ жизни, выдворять из города Москвы в административном порядке.
7. Через Министерство культуры и Управление культуры при Мосгорисполкоме прекратить практику «левых» выступлений эстрадных оркестров (в которых принимают участие и «стиляги»), исполняющих художественно неполноценные и идеологически чуждые и халтурные произведения.
8. Усилить режим прописки в гостиницах, а в отношении лиц, устраивающих пьяные оргии в номерах, через администрацию из гостиниц выдворять и через органы милиции привлекать к административной ответственности.
9. Подготовить специальную лекцию о вредном влиянии «стиляг» на молодежь, с которой выступить на крупных предприятиях и в институтах.
10. Обратить внимание Мосгороно на усиление воспитательной работы среди учеников старших классов средних школ.

Начальник Управления Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР по городу Москве
(В. Белоконев)

23 октября 1958 года.

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 35. Д. 82. Л. 94—100.

ШАЙБА, ЗАБИТАЯ КАНАДЦАМ, ИМЕЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Сов. секретио
Экз. единственный
(Рабочая запись)

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
17 сентября 1981 года

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.
Присутствовали т. т. Горбачев М. С., Гришин В. В., Суслов М. А., Тихонов Н. А., Устинов Д. Ф., Демичев П. Н., Пономарев Б. Н., Соломенцев М. С., Капитонов И. В., Долгих В. И., Зимянин М. В., Русаков К. В.

/..../

9. Телеграмма из Монреаля от 14 сентября 1981 г. (спец. № 81)

БРЕЖНЕВ. Все мы, товарищи, с большим вниманием и напряжением следили за хоккейной игрой на Кубок Канады, которую проводила наша сборная команда.

Надо сказать, что эта победа имеет не только спортивное, но и большое политическое значение. Они прислали мне телеграмму из Монреаля, в которой докладывают о достигнутой победе и заверяют, что и впредь будут еще больше трудиться, совершенствовать св[illegible] мастерство, чтобы одерживать новые победы.

Я думаю, что надо поощрить хоккеистов. Некоторые из них давно не получали или вообще не получали наград. Таких, может быть, следует представить к правительственным наградам, а тех, кто недавно получил награды, скажем к Олимпиаде в прошлом году, поощрить ценными подарками.

ЗИМЯНИН. Леонид Ильич, я хочу доложить Политбюро следующее. Все товарищи, входящие в состав сборной команды СССР по хоккею, награждены орденами и медалями за Олимпиаду, кроме Ларионова. В связи с этим, очевидно, нет необходимости нам ставить вопрос о награждении хоккеистов. В связи с тем, что они выиграли Кубок Канады, канадское правительство по условиям проведения Кубка выплатило им по тысяче долларов каждому. Кроме того, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 8 апреля 1980 года каждому игроку за выигранную игру полагается 500 рублей денежного вознаграждения. Так как они выиграли 6 игр, то каждый имеет право получить по 3 тысячи рублей.

СУСЛОВ. Можно было бы, кроме того, объявить благодарность всем им.

ТИХОНОВ. От имени Совета Министров.

СУСЛОВ. Правильно, от имени Совета Министров.

ДАЧНЫЕ СТРАСТИ

Сов. секретно
Экз. единственный
(Рабочая запись)

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
7 июля 1983 года

Председательствовал тов. АНДРОПОВ Ю. В.
Присутствовали т. т. Алиев Г. А., Горбачев М. С., Гришин В. В., Громыко А. А., Романов Г. В., Тихонов Н. А., Устинов Д. Ф., Черненко К. У., Воротников В. И., Долгих В. И., Кузнецов В. В., Пономарев Б. Н., Соломенцев М. С., Зимянин М. В., Рыжков Н. И.

10. О строительстве дач для руководящих работников

АНДРОПОВ. И последний вопрос, выходящий за сегодняшнюю повестку дня. Мне хотелось бы спросить у вас, товарищи, будем ли мы обрастать дачами? У меия есть данные, что например, Байбаков построил себе дачу 120 кв. м и продал ее теперь Трояновскому за 32 тыс. рублей. Одновременно сын и дочь Байбакова получили участки и, видимо, тоже собираются с помощью папы строить себе дачи. Это, товарищи, непорядок и, с моей точки зрения, злоупотребление служебным положением.

АЛИЕВ. Надо вообще запретить строительство дач руководящим работникам. Ведь у Байбакова есть государственная дача.

ЧЕРНЕНКО. Конечно, есть.

АНДРОПОВ. Это вопрос, в котором мы не можем грешить, так делать не годится. Мы ведь даем дачи министрам-пенсионерам.

ТИХОНОВ. У нас имеется порядок, разрешающий строительство индивидуальных дач академикам с согласия Совета Министров СССР. Такое строительство ведется в дачных кооперативах.

ГРИШИН. В целом есть разрешение строить кооперативные дачи.

ВОРОТНИКОВ. Порядок установлен, но он систематически нарушается. Не соблюдаются размеры в строительстве дач, нет принципиального и честного подхода к этому делу. На Николиной горе под Москвой некоторые ученые и деятели искусства построили целые дворцы, и все это за счет фондируемых материалов, за счет растаскивания государственных средств.

АНДРОПОВ. Нет, товарищи, я считаю, что надо начинать с себя.

РОМАНОВ. Мы под Ленинградом разрешили строительство дач академикам и другим крупным ученым, а остальные руководящие работники получают дачи в аренду на пять лет с продлением этого срока, в случае необходимости, Ленинградским горисполкомом. Кроме того, дачи на кооперативных началах строят некоторые заводы и другие хозяйственные организации.

ТИХОНОВ. В газете «Труд» недавно была большая статья о том, может ли рабочий снять государственную дачу. Получается, что практически не может. У нас дачи под Москвой строятся с согласия Совета Министров СССР и с разрешения Моссовета.

АНДРОПОВ. Вопрос ставится в принципе, надо ли нам обрастать дачами?

ГОРБАЧЕВ. Я так понимаю, что речь идет о руководящих работниках ЦК партии, правительства и т. д. Строительство дач сейчас приняло ажиотажный характер по всей стране. Здесь наблюдается масса безобразий. На мой взгляд, следовало бы поручить КПК при ЦК КПСС изучить этот вопрос заново.

АНДРОПОВ. Нет, ситуацию, сложившуюся в прошлом, теперь ковырять не надо, и КПК давать поручение не следует. Я веду речь о членах Политбюро, секретарях ЦК, членах правительства, министрах.

ДОЛГИХ. Но в этом вопросе надо разобраться в целом.

ЗИМЯНИН. Нужно поручить правительству, так сказать, кодифицировать все установленные правила и навести здесь порядок.

АНДРОПОВ. С этим, пожалуй, можно согласиться. Давайте запишем так. Во-первых, отметить, что в строительстве дач руководящими работниками допускаются серьезные нарушения порядка, установлениого законодательством. Во-вторых, поручить Совету Министров СССР с учетом обмена миениями, состоявшегося на заседании Политбюро, принять меры к наведению строгого порядка в этом деле.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно.

Постановление принимается.

«Проповедь политически вредных взглядов»

Записка зав. Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Казьмина в ЦК КПСС о нецелесообразности публикации статьи К. Паустовского «Кому передавать оружие?».

Представляю рукопись статьи К. Паустовского «Кому передавать оружие?», переданную писателем из Ялты 8 мая с. г. в редакцию газеты «Литература и жизнь» для опубликования в газете среди материалов к III Всесоюзному съезду писателей СССР.

Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР считает, что статью К. Паустовского «Кому передавать оружие?» публиковать не следует.

Зав. Отделом иауки, школ и культуры ЦК КПСС ио РСФСР
Н. Казьмин

К. ПАУСТОВСКИЙ

КОМУ ПЕРЕДАВАТЬ ОРУЖИЕ?

Передаио ио телефоиу в 19 час 8/V—1959 г. в редвкцию газеты «Литература и жизиь» из Ялты

*Скоро наступит время, когда старшее поколение писателей передаст свое оружие молодым. Поэтому все чаще вспоминаются пушкинские слова: Чей глас умолк на дружной * перекличке? Кто не пришел? Кого меж нами ** нет?*

В сознании необходимости передать свое оружие молодым нет и не может быть ни горечи, ни сожалений. Это так же естественно, как весенний рост травы.

Пожалуй, придется с первых слов этой статьи оговориться, чтобы быть правильно понятым.

Частая и скучная необходимость оговариваться в нашей писательской работе вызвана тем, что некоторая часть писателей и критиков относится к литературе с недоверием, как к занятию каверзному, тревожащему ум и пытающемуся нарушить однообразие мысли.

Пишу я об этом потому, что предвижу возражения даже против заголовка этой статьи.

Обязательно найдется какой-нибудь литературный законник или обыкновенный притворщик, который начнет назидательно разглагольствовать о том, что писатель не должен сдавать свое оружие никому и держать в пальцах перо до последнего вздоха. Ни нам, ни читателям эти поучения не нужны. Мы все это великолепно знаем и в силу своего призвания выполняем свой долг.

Тревога старшего поколения писателей за судьбу литературы естественна и элементарно понятна. Эта тревога должна вызвать пристальное внимание старых писателей к новому, молодому писательскому поколению, идущему на смену. Но, как это ни странно, этого внимания к молодым очень мало, и большинство наших писателей не оставляет учеников. Я говорю о писателях подлинных, признанных, стоящих в первых рядах созидателей советской литературы.

Тревога старшего поколения писателей за будущее литературы законна еще и потому, что у этого поколения мало надежд на себя. Все надежды могут быть отнесены почти целиком к молодежи.

Старшее поколение писателей прожило жизнь, которой хватило бы на десять поколений наших предков. Старшее поколение — об этом надо сказать честно и прямо — тратило гораздо больше драгоценных и необратимых сил не на создание великолепной, значительной и новаторской литературы (как это и должно быть), а на ненужную борьбу со всем тем, что калечило литературу на корню — с мелочной опекой над творческой мыслью, с заведомой ложностью и несправедливостью многих оценок, с упорным и тяжелым стремлением отобрать у писателей силы, время на окололитературные и подчас незначительные дела.

Самая большая и наиболее ценная для народа, для строительства социалистического государства, для воспитания будущих поколений общественная работа писателя — это его книги, это — сохранение его таланта в чистоте и силе. Неловко говорить об этом, но писатель должен писать — в этом его жизненное назначение.

Литературная жизнь должна идти чистой, широкой, свежей волной, сопровождаться всем богатством явлений, относящихся к творчеству.

У нас в стране писатель не должен тратить силы на борьбу с возможностью наибольшего проявления своего таланта. Если же ему приходится за это бороться, то это означает, что в литературную жизнь иногда «просачиваются» скучные и мутные люди, скрывающие свою сущность доктринеров под личиной защитников революционной теории и практики.

Можно ли ждать очень многого от старшего поколения писателей, может ли это поколение целиком отвечать сейчас за состояние и развитие нашей литературы? Пожалуй, нет. Или, говоря точнее, уже нет: передача литературного оружия молодежи началась. С к[illegible]ым годом, да, пожалуй, с каждым месяцем, появляются в нашей литературе новые имена: их не так уж мало, как может показаться на первый взгляд — ведь литература — это не массовая кампания.

В чем нуждается наша литературная молодежь? Прежде всего и, пожалуй, главнее всего в том, чтобы талантливые вещи молодежи печатались, а не уныло кочевали из редакции в редакцию по вине нерадивых, равнодушных, а порой и недобросовестных людей.

Союзу писателей, пробавляющемуся преимущественно полумерами, следовало бы проверить творческое и материальное положение нашей литературной молодежи, проверить очень строго, чтобы оградить молодежь от редакционного произвола. К сожалению, большинство редакторов учит молодежь трусости и легкому отказу от своей писательской индивидуальности.

Кстати, здесь следует сказать несколько слов о Литературном институте. Главная его задача — воспитать у молодых писателей чистое, честное и преданное отношение к делу с тем, чтобы понятие профессии было заменено в сознании молодых писателей понятием призвание. Ради призвания человек смело идет на жертвы, на борьбу, а если это понадобится — и на смерть.

В нынешнем его состоянии Литературный институт вряд ли может воспитать подлинно социалистическую молодежь. Достаточно того, что в институте на Высших литературных курсах были проявления шовинизма и антисемитизма. Тут тоже нужно вмешательство Союза писателей и ЦК комсомола, чтобы выяснить, как могло в стенах передового института возникнуть такое позорящее явление, совершенно дикое и нетерпимое в преддверии к коммунизму.

Я не могу перечислить здесь всех талантливых молодых писателей, всю ту армию молодого поколения, которое призвано сменить старших и взять на себя великую задачу преемственности. Я просто многих молодых писателей не знаю. Но те, кого я знаю, не только талантливы, не только являются плотью от плоти своего народа, не только стремятся быть наравне со своим веком, но и обладают подлинным мастерством, а иные из них даже столь высоким, что признанным писателям стоило бы тоже у них поучиться.

Кому же из молодых старшее поколение писателей может спокойно передать судьбу литературы? Зная их талант и веря в их стойкость и бескорыстность, у каждого писателя есть, очевидно, свои списки. Что касается меня, то я приведу несколько имен. Я уверен, что к моему списку присоединятся многие. Вот эти имена: В. Тендряков — его писательский талант признан и бесспорен. Кстати, я помню, Тендряков совсем недавно был почти мальчиком, похожим на северного застенчивого подпаска; Юрий Казаков — писатель большой, зоркий, с поразительной для его возраста зрелостью; Ричи Достян — молодая ленинградская писательница с такой остротой восприятия нашей действительности, что ее вещи приобретают ясность и выразительность почти классическую; Юрий Бондарев — его вещи о войне резко выделяются среди множества вялых военных рассказов и повестей, написанных как бы «по долгу службы». Глубоко искренняя Наташа Тарасенкова; зоркий, беспощадный и смело обличающий Анатолий Злобин; всегда весь в поисках Борис Балтер, Андрей Меркулов и еще многие. Макс Бременер, Михаил Коршунов, Инна Гофф — это уже крупный костяк литературы наших дней. Они не предадут нашу литературу неправде и трусости, не обменяют ее благородство на собственное благополучие. Мы верим им. Мы любим их и знаем, как говорят старики, что теперь-то мы можем умирать спокойно.

Ялта, май 1959 г.

Статья К. Паустовского «Кому передавать оружие?» появилась в журнале «Юность» только через 13 лет после написания, а в 1984 году она вошла в девятитомное собрание сочинений К. Паустовского. Но оба раза материал подвергался исщадному препарированию. В полном виде статья публикуется впервые.

* Так в документе. У Пушкина: «на братской».

** У Пушкина: «меж вами».

Записка зав. Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н. Казьмина о настроениях среди писателей

16 мая с. г. в Отделе науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР главный редактор газеты «Литература и жизнь» тов. Полторацкий заявил, что он считает необходимым информировать ЦК КПСС о настроениях среди писателей, группировавшихся ранее вокруг альманаха «Литературная Москва».

В связи с предстоящим III Всесоюзным съездом писателей СССР, как рассказал В. Полторацкий, писатели, сотрудничавшие в свое время в альмаиахе «Литературная Москва», неоднократио собирались и обсуждали наиболее актуальные вопросы современной советской литературы. Миогие из этих писателей дважды встречались в гор. Ялте. Последняя встреча в Ялте особенно вызывает большую тревогу в смысле активизации данной группы, ее попытки развериуть проповедь прежних политически вредных взглядов.

Следует отметить, что среди писателей, собиравшихся в Ялте, нет единой точки зрения на формы и методы проведения своей линии в литературе. Существуют два мнения — Э. Казакевича и К. Паустовского. Э. Казакевич считает, что следует продолжать лииию молчания и таким образом оказывать свое влияние. Его поддерживают В. Каверин и В. Рудный. К. Паустовский ратует за развертывание активных действий. К. Паустовский так объяснял свою позицию: «Пастериаку ничего не сделали. Теперь не садят в тюрьму. Ничего и иам не сделают. Не могут что-либо сделать: боятся мнения международной общественности. Теперь ие так легко обидеть писателя. Настало время и нам выступить». К. Паустовского активно поддерживает В. Тендряков.

К. Паустовский выдвинул идею о занятии командных высот в периодических печатных органах людьми, близкими к писателям, группировавшимся ранее вокруг альманаха «Литературная Москва». Ои поставил также вопрос о необходимости завладения умами талантливой и творческой молодежи. Это уже начинает себя давать зиать. Ю. Бондарев введен в члены редколлегии «Литературной газеты», В. Огнев введен в какую-то редакцию журнала, кажется, заведующим отделом литературы и искусства журнала «Культура и жизнь», куда-то вводится А. Турков. В журнал «Дружба народов» предполагается ввести в качестве члена редколлегии В. Тендрякова.

Как вндио, в результате этих совещаний появились статьи Паустовского: «Бесспорные и спорные мысли» и «Кому передавать оружие?». Последняя статья является по существу перепевом известного выступления Паустовского в 1956 году.

Об этом считаем необходимым информировать ЦК КПСС.

Зав. Отделом иауки, школ
и культуры ЦК КПСС по РСФСР

Н. Казьмин

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 37. Д. 67. Л. 75—82.

Публикация **ЕВГЕНИЯ УЛЬКО**

ЧЕМ АНГЛИЯ СТРАШНА ЕВРОПЕ

Из переписки императора Александра II с братом великим князем Константином Николаевичем

Эти письма извлечены из переписки Александра II с братом и ближайшим помощником в подготовке и проведении либеральных реформ, главой Морского ведомства великим князем Константином Николаевичем. Написанные в конце 1858 года, они свидетельствуют, что Россия и после поражения в Крымской войне не утратила места и роли великой державы и не была пассивна в своей внешней политике. Император и великий князь в горячее время подготовки отмены крепостного права пристально следили за внешнеполитической ситуацией в Европе и на Востоке, стремились не упустить возможности для расширения территории на дальних окраинах империи и одновременно укрепить позиции России на Западе.

Не менее интересны письма как «человеческий документ», в котором воссоздается атмосфера жизни императорской семьи, ее нравы и традиции.

(Подлинники писем хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фондах 678 и 722.)

Императоръ Александръ II

Великий князь Константин Николаевич — императору Александру II

10/22 декабря 1858 года. Париж

Не могу Тебе объяснить, любезнейший Саша, как ужасно мы были поражены депешей об болезни нашей бесценной Матушки [1], тем более что мы полагали ее здоровою и что несколько дней перед тем я получил от нее письмо, писанное ею самою, в котором она только говорила, что с переезда в город она себя чувствует несколько слабою; однако она исписала все четыре страницы письма весьма твердою рукою. Вдруг получаем мы эту страшную депешу! Ты можешь себе вообразить наше состояние! Особенно нас поразило выражение le râle [хрип], напомнившее нам страшную ночь 18-го февраля! [2] Мы готовились к худшему. На другой день было воскресенье и мы были за обедней на «Ретвизане». Ты можешь себе вообразить, с какими чувствами мы молились. Тут было все здешнее русское общество, и жена [3] им объявила страшную весть. Право, трогательно было видеть общее участие. В тот же день узнал про это в Турине король [4] и просил давать ему ежедневно известие по телеграфу. Офицеры Ниццкого гарнизона хотели дать большой бал нашим офицерам по случаю закладки нашей церкви в Ницце. Все приготовления и приглашения были уже сделаны, но когда они узнали про болезнь Матушки, они в тот же деиь отказали бал. Общее это сочувствие было, право, трогательно. Слава Богу, что это невыносимое положение не долго продолжалось, и скоро начали приходить известия более успокоительные, так что я мог решиться предпринять мою французскую поездку, и наконец в Фонтенбло я получил от Тебя, любезнейший Саша, 7-го числа окончательное известие, что бесценная наша Матушка, хотя медленно, но решительно поправляется. Слава Богу, слава Богу, дай Бог, чтоб так продолжалось.

Теперь я хочу Тебе дать отчет об моей поездке сюда в Париж и, как всегда, буду писать хронологически. Для отправления из Ниццы я ожидал только прихода «Рюрика» и «Громобоя». Они оба прибыли благополучно, первый 30-го ноября, а второй — 2-го декабря, после ужасно бурного и трудного плавания, но в превосходном состоянии. Только на «Рюрике» волнение вышибло несколько досок в гальюне и в кожухе. «Громобой» же пришел в том же отличном виде, в каком вышел из Кронштадта два месяца тому назад. Состояние здоровья команд на них и вообще на всей эскадре превосходно. Ночью с 4-го числа на 5-ое мы снялись с якоря и имели самый чудный и спокойный переход в Тулон, куда прибыли в 11 часов утра. Я имел свой флаг на «Громобое» и жил в моей прелестной рубке, которую Ты знаешь. «Громобой» прекрасный фрегат, но не ходок. Под одними парами он больше 8 или 8½ узлов ходить не будет. Это последствие подражания английского взгляда на винтовое дело. Надеюсь, что суда, которые мы теперь строим, дадут другие результаты.

Прием в Тулоне был совершенно почетный, как подобает нашему Флагу, и притом в высшей степени дружественный и радушный, потому что я нашелся среди старых знакомых. Кроме того, Ты знаешь, что между русскими и французами

была всегда какая-то симпатия, которая даже не прекращалась среди войны, но она нигде так явственно не обозначается, как в сношениях наших флотов. Особенно этому помогло долгое пребывание «Палкана» под командою французского адмирала у Далматских берегов. Наши суда часто плавали и с англичанами, и с датчанами, и с голландцами, но с французами еще никогда, поэтому пребывание «Палкана» под командой адмирала Durien de la Gravière есть событие историческое. Так французы на это и смотрят, и Наполеон [5] дал поэтому Юшкову [6] орден Легиона. Весь этот день в Тулоне прошел в официальных приемах, представлениях и визитах, и заключился большим обедом у меня на «Громобое». На ночь я перешел на «Рюрик», на котором 6-го числа в 7 часов утра мы переправились в Марсель. Там точно так же официальные приемы и обед. Но в промежутке времени я успел съездить осмотреть колоссальные работы новых гаваней, перед которыми работы Шербурга и Плимута выходят детские игрушки. Генерал Заржецкий в прошлом году их изучил в подробности. Из Марселя мы отправились по железной дороге в 11 часов вечером, ехали всю ночь, и весь следующий день, пили кофе в Лионе, завтракали в Дижоне, а к обеду приехали в Фонтенбло, где остановились в Bellefontaine, имении князя Трубецкого, тестя Орленка [7], который нас угостил с настоящим русским хлебосольством. Тут встретил меня почтеннейший наш граф Павел Дмитриевич [8], который, я нахожу, после своей болезни очень постарел. Он объявил, что император желает, чтоб я приехал к нему просто во фраке, потому что если я буду в мундире, то он считает себя обязанным встретить меня, как в прошлом году, со всеми великокняжескими почестями, с войсками и эскортом. Мы так и решились сделать. Переночевавши в Bellefontaine, мы на другое утро (8-го числа) отправились на экстренной машине в Париж, во фраках, белых галстуках и лентах, и со станции железной дороги в карете после поехали в Тюильри. Император меня встретил внизу <u>в сенях</u> при выходе из кареты, также во фраке и ленте, и поцеловал меня три раза. Вообще во всем приеме его, вместо официальной церемонности, был отпечаток дружественности и доброго знакомства, как он был со мною в прошлом году под конец пребывания в Фонтенбло. Поговоривши со мною довольно долго в своих комнатах, он повел меня наверх к императрице [9], которая так же мила, как была прежде, и со мной удивительно обходительна. Вот тому доказательство. Жинка слыхала про особого рода костюм, который императрица носит за городом для прогулок, и видела образчик в Ницце у Кати [10]. Он очень красив, но я не в состоянии его описать — предоставляю это жинке. Она мне поручила заказать для нее такой костюм здесь в Париже. Вот я про это и рассказал императрице. Она, видимо, этому порадовалась и вызвалась сама показаться мне в нем на другой день. Действительно, вчера в 2 часа она меня приняла в этом платье, которое ей удивительно пристало, и тут же у меня потребовала мерку жены и объявила qu'elle soignera elle-même la commende du costume*! Не правда ли, как это мило! Из Тюильри я отправился с визитами к принцу Жерому [11], который ужасно постарел и осунулся, к принцу Наполеону [12], который был очень любезен, много говорил про Варшавское путешествие, об котором сохранил, как кажется, очень хорошую память [13], потом к принцессе Матильде [14], которую не застал дома. Перед обедом я успел еще сделать визиты некоторым нашим дамам, между прочим Елисавете Михайловне Бутурлиной [15], которую узнать нельзя, так она исхудала и ослабла. Обедал в Тюильри у императора, а вечером был в Гугенотах [16]. Вчера день прошел в приемах и визитах. Император был у меня в полдень и довольно долго со мной говорил. В 2 часа я был у императрицы, которая меня принимала в своем костюме и потом долго меня у себя держала и была удивительно мила. Вечером был большой обед у графа Киселева с разными здешними commitée [знаменитостями], которые все мне старые знакомые и все были в высшей степени любезны. После этого я был в одном из маленьких театров, называемом Les Souffes Parisiene. Оба вечера после театра я проводил у Орленка, с его милой женой. Сегодня я еще должен был принимать много разного народа, а в промежутках писал это письмо. В 8 часов вечера мы отправимся по чугунке обратно в Марсель. Вот рассказ нашего путешествия. Теперь мне остается дать отчет об разговорах с императором. Это очень трудно; передать самые разговоры решительно невозможно, потому что он беспрерывно перескакивает с одного предмета на другой и никакой общей нити не держит. Поэтому я постараюсь передать только сущность их. Сколько в состоянии ее рекапитулировать. Граф Киселев читал мне депеши свои об его разговорах в Компьене. Разговоры императора со мною имели совершенно тот же смысл [17], так что j'aurai pume référer aux dépêches de Kisseleff [я мог бы сослаться на депеши Киселева]. Остается к ним прибавить несколько замечательных отдельных мыслей и фраз. Так, например, одна из первых была следующая: Plus je pense aux temps dans lesquels nous vivons, et vers lesquels nous marchons, — plus je me prende à regretter la guerre que vous ai faite. Elle vous a fait bean coup de mal, et n'a pas fait trop de bien à la France*[18]. Эту мысль он уже и прежде иногда высказывал, но никогда еще не выражал ее, мне кажется, так сильно, как тут. Если я не ошибаюсь, его к этому побуждает то, что в Итальянской истории ему наш нейтралитет недостаточен, а нужна наша действительная помощь, наша война с Австрией в ту минуту, когда он с ней будет драться в Италии [19]. Между тем по разговорам Твоим с принцем Наполеоном в Варшаве он видит, что Ты войны не желаешь и в нее не вдашься. По крестьянскому вопросу (об котором он расспрашивал с большим интересом), по состоянию наших финансов он ясно видит, что война для нас не только не желательна, но была бы для нас почти несчастьем. Все это доказывает ему ясно, что ему придется или отложить борьбу до тех пор, пока Ты захочешь в ней принять действительное участие, или предпринять ее одному. Во всем этом виновата прошедшая война, и выходит, что он об ней сожалеет. Он на этот предмет возвращался очень часто и высказал даже мысль, что не будет ли полезна у нас война, для того чтобы дать другое направление народным страстям, будто бы возбужденным у нас крестьянским вопросом. Мне не трудно было его в этом разуверить. К Пруссии он имеет большое недоверие со времени перемены министерства, об котором он очень сожалеет [20]. Двуличность Австрии во всех возможных европейских вопросах со времени войны возбуждает его совершенное презрение и скажу даже ненависть. Англия крепко ему надоедает, et il est fatigué de cette alliance [и он устал от этого союза]. Это он высказывал мне совершенно ясно. Он все готовит в тиши, чтоб от нее отделаться, и потому дает такое огромное развитие своему флоту и с интересом следит за нашим. Поэтому ему очень приятно присутствие нашей эскадры в Средиземном море и история Вилла-Франки, которую я ему рассказал во всей подробности [21]. Но главным оружием в его мысли против Англии должна служить итальянская история. Мне кажется, что он в <u>первый раз</u> высказал весь этот обширный план, разумеется, с тем, чтоб он был передан Тебе, и потому я его изложу во всей подробности. Вот его рассуждения: Чем Англия страшна для Европы? Разумеется, не сама по себе, потому что у нее армии нет, одними флотами elle ne peut entamer le continent **. Поэтому она всегда пользуется соперничествами

* что она сама проследит за заказом этого костюма (*фр.*).

* Чем больше я размышляю о временах, в которые мы живем, и о будущем,— тем больше я начинаю сожалеть о войне, которую вел с вами. Она причинила вам много бед и не принесла ничего особенно хорошего Франции (*фр.*).

** она не может вторгнуться на континент (*фр.*).

континентальных держав и поддерживает ту, которую избрала а свое оружие, своими деньгами и, пожалуй, своей военной силой. Если отнять у нее эту возможность, то и власть Англии пропадет. Поэтому надо ей противуставить континент единый и нераздельный, в котором бы она не могла бы действовать, как доселе. Чтобы достичь этого единства континента, надо уничтожить силу Австрии, вымарать ее из списка первостепенных держав, дабы материк состоял: 1) из сильной России; 2) из сильной Франции по краям материка и 3) из полусильной Пруссии с слабой Немеччиной посредине, которую мы и вдвоем с Францией всегда можем заставить быть с нами заодно. Тогда, но только тогда Европа будет независима от Англии. Но для всего этого надо, во-первых, уничтожить la prépondérance de la maison d'Autriche [главенство Австрийского дома], двойною борьбою с нею Франции и России, в которой первая распространится на Юге в Италии, а Россия возвратит себе старое свое историческое достояние Галицию или старое Галичское княжество. Вот сущность его плана, об котором он сам говорит que c'est une grosse affaire [это огромное дело]. Мне кажется, что он его высказал в первый раз et qu'il commence à jeter son masque *. При этом он сказал, что цель Франции и России должна быть та же самая, а именно отделаться и освободиться от трактатов, которые их связывают. Для Франции это договоры 1814 и 1815 годов, для России Парижский договор 1856-го года [22]. Вот сущность наших трех длинных разговоров, которые передал, как мог. Он приказал Тебя заверить в тех же чувствах, которое выражал Тебе лично в Штутгарте.

Сегодня возвращаюсь через Марсель и Тулон в Ниццу, которую жена не терпит. Поэтому мы ее оставляем и отправляемся в Палермо, где я буду держать эскадру в постоянной деятельности.

Прощай, любезнейший Саша, обнимаю Тебя от всей души. Поцелуй нашу бесценную Мама.

Дай Бог ей лучше выдержать остаток зимы, чем начало. Прошу также обнять моих дорогих детей. Целую милую Твою Марию [23] и детей.

Твой верный брат

Константин.

Император Александр II — великому князю Константину Николаевичу

20 декабря 1858/1 января 1859. С.-Петербург

Искренно благодарю тебя, любезный Костя, за три интересные письма, на которые буду отвечать по порядку, но прежде всего рад, что могу успокоить тебя на счет здоровья нашей дорогой Матушки. Сильный катар, нас столь испугавший, благодаря Бога почти прошел, остался один кашель и большая еще слабость, натуральное последствие двухнедельной лихорадки. Теперь остается желать, чтобы она могла спокойно провести остаток зимы, избегая всего, что могло бы подвергнуть ее новой простуде, а там с ранней весной придется ей ехать за границу и провести, вероятно, будущую зиму где-нибудь в теплом климате. О последнем трудно еще определительно говорить, все будет зависеть от политических обстоятельств.

Теперь обращаюсь к твоим письмам. 1-ое из Штутгарта вручил мне почтеннейший наш Путятин [24]. С особым любопытством расспрашивал я его о всем, искренно благодарил его за оказанные им услуги. Присутствием здесь его и г[енерал]-м[айора] Корсакова [25] я воспользовался и собрал у себя Амурский комитет. В нем решили мы главные основания будущих действий наших относительно Китая и Японии, т. е. на счет острова Сахалин. Результаты главные заключаются в следующем: 1) с ранней весной отправится из Сибири особая комиссия для разграничения наших владений с Китаем. В этом отношении мысли Путятина совершенно совпадают с мыслями Муравьева [26], который уже с своей стороны приступил к всевозможным приготовлениям, 2) решено весною же отправить в Китай офицеров и оружие, т. е. артиллерию, морем, а ружья сухим путем, так как можно для этого воспользоваться зимним путем, а весною, если китайцы то предпочтут, то сплавить их по Амуру и потом доставить к ним морем же и 3) по дипломатической части дана особая инструкция Перовскому [27], которому приказано оставаться в Пекине впредь до назначения другого лица.

Рядом с этим решены другие важные вопросы в Сибирском комитете по административной части Приамурского края и почти совершенно согласно с представлениями Муравьева, за исключением подробностей на счет переселений из России, которые невозможно исполнить в том широком размере, как он того желает, в особенности по теперешним обстоятельствам [28].

На днях простился я с Путятиным, которого по твоему желанию отпустил к семейству во Францию. Надеюсь, что он и там будет для нас полезен. По словам его, он остался весьма доволен всем, что видел в Кронштадте.

Из 1-го письма твоего из Ниццы, я с удовольствием усмотрел, что вас везде принимали с истинным радушием. Разговоры твои с кор[олем] Сардинским и с Кавуром [29] весьма любопытны, и ты очень хорошо сделал, что был с ними осторожен в твоих ответах. Ясно видно, что Наполеон ничего от нас не скрывает, и потому надеюсь, что мой ответ на последние его предложения относительно трактата сделает его осторожным, доказав им, что если я не буду помогать австрийцам, то от нейтралитета до прямого участия в войне еще далеко.

Из разговоров твоих с Наполеоном мне кажется, что последствия эти уже заметны. План и желания его я хорошо понимаю, но привести их в действие без общей войны невозможно, и потому дай Бог, чтоб он их отложил до более удобного времени. Между тем я приказал Киселеву благодарить его моим именем за радушный прием, сделанный тебе, и рад, что ты со своей стороны остался весьма доволен. Могу тебе также с радостью передать о хорошем впечатлении, тобою везде произведенном. Спасибо тебе, что ты умеешь себя выказывать тем, чем я тебя знаю.

Здесь трудимся и работаем, но, к сожалению, многое еще не так идет, как я того желал, в особенности по губерн[ским] комитет[ам], из которых большая часть просто срамят себя. Несмотря, однако, на все дрязги, надеюсь с Божьей помощью, что дело пойдет на лад [30].

По литературной части, которая пагубным своим направлением сделала нам уже столько вреда, учредил я на днях особый высший комитет, наподобие Прусского bureau de presse [бюро печати], и вместе с тем, в самом непродолжительном времени, выйдет новый цензурный устав и, надеюсь, что одно другому будет помогать и даст вообще лучшее направление [31]. По финансовой части рассматриваются также несколько весьма важных проектов, которые тоже, надеюсь, будут иметь хорошие результаты [32].

Сегодня сделал общий смотр всем войскам при весьма благоприятной погоде, но в самом глубоком снегу, которого до последних дней почти совсем не было. Все части представились в превосходном виде и почти без всяких оттенок.

На счет городских увеселений пока еще ничего не было. Мы были раза два на морганатичных вечерах у Ел[ены] Пав[ловны] [33] и довольно часто посещаем театры, а я, с своей стороны, езжу, когда могу, на охоту, чтобы освежиться от сидячей жизни.

Дети твои здоровы и милы. Оля [34] делает всякий день гимнастику с нашей Мари [35]. Вот покуда и все. Поздравляю вас вперед с Новым годом. Дай Бог, чтобы он для нас всех прошел мирно и спокойно. Обнимаю вас с милым Николой [36] от всего сердца.

Твой брат и друг

А.

P. S. Говоря об Амурском ком[итете], я забыл упомянуть об острове Сахалине, на счет которого мысли Путятина не сходятся с Муравьевым. Я, однако, предоставил сему последнему, как ближайшему соседу, действовать по его усмотрению, не вдаваясь, разумеется, в военные предприятия против Японии. При его разумной деятельности, надеюсь, что мы достигнем того, чего желаем, т. е. если не приобретения всего острова, то, по крайней мере, северо-западной его части, где находятся главные угольные копи, столь для нас полезные [37].

* и что он начинает снимать маску со своего лица (*фр.*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вдовствующая императрица Александра Федоровна (1798—1860), с 1817 года супруга великого князя Николая Павловича (с 1825 года — император Николай I).
2. 18 февраля (2 марта) 1855 года умер император Николай I.
3. Александра Иосифовна (1830—1911) — великая княгиня, с 1848 года супруга великого князя Константина Николаевича.
4. Виктор Эммануил (1820—1878), с 1849 года король Сардинский, с 1861 года — король Итальянский.
5. Наполеон III (1808—1873) — император Франции (1852—1870).
6. Юшков Федор Осипович (р. 1819) — капитан 2 ранга, впоследствии контр-адмирал, в 1858 году награжден орденом Почетного легиона.
7. Орлов Николай Алексеевич (1827—1885) — князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, дипломат; друг юности в. к. Константина Николаевича.
8. Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, видный государственный деятель; в 1856—1862 посол России во Франции.
9. Евгения-Мария Монтихо (1826—1920) — испанская графиня Теба, с 1853 года супруга Наполеона III.
10. Екатерина Михайловна (1827—1894) — великая княгиня, дочь брата Николая I в. к. Михаила Павловича, в замужестве герцогиня Мекленбург-Стрелицкая.
11. Жером Бонапарт (1784—1860) — младший брат Наполеона I.
12. Наполеон (Жозеф-Шарль-Поль) Бонапарт (1822—1891) — принц, сын Жерома Бонапарта.
13. Имеется в виду конфиденциальная встреча Александра II с принцем Наполеоном в Варшаве в 1858 году, на которой русский император обещал дружеский нейтралитет и дипломатическую помощь в подготовке разгрома Австрии.
14. Матильда (Летиция-Вильгельмина) (р. 1820) — дочь Жерома Бонапарта. С 1841 по 1845 год была супругой Анатолия Демидова-сан-Донато. Ее дом был одним из литературных центров в Париже.
15. Бутурлина Елизавета Михайловна — гофмейстрина при дворе великой княгини Александры Иосифовны.
16. Опера Джакомо Мейербера «Гугеноты».
17. В ноябре 1858 года граф Киселев вел переговоры в Компьене с французским министром иностранных дел графом В.-А. Валевским о судоходстве по Дунаю и спорных статьях конвенции 7 (19) августа 1858 года о Дунайских княжествах.
18. Речь идет о Крымской войне 1853—1856 годов.
19. Речь идет о назревавшем конфликте между Сардинией и Францией, с одной стороны, и Австрией, с другой, разрешившемся австро-франко-итальянской войной 1859 года.
20. 7 октября 1858 года наследный принц Прусский Вильгельм был назначен регентом, на смену министерства Мантейфеля пришло новое во главе с принцем Карлом-Антоном Гогенцоллерн-Зигмарингенским.
21. В итальянском городке Виллафранка правительство Сардинии предоставило России участок земли для устройства базы русского флота. Сардиния и Франция были заинтересованы в антиавстрийской позиции России и приветствовали пребывание русских кораблей в Средиземном море.
22. Имеются в виду договор, подписанный на Венском конгрессе (сентябрь 1814 — июнь 1815), завершивший войны с наполеоновской Францией, и Парижский трактат 1856 года.
23. Мария Александровна (1824—1880) — императрица, супруга Александра II.
24. Путятин Ефим Васильевич (1803—1883) — граф, вице-адмирал, дипломат; принимал участие в дипломатических переговорах России с Японией и Китаем по пограничным и торговым вопросам.
25. Корсаков Михаил Семенович (1826—1871) — генерал-майор.
26. Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809—1881) — граф, генерал-адъютант, крупный государственный деятель; в 1847—1861 генерал-губернатор Восточной Сибири. Занимаясь разграничением территории между Россией и Китаем, Муравьев не исключал возможности военных действий.
27. Перовский Петр Николаевич — дипломат, пристав Российской духовной миссии в Китае; вел переговоры с китайским правительством по пограничным вопросам.
28. В 1858—1859 годах в отношениях между Россией и Китаем продолжал оставаться пограничный вопрос. Необходимость заселения Амурского края оседлым населением и военной охраны привела к решению о расселении по побережью Амура казаков. Одновременно рассматривался вопрос о заселении Уссури.
29. Кавур Камилло Бенсо (1810—1861) — граф, итальянский государственный деятель, первый министр Сардинского королевства; выступал за создание независимого Итальянского королевства.
30. Речь идет о мероприятиях по подготовке крестьянской реформы. Созданные на основании рескриптов Александра II, губернские комитеты принялись за составление проектов реформы для своих губерний. Большинство членов этих комитетов — явные или скрытые крепостники,— смирясь с неизбежностью отмены крепостного права, отстаивали вариант безземельного освобождения крестьян. Александр II и великий князь Константин Николаевич были решительными противниками безземельного освобождения крестьян.
31. В решении Совета Министров, утвержденном Александром II 11 декабря 1858 года, указывалось, что «современное состояние умов», особенно у молодого поколения, и распространение «ошибочных и несбыточных теорий» требуют принятия необходимых мер «к более правильному и сообразному с видами правительства направлению нашей литературы». В конце 1858 года был создан комитет по делам книгопечатания, в начале 1859 года опубликованы постановления о литераторах, издателях и типографах.
32. В конце 50-х годов Россия переживала тяжелейший финансовый кризис: 800 миллионов рублей дефицита, инфляция, отсутствие кредита на иностранных рынках. Для выхода из кризиса предполагалось изыскивать ресурсы внутри страны. Обсуждался вопрос «О новых займах за границей», но был отклонен.
33. Елена Павловна (1806—1873) — великая княгиня, вдова великого князя Михаила Павловича; покровительствовала русским художникам, писателям, музыкантам, содействовала проведению либеральных реформ.
34. Ольга Константиновна (1851—1926) — дочь в. к. Константина Николаевича, с 1867 года супруга греческого короля Георга I.
35. Мария Александровна (1853—1920) — великая княгиня, дочь Александра II, с 1874 года супруга герцога Эдинбургского Альфреда-Эрнеста-Альберта.
36. Николай Константинович (1850—1918) — великий князь, старший сын великого князя Константина Николаевича.
37. В 1853 году капитан Римский-Корсаков открыл на западном берегу о. Сахалин каменный уголь, в заливе Анны был основан первый русский пост «Муравьевский». В 1858 году для поддержания прав России на южную часть острова были основаны посты Кусуннай и Мануэ. Н. Н. Муравьеву-Амурскому поручили установить границы с Японией «в стороне Сахалина». Как писал Муравьев, «...я сам вызвался на это дело потому в особенности, чтобы оно кончилось без промедления, покуда англичане не водворились в Японии и не вздумали еще захватить уголок на Сахалине...» (Барсуков И. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Кн. 1. С. 548).

Публикацию подготовили

Л. ЗАХАРОВА, Л. ТЮТЮННИК

«ИОСИФ БЕСКОНЕЧНО ДОБР...»

ДНЕВНИК М. А. СВАНИДЗЕ, РОДСТВЕННИЦЫ И. В. СТАЛИНА 1933 — 1937 гг.

В бывшем Архиве Политбюро ЦК КПСС сохранился дневник Марии Анисимовны Сванидзе, родственницы И. В. Сталина (ф. 44, оп. 1, д. 1). Муж Марии Анисимовны — Александр Семенович Сванидзе был братом первой жены И. В. Сталина Екатерины Сванидзе.

Дневник Марии Анисимовны Сванидзе представляет собой несколько разноформатных тетрадей, записных книжек, блокнотов, отдельных листов, заполненных описаниями обычных семейных событий, личных переживаний. Записи начинаются с 1922 года, со времени перевода А. С. Сванидзе на работу в Москву. Здесь Мария Анисимовна подружилась с Н. С. Аллилуевой, о чем свидетельствуют записи в дневнике более позднего времени и письмо Н. С. Аллилуевой к ней от 11 января 1926 года.
После возвращения из-за границы в 1933 году на протяжении ряда лет М. А. Сванидзе имела возможность наблюдать домашнюю жизнь и семью И. В. Сталина на даче в Зубалове и кремлевской квартире, быть свидетельницей его реакции на смерть С. М. Кирова, отношения И. В. Сталина к памяти Н. С. Аллилуевой, наблюдать его взаимоотношения с детьми Яковом, Василием и Светланой.
В журнале публикуются только те фрагменты дневника, где речь идет об И. В. Сталине, его семье и окружении. Опускается же тот текст, где автор описывает свои личные, семейные дела и события.
При публикации сохранены все особенности стиля и орфографии автора, некоторые сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Печатается в сокращении. Полный текст читайте в приложении к «Родине» — журнале «Источник» № 1, 1993.

*26/IX**

20-го приехал Алеша**. Пока идет все ничего, но легко сходим с рельс. Навез массу китайских подарков. Квартира сразу украсилась красивыми вещами, ласкающими взгляд и успокаивающими душу. Определенно красивая ткань, шелк, гармоничное сочетание красок, линий и звуков дает радость и успокоение.

Очевидно стремление к красоте и изяществу есть органическая потребность человеческой натуры и только неудовлетворительные социальные условия жизни лишают человека всего прекрасного.

22-го я предложила Алеше пойти к И.***, т. к. уверена, что он бы обиделся невниманию, если б мы не навестили его тот час же по приезде.

Отнесли ребятам подарки. Я пришла немного позже, все были уже в столовой: И., Каганович, Молотов, Жданов, Алеша и ребята. Я вошла и И. спросил меня: «ну что, получили посылки?» Я сразу не поняла — он указал трубкой на Ал., «да, да, наконец-то» — ответила я. Обедали шумно. Светлана написала приказ: «приказываю, разрешить мне пойти с тобою в театр или в кино» и подписалась — «хозяйка Сетанка». Адрес — «1-ому моему секретарю тов. Сталину». Подала Иосифу и он сказал: «что же подчиняюсь». У них идет уже год игра.

Светлана хозяйка и у нее секретари. 1-ый секретарь — папа, потом идут Каганович, Молотов, Орджоникидзе, Киров и нек[оторые] другие. С Кировым у нее большая дружба (потому что И. с ним очень хорош и близок). Светлана пишет приказы, И. подписывается и их кнопками вешают на стенку в столовой около телефонов. Формулировка всегда вроде вышеприведенной. И при мне не было случая, чтоб папа отказал дочери. Он нежно и тепло любит ее и она также. Вася тоже последние полгода все время с отцом. Но внутренне он не заботится быть отцу приятным, т. к. учится не важно и ведет себя в школе на «удовлетворительно». Приходится всем окружающим скрывать от отца все Васины проделки. При отце он тихий и дисциплинированный мальчик. Были в Малом театре всей компанией и с ребятами (...«На чужом пиру похмелье»). Вначале И. скучал (II акт — была слабая квартирная хозяйка, к сожалению, не Рыжова). А потом остался спектаклем доволен и много смеялся. В антрактах живо обсуждали игру, типаж, оформление. Я урывками заходила со Светл[аной] во внутреннюю комнату, где мужчины пили чай и ели фрукты. Вася приносил нам в ложу мандарины. Там была еще Екатерина Давид[овна] Ворошилова[1] с племян[ницей] Трудой и Таней Фрунзе. После спектакля Молотов подвез нас в Кремль и тут же не заходя в квартиру И. пригласил нас за город (на ближнюю дачу). Там он расспрашивал Алешу о поездке, интересовался климатом, дорогой. Я спросила его, был ли он когда-либо на востоке — «Нет, я даже не был в Закаспийском и Туркестанском краю никогда». За ужином он немного нервничал на обслуживание, спросил, кто прислал «снетки» — девушка справилась в кухне и доложила, что от Кирова[2] снетки и сиги. Ужин был скромнее чем всегда и не особенно уютный. Он был как-то озабочен. Шутя пожаловался, что я на него кричала по поводу отсутствия Алеши: «как же кричала на меня, да еще на другой день извинялась через других» (это я Васю просила извиниться, что разнервничалась). В общем мне было все же и стыдно и приятно, что у нас отношения простые, дружеские. После ужина (2 ч.) он спросил, будем ли мы ночевать у него или поедем, и когда мы склонились к отъезду, он велел подать машину. Мы уехали в $2^1/_2$ ч., оставив его одного в колоссальном доме. Всегда болит душа при мысли об его одиночестве.

Ал. привез ему шкуру тигра. Он встретил это известие без энтузиазма. «Я отдал тебе медведя, а второго отдал Васе, потому что не люблю зверей в комнате, все же они пахнут. Возьми себе тигра тоже». Алеша стал возражать и спросил как его выделать ковром или чучелом. — «Ну, чучела это игрушка для детей, уж лучше ковер на пол. А где ты его взял, купил что ли?» Да, Ал. его купил, думая доставить И. удовольствие. Также Ал. спросил разрешение прислать подарки от Синдзянского правительства — Шена и др. На другой день комендант забрал их. Я была на днях, но не заходила в столовую и кабинет, где их расставили. Вероятно он их отдаст Светлане в комнату. У него очень в комнатах по-спартански. Книги и несколько портретов, мебель простая, самая необходимая. Единственный комфорт — это диваны, их всегда у него по несколько в каждой комнате, разных форм, а иногда и цветов.

Дописываю это 2-го декабря, т. к. тот раз вернулся Ал. и я быстро спрятала тетрадь.

С 28-го на 29-ое вижу сон. Где-то мы в гостях. Большая комната, огромный стол накрыт белой скатертью, в беспорядке стоят несколько бутылок и стаканов. Комната огромная, а народу не много, не помню кто. Вдруг входит И. Я удивлена, что он пришел запросто, как я мыслю в дом, где он не бывает, не по рангу. Он грустный, грустный, почему-то обросший черной бородой заостренной, он к кому-то подходит, кто ниже его ростом, обнимает и кладет голову на плечо, а лицо грустное, грустное. Я смотрю и думаю, что-то случилось тяжелое, потрясающее, какие-то великие переживания у И. в душе, оттого он пришел сюда, оттого обнял товарища. Сердце у меня защемило и щемило три дня. Я все жаловалась «плохой видела сон, болит сердце» и вчера жаловалась няне Светланиной, что-то два раза видела «хозяина» и щемит сердце. А она говорит: «как бы не заболел».

Приезжаю вчера с дачи в 9 ч. и узнаю потрясающую новость — у нас горе, у всех огромное горе, а для И. особенно. Убит злодеем С. М. Киров, этот совершенно обаятельный человек, любимый всеми и пользовавшийся дружбой и любовью И. Этот удар потряс меня. Какое неслыханное злодеяние. Какой удар по партии, какая тяжелая потеря для всех нас знавших так близко Сергея Мироновича. И. сильный человек, он геройски перенес всю боль и тяжесть утраты Надюши, но это такие большие испытания за короткое время.

А другая сторона случившегося — террористический акт сам по себе страшен, как явление, охватившее сейчас всю Европу. Это белый фашистский террор, который страшен своей слепой ненавистью, могущий так жестоко обрушиваться на лучших людей, как это имело место сейчас.

12-го ноября я в последний раз пожала руку Сергея Мироновича, когда мы были у хозяина и смотрели кукольный театр. Когда я нервничала по поводу Алеши и говорила с И., он стоял в пальто и фуражке и так по своему выпятив губы, умно и серьезно смотрел на всю сцену своими глубоко сидящими монгольскими глазками.

Когда они уехали, я мучалась, что он думал обо мне и моей несдержанности?

Сегодня газета полна некрологами и воспоминаниями о Серг[ее] Мир[оновиче]. Я не читала ничего. Душа моя полна печали. Я б хотела быть сейчас у Иос[ифа] и говорить и слушать все теплое проникновенное о безвременно погибшем выдающемся человеке и работнике, организаторе и ораторе. Меня покоряла его простота, прямота и ум, несомненно крупный. Зина[3] поехала в Ленинград подготовить жену Кирова к это-

* Так в тексте. Правильно: 26 ноября 1934 г. — *Ред.*
** Алеша — муж М. А. Сванидзе. — *Ред.*
*** Здесь и далее имеется в виду Сталин. — *Ред.*

му удару, т. к. он[а] лежит в больнице и все произошло в ее отсутствие. Серго от первого потрясения потерял голос — они были много лет с Миронычем связаны работой (Кавказ).

9 ч. вечера 2/XII. Ах, как больно и тяжело терять людей, с которыми связана невидимыми, но ощутительными нитями.

13/XII [1934 г.]
Должна описать похороны, вернее последнее прощание с С. М. Кировым, на котором присутствовали мы с Ал.

5/XII.
У нас были особые билеты в Колонный зал, где лежал прах Кирова, доступный для посещения всем. В 10 ч. вечера 5-го вход был закрыт и можно было пройти только по разрешению похоронной комиссии (подпись начальника охраны Паукера). Начиная с угла Тверской улица была закрыта кордоном, стояли поперек грузовики и стояли группами красноармейцы с командирами (вер[нее] ЦИКовская школа и работники ГПУ). Мы прошли сквозь кордон не без препятствий, несмотря на наличие билетов, одни говорили, что билеты до 10-ти, а один из начальников распорядился нас пропустить. Сначала мы вошли в маленький специальный вход, но там нам не разрешили подняться, а направили в главный вход, где еще попарно поднимались последние посетители и делегации. Молчаливо тянулась вверх лестницы живая лента, обходила гроб и уходила в другой выход на Дмитровку. Мы вошли в комнату, обычно в дни концертов — артистическую. Здесь строился почетный караул и толпились люди с билетами, могущие остаться после 10-ти для последнего прощания перед кремацией. Жена, сестры и близкие товарищи — женщины по преимуществу сидели около гроба. Реденс[4] распорядился провести нас (Аллилуевых и меня с Алеш.) к группе близких, и мы вышли в зал. Еще двигались последние пары и уходили, каждые 3 м[инуты] сменялся почетный караул, т. к. еще до 11 ч. оставалось много желающих отдать последний долг. Зал сиял огнями и обильно был украшен тяжелыми плюшевыми знаменами, доходящими до потолка, красными с черным (зал двухсветный). Посреди зала, головой к левому променаду и ложам, если смотреть с эстрады, стоял гроб, простой красный кумачевый гроб, с рюшками, в ногах лежало покрывало из красного плюша. Лицо было зеленовато-желтое, с заострившимся носом, плотно сжатыми губами, с глубокими складками на лбу и щеках, углы губ страдальчески серьезно опущены. У левого виска и скуле синее пятно от падения. Кругом гроба много венков, красные ленты переплетены с подписями от всех организаций и товарищей. С правой стороны гроба на стульях сидит несчастная жена, ее две сестры и 2 сестры пок[ойного] Кирова. Они не видели брата и потеряли его из виду с 21 года. Его и их фамилия Костриковы и т. к. они росли врозь (тут же была старушка, воспитавшая его) и переехали из родного села вглубь Пермской бывш. губ. (они сельские учительницы) и живя в глуши, не знали, что их брат такой большой человек. Увидав в газетах его портрет, они списались с братом. А увидали его уже мертвым, т. к. не выбрались раньше приехать навестить его. Мария Львовна Кирова была последнее время очень больна (у нее было кровоизлияние и частичная потеря речи), а тут нагрянуло такое большое горе, т[ак] что она совсем сейчас инвалид, заговаривается, мало плачет.

Тут же сидели Мар[ия] Ильинишна, сестра Ленина, Надежда Константиновна, Екат[ерина] Давид[овна] Ворошилова, Нюра Реденс[5], Зина Орджоникидзе, брат Ленина[6], Мар[ия] Плат[оновна] Орахелашвили[7] и к этой группе присоединились мы.

Кругом стояли прожектора для киносъемок. Толпились фотографы с «лейками», охрана, на эстраде все время играл оркестр Большого театра под управлением Штейнберга[8]. Пол был зашарканный, серый, пыльный, одуряюще по-похоронному пахло смешанными цветами, землей и вечной зеленью. Несмотря на полное освещение, казалось сквозь слезы, что темно, мрачно и болезненно неуютно (мой сон — я где-то в большой комнате, беспорядок, люди не знаю ясно кто...). С одиннадцати часов все в напряжении, ежеминутно смотрят в ту сторону, откуда должны появиться орлы — наши вожди.

Доступ публике закрыт с 10 ч. В зале ограниченный круг лиц. Все одевают шубы (мы тоже пошли и быстро оделись), ждут напряженно. Музыка делает несколько раз длительные паузы между исполняемыми вещами. Слышно только шарканье шагов охраны и шаги приводимых и уводимых почетных караулов... Мы все напряжены, с опаской оглядываемся кругом. Все ли свои, все ли проверены. Только бы все благополучно. Наконец шаги группы орлов, твердые и решительные. Со стороны головы покойного Кирова (все входили с противоположной) появляется И., окруженный Ворошиловым, Молотовым, Орджоникидзе, Кагановичем, Ждановым, Микояном, Постышевым, Петровским[9] и др. С другой стороны стоят уже Корк[10], Егоров[11] и еще несколько членов Р[ев]В[оен]Сов[ета] становятся в почетный последний караул по 2-ое. Иосиф у головы и уже не помню, как остальные. Играет музыка похоронный марш Шопена, шипят рефлекторы, щелкают аппараты, вертится киноаппарат. Все это длится несколько минут, но кажется тревожной вечностью.

Тухнут прожектора, смолкает музыка, уже стоят наготове с тяжами красными и винтами для крышки гроба охрана, уже наготове взять венки и быстро закончить последнюю церемонию.

На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мертвого Серг[ея] Мир[оновича]. — Картина раздирает душу, зная, как они были близки, и весь зал рыдает, я слышу сквозь собственные всхлипывания, всхлипывания мужчин. Также тепло заплакав, прощается Серго — его близкий соратник, потом поднимается весь бледный — меловой Молотов, смешно вскарабкивается толстенький Жданов, наклоняется, но не целует Каганович и с другой стороны расставив руки, опираясь на гроб, наклоняется А. И. Микоян. Прощание окончено. Несколько секунд заминка, не знают, пойдут ли близкие женщины, но Марии Львовне делается дурно, ее обступают врачи, льют капли, все заняты ею — Вожди ушли. Гроб завинчивают крышкой, выносят венки и все наготове двинуться за гробом.

Мы выходим с беременной Нюрой маленьким ходом и несколько минут ждем у дверей процессии с гробом. Гроб ставят на грузовую машину, убранную красным и зеленью, укладывают венки и она быстро уносится по Охотному и Моховой, сопровождаемая автомобилями, к Крематорию. Церемония окончена, кордоны сняты, все разъезжаются. К утру от Сергея Мироновича Кирова останется горсточка пепла, а в душах всего народа светлая память о нем, его делах и мстительная ненависть к врагам.

Мы в Крематорий не поехали, а пошли в Кремль к Екатерине Давидовне Ворошиловой. Никому не хотелось быть одним, слишком были грустны мысли, и тревожно на душе. Говорили о С. М. Кирове, рассматривали Синдзянские подарки — вазы и вышивки, которые привез Ал. Ворошиловым и убедились, что наши лучше. Поужинали и во втором часу вышли от Ворошил[овых]. Как раз в это время вышла группа людей от Молотова, кругом суетилась охрана, машины, все пошли по направлению дома «хозяина».

Около квартиры Орджоникидзе нас ждал «линкольн» Реденса, и мы с Нюрой поехали домой. Она завезла нас. Женя и Павл[уша] ездили с Крестинским[12] в Крематорий, и когда мы вернулись, были уже дома. Там церемоний не было. Гроб быстро опустили под пол.

На другое утро, т. к. у нас не было билетов на Красную площадь, мы уехали в 11 ч. за город и там по радио принимали всю церемонию похорон. 6-го были похороны, а 7-го в особняке Наркоминдела Розенгольц[13] (Нарком Внешторг.) устроил вечер и наша знать отплясывала до утра в честь Моршандо (министр торговли Франции), так неудачно навестивший Союз, в такие траурные дни. И наши подхалимы не сумели показать своего я, выявить настоящую сов[етскую] физиономию, сильную и независимую, и прилично выдержать траур, а расплясались. Неужели это сделано с согласия и благословения ПБ и ЦК. Неслыханное дело. Неужели мы такая великая страна, так трагично потерявшая своего героя, не можем оплакивать его даже в присутствии своих гостей из Франции. Жаль, что неудобно было заговорить об этом с Иосифом 9-го, когда мы были у него.

8-го мы были на чае, устроенном в честь франц[узских] гостей Наркоминделом. Я была в зеленом костюме. Было человек 200, т[ак] что мы могли незаметно укрыться от иностранцев, и в своей компании (советской) посидеть и поговорить. За столом с нами были С. М. Буденный, Геккер, Марьясин, Длояцкий, Барышнив*[14]. Мы с Левой Марьяс[иным] много говорили о Кирове тепло и сердечно. Попили вкусно чай с сандвичами, petit four'ами** и в 7 ч. разошлись.

В тот же день Франц[узское] посольство дало suppe***, но без всяких танцев — они были более тактичны, чем наши министры.

9-го вечером пошли в Кремль — я, Ал. и Женя Аллил[уева]. Понесли Светлане игрушки, чтоб утешить ее в ее горе (она тоже любила Кирова — он был в списке ее секретарей. Теперь и Алеша в этом списке). Около ЦК встретили всю плеяду вождей — Молотова, Серго, Кагановича, Жданова. Они шли с заседания, все остановились, пожали нам руки. Потом встретили Власика[15] (личн. комендант Иосифа) и это нам дало надежду, что И. дома. Застали его только что севшим за свой скромный обед. Дети были в коридоре и спешили к отцу. Мы разделись. Светлана так спешила, что не посмотрела даже толком игрушек.

Нюра была уже там. Мы все пошли в столовую.

И. был, как всегда, мил. Он осунулся, побледнел, в глазах его скрытое страданье. Он улыбается, смеется, шутит, но все равно у меня ныло сердце смотреть на него. Он очень страдает. Павлуша Аллил[уев] был у него за городом в первые дни после смерти Кирова — и они сидели вдвоем с Иос[ифом] в столовой. Иосиф подпер голову рукой (никогда я его не видела в такой позе) и сказал: «осиротел я совсем». Павлуша говорит, что это было так трогательно, что он кинулся его целовать.

Как ужасно быть свидетелем минутной слабости такого большого человека — настоящего непобедимого орла. Иосиф говорил Павлуше, что Киров ухаживал за ним как за ребенком. Конечно, после Надиной трагической смерти это был самый близкий человек, который сумел подойти к И. сердечно, просто и дать ему недостающее тепло и уют. Мы все как-то всегда стесняемся лишний раз зайти, поговорить, посмот-

* Эти фамилии (кроме Буденного) были зачеркнуты и на полях неустановленным автором написано: «Сволочи под крестом». — *Ред.*
** petit four (фр.) — печенье, маленькие бутерброды. — *Ред.*
*** soupe — имеется в виду ужин. — *Ред.*

реть на него. Я лично не стесняюсь, я настолько люблю Иосифа и привязана к нему, в особенности после Надиной смерти, чувствуя его одиночество, что я бы часто ходила к нему, но Алеша как-то относится к этому подозрительно, вносит в это элемент и как будто ревности и боязни быть навязчивыми. Он говорит, что И. не любит, когда к нему ходят женщины, но ведь я не женщина для него, перед которой он должен выдерживать светский этикет, я близкая подруга его покойной жены, я друг его семьи, я люблю его детей настоящей любовью близкого к дому человека и я привязана к нему, не говоря о респекте и уважении перед ним как перед большим человеком, с которым мне посчастливилось быть так близко знакомой. Думаю, что Алеша запугивает зря меня и сам напрасно держится в отдалении, ждет официальных приглашений и проч. Побольше простоты, официальности Иос[иф] имеет достаточно.

. Был там Буду Мдивани[16]. Он шутил, смеялся, но все же вел себя тише, чем он имеет обыкновение.

Мы сидели все за столом, понемногу все ели, каждый выбирал себе что-либо по вкусу. Иос[ифу] показалось, что еды мало, он вызвал Каролину Васильевну и говорит: «нельзя ли еще чего-либо, гости жалуются, что есть нечего». Все смеялись, на столе была еда, но через 15 м[инут] принесли бифштексы из вырезки. Съел кусочек только Иосиф. Мы все уже ели фрукты. Он как всегда угощал нас крымским шампанским. Сломали за столом две рюмки боккара. Встали из-за стола около 10 ч. Дети Буду и Ал. поехали с Иосифом на ближнюю дачу и там все ночевали, а мы (три дамы) пошли к Орджоникидзе. У Серго было заседание директоров. Зина нервничала, носилась с чаем. Мария Львовна не выходила из своей комнаты. Ее сестры были тут же, Мар[ия] Плат[оновна] Орахелашвили, сестры Кирова и его воспитательница уехали накануне. Вся эта компания жила все дни у Зины. Марию Львовну думают забрать в Москву. Она полный инвалид. Ее сестры живут здесь.

23/XII [1934 г.]

Двадцать первого отпраздновали день рождения хозяина. Собрались на его «ближней даче» к 9-ти часам. Были все близкие, т. е. люди, с которыми он не только работает, но и встречается запросто (Молотовы—2, Ворошилов—1, Орджоникидзе, Андреевы—2, Чубари—2, Мануильский, Енукидзе, Микоян—1, Берия, Лакоба, Поскребышев, Калинин[17] и родня — Сванидзе—3, Реденсы, Аллилуевы), были до $10\frac{1}{2}$ ч. Светлана, Вася и Томик Артема* сын, потом они уехали.

Собрались все и сели к столу, вдруг хозяину показалось, что будет тесно, все вскочили, стали передвигать столы, принесли другой приставной стол, все переставили и прибавили несколько приборов.

* А. А. Микоян. — *Ред.*

Запоздали Лакоба, Берия, Сашико и позже пригласили по просьбе Нюры Элиав. И. сделал это явно неохотно. Они приехали к середине ужина. Тамадой были избраны Анастас Микоян и для другой половины Серго.

Тосты были трафаретные. Я приготовила поздравление в стихотворной форме, но посоветовалась с Алешей, он стихотворение одобрил, но читать его за столом не позволил. Я очень сожалею в сотый раз в жизни, что послушалась его. Надо было его переписать на машинке, отдать тамаде и он бы заставил кого-либо прочесть. Успех бы оно имело и потешило бы публику. Алеша всю жизнь затыкает меня в темный угол, боясь, чтоб я не поднялась как-нибудь.

Ужинали до 1 ч. ночи, потом шумели, хозяин вытащил граммофон, пластинки, стал его сам заводить и ставил пластинки по своему вкусу (как всегда). Мы танцевали, причем он заставлял мужчин брать дам и кружиться. Потом кавказцы пели песни унылые, многоголосные — хозяин запевал высоким тенорком.

Я допишу потом — у меня сейчас будет урок пения.

Дописываю 28-го (декабрь 34 г.).

В тот вечер (21-го) была масса штрихов и деталей, о которых хочется писать. И. был в благодушном настроении, но не такой веселый, каким я привыкла его видеть в тесном кругу, когда только мы, Аллил[уевы] и Нюра. Во время тостов Серго встал и поднял бокал за Кирова «какой-то мерзавец убил его, отнял у нас...» Слезы показались у всех и на минутку воцарилась тишина. Сейчас же зашумели «что-то не слышно тамады» и вновь пошли тосты. Спустя некоторое время, выпили тост за Андрееву[18] — она училась в Академии с Надей. Иосиф встал и сказал: «раз заговорили об академии, разрешите выпить за Надю». Я пишу, а у меня опять полные глаза слез, как в тот момент. Все встали и молча подходили с бокалами к И. Нюра и я подошли и поцеловали И. в щеку. У него было лицо полное страдания. Минута была тяжелая. Опять отогнали настроение и зашумели.

Когда дошел тост до Сашико (сестра Алеши), он встал, подошел к ней и сказал: «Вы ее не знаете, а я знаю хорошо. В подпольное время ради сестры, — я был первый раз женат на грузинке, ее сестре, она помогала нам. Характер у нее строптивый, но она добрая женщина». И потом она весь вечер ходила за ним и когда мы снимались группой, он сидел с нею, обняв ее за плечо. Она осталась ночевать и вообще живет уже дней 10 у него на даче. Он в шутку несколько раз повторял — «она все попрекает, что кормила и поила меня, так вот пусть ест сколько влезет у меня».

После двух тяжелых потерь И. очень изменился. Стал мягче, добрее, человечней. До Надиной смерти он был неприступный, мраморный герой, а

теперь в особенности он потрясает своими поступками, я бы сказала, даже слишком обывательски человеческими.

Ну, что такое таять перед этой мещанкой, которая льнет к нему и хочет всячески втереться в его дом, чтоб в Тифлисе жить и благоденствовать на проценты с этого — ведь не действительные же чувства к И. толкают на ее поведение. Если б он не был так велик — она бы не добивалась к нему, да и было время, когда он был в ссылке до революции, не очень-то она пеклась о нем. Неужели он этого не видит насквозь или ее сестрица, которая ругала его и покойную Надюшу, тоже лезет к нему в дом. Как это все не вяжется с его прошлогодними настроениями, когда он так остроумно и метко высмеивал стяжание Марико и Сашико и даже своего старшего сына. Когда год тому назад я заговорила о том, что Яшу надо изъять из той среды, где он находится и протянуть ему руку помощи, что он жертва окружающих (его тетушка и пр.), он на меня довольно резко напал и сказал: «Извините. Вы говорите чепуху — его ничто не спасет и стремится он ко мне, потому что это выгодно». И даже сострил насчет семьи Орахелашвили, которые усиленно хлопотали вокруг Яши, чтоб его женить на Кетусе. Кетусе надоело ждать Яшиного предложения, отец не пускал его после Надиной смерти к себе, и она вышла замуж за дирижера оперы Микеладзе. И. сострил так: «Да что Вы, если Яша будет жить у меня, то не только Кетуся разведется с мужем, но и ее мать (Мария Платоновна Орахелашвили)». Мы много хохотали и на этом поставили точку, предоставив все времени. И вот теперь через 2 года с чем-то, по настоянию Сашико он принял у себя (в Зубалове) Яшу, Марико и Резо (сын Сашико).

Мы тоже были приглашены в эти родственные объятия, но я просто чудом избегла этого «фестиваля 23-го декабря». Постепенно, конечно, эти настроения И. расшифруются, думаю, что они связаны с тяжелыми переживаниями — потеря Нади, Кирова, чувство надвигающейся старости и невозможность в такие годы сближения с новыми людьми.

К сожалению празднование 55 лет омрачилось болезнью Светланочки. 22-го ночью она почувствовала острую боль в горле и 25 констатировали скарлатину. Мы пережили несколько тревожных дней, пока держалась очень высокая температура. Вчера она начала падать. Обидно и больно, что мы разлучены с этим ребенком на 6-ть недель, но страх занести инфекцию своим ребятам делает нас разумными.

Встреча Нового года еще не выяснена. Чем встречать с родственниками, лучше у Нюры. Сашико упорно не уезжает, рассчитывая на встречу в высокопоставленном обществе. Если она бы одна, ну с Яшей, но если ее сестричка — я притворюсь больной.

Я спросила Алешу, как вел себя 23-го Иосиф в кругу чуждых ему родственников. Он говорит, как всегда, он был мил, гостеприимен, но сидел не долго и с Ал[ешей] уехал ночевать на другую дачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Екатерина Давидовна Ворошилова — жена К. Е. Ворошилова, бывшего в 1934—1940 гг. наркомом обороны СССР.
2. Киров (Костриков) С. М. — в 1926—1934 гг. первый секретарь Ленинградского губкома ВКП(б).
3. Зинаида Гавриловна Орджоникидзе, жена Г. К. Орджоникидзе — наркома тяжелой промышленности в 1934—1937 гг.
4. Реденс Станислав Францевич (Стях) — муж Анны Сергеевны, в 1930—1937 гг. занимал руководящие посты в органах НКВД.
5. Реденс Анна Сергеевна — сестра Н. С. Аллилуевой.
6. Дмитрий Ильич Ульянов с 1933 г. работал в научном секторе поликлиники санупраления Кремля.
7. Мария Платоновна Орахелашвили — жена М. Д. Орахелашвили, бывшего в 1932—1937 гг. заместителем директора ИМЭЛ при ЦК ВКП(б).
8. Штейнберг Л. П. — советский дирижер и композитор, с 1928 г. дирижер Большого театра, в 1937—1938 гг. профессор Московской консерватории.
9. Постышев П. П. — в 1933—1937 гг. второй секретарь ЦК КП(б) Украины, затем первый секретарь Куйбышевского обкома партии; Петровский Г. И. — в 1919—1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК, в 1922—1937 гг. один из председателей ЦИК СССР.
10. Корк А. И. — в 1921—1935 гг. пом. командующего вооруженными силами Украины и Крыма, командующий войсками Туркестанского фронта, Кавказской Краснознаменной армии, Белорусского, Ленинградского и Московского военных округов.
11. Егоров А. И. — с 1931 г. начальник штаба РККА, с 1935 г. начальник Генштаба, с 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б), в 1937—1938 гг. первый зам. наркома обороны СССР.
12. Крестинский Н. Н. — в 1930—1937 гг. зам. наркома иностранных дел СССР.
13. Розенгольц А. П. — в 1930—1937 гг. нарком внешней торговли.
14. Буденный С. М. — в 1924—1937 гг. инспектор кавалерии РККА. Марьясин Л. Е.— в 1931—1934 гг. зам. председателя правления Госбанка СССР, в 1934—1936 гг. председатель правления Госбанка СССР. Об остальных лицах сведений не обнаружено.
15. Власик Н. С. работал в органах ВЧК с 1919 г., в 1928—1952 гг. начальник охраны И. В. Сталина.
16. Мдивани П. Г. (Буду) — в 1931—1936 гг. председатель ВСНХ, нарком легкой промышленности, первый заместитель председателя Совнаркома Грузинской ССР.
17. Андреев А. А. — с 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ СССР, зам. председателя Совнаркома СССР, с 1931 г. нарком путей сообщения СССР, с 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б).
Чубарь В. Я. — с 1934 г. зам. председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР, с 1937 г. нарком финансов СССР.
Мануильский Д. З. — в 1928—1943 г. секретарь Исполкома Коминтерна.
Берия Л. П. — в 1931—1938 гг. секретарь, первый секретарь Закавказского крайкома партии, первый секретарь ЦК КП(б) Грузии и Тбилисского горкома партии.
Лакоба Н. А. — в 1930—1936 гг. председатель ЦИК Абхазской АССР.
Поскребышев А. Н. — в 1928—1953 гг. зав. особым сектором ЦК ВКП(б).
Калинин М. И. — в 1922—1938 гг. председатель ЦИК СССР.
Артем (настоящая фамилия Сергеев) Ф. А. — советский партийный и государственный деятель, трагически погиб в 1921 г.
18. Жена А. А. Андреева — Дора Моисеевна Хазан (Сермус).

Дорогие читатели!

С 1993 года журнал «Родина» начинает выпуск приложения «Источник» (объем — 128 страниц, 6 выпусков в год). В нем будут печататься различные документы из российских архивов. Многие из этих документов до самого последнего времени хранились в глубокой тайне — под грифами «совершенно секретно» или «особая папка». Знакомство с ними позволяет по-новому взглянуть на исторические лица и события. Мы надеемся на тесное сотрудничество с архивами и архивистами, исследователями и публицистами из разных городов России.

Читайте в «Источнике» № 1

Из личного архива Сталина.
Дневники его родственницы М. Сванидзе — неизвестные факты из жизни генсека, его семьи и ближайшего окружения.

Художник и власть.
Последняя командировка Андрея Тарковского. И другие документы XIX—XX вв.

Рассекречено.
Тайна Катыни раскрыта. Первая публикация «особой папки» о приговорах польским военнопленным офицерам.

Если вы хотите получать «Источник» — приложение к журналу «Родина» — в 1993 году, перечислите 600 рублей (стоимость 6 номеров и их пересылки) по адресу: 113031, Москва, Кузнецкий мост, д. 16, р/счет 1609255 во Внешторгбанке РФ, МФО 201865, код Н-7.

Зарубежные подписчики должны выслать 48 $ США по адресу: 113031, Москва, Кузнецкий мост, д. 16, Валютный счет 0700830702 во Внешторгбанке РФ, МФО 201865, код Н-7.

Не забудьте отправить в редакцию квитанцию об оплате и ваш полный почтовый адрес.

Адрес редакции: 121877, Москва, Новый Арбат, 19, журнал «Родина» (приложение «Источник»).

ИГОРЬ ОГНЕВ

ЖИВОПИСЬ ВЫСОКОГО НАПРЯЖЕНИЯ

СОЗДАЕТ РУССКИЙ ХУДОЖНИК, КОТОРОГО НЕ ХОТЕЛИ ПОНЯТЬ НА РОДИНЕ

Два года назад, попав на выставку его работ, я был буквально потрясен бьющими с картин импульсами чистого цвета. В сюжетах Всеволода Лисинова нет ничего замысловатого. Многие полотна безлюдны, на других маячит одинокая человеческая фигура или посреди сонной улочки стоит собака. Но — удивительное дело! — вереницы тихих домиков, дорога, мощенная древним булыжником, спокойно плывущее облако — эти обыденные приметы патриархального Смоленска, где живет художник, перекочевав на лисиновские полотна, начинают втягивать вас в глубь холста динамикой линий, цветовыми ритмами.

Познакомившись, а потом и подружившись с художником, я понял, что экспрессия линий, а главное — цвета, во многом идет от дуги напряженности, сидящей в самом Лисинове. Судьба распорядилась так, что в нем, по отцовской линии, соединилась кровь древней армянской и грузинской фамилий. А мать Всеволода вышла из рода, к которому принадлежал писатель Мельников-Печерский. Уже в 12 лет у Всеволода не было сомнений, кем быть. Многие случайные факты его биографии воспринимаются теперь символически. В Северо-Западном Китае, куда в начале 50-х годов послали работать отца, Всеволод учился в школе, в здании которой когда-то останавливался Николай Рерих. В то время Лисинов увлеченно копировал цветные китайские миниатюры, орнаменты ярких ковров...

Невинное вроде увлечение цветом обернулось неожиданными последствиями. Об атмосфере, царившей на факультете в Витебском пединституте, куда Всеволод поступил, говорит такой факт. Только незадолго до получения диплома он случайно узнал, что среди улочек витебского предместья развивался талант Марка Шагала, имя которого

даже не упоминали преподаватели худграфа. Понятно, что и стиль Лисинова не вписывался в учебные планы факультета, который выпекал старательных последователей соцреализма. Конфликты с преподавателями возникали, казалось, по пустякам. Каноны, например, не рекомендовали совмещать на полотне красный и зеленый. «Но я делал это с детства и не намерен был отступать позже», — вспоминает художник. Эти чистые тона прекрасно уживаются и на его поздних полотнах.

В 1966 году Лисинов покидает вуз, чтобы после смерти отца поддержать мать, оставшуюся без средств к существованию, и последний курс оканчивает заочно. Он продолжает создавать экзотические композиции, но работы его никто не покупал, и ему пришлось идти машинистом компрессоров на нефтеперерабатывающий завод в Новополоцке.

Через три года Лисинов пережил новый удар: скончалась мать — единственная духовная опора. Перед кончиной она выдала сыну семейную тайну: шеф жандармов России, легендарный Семен Белецкий, доводился двоюродным братом бабушки Всеволода. Как говорится, седьмая вода на киселе. Но, напуганная ужасами гражданской войны, мать оставшуюся жизнь страшилась всего. К счастью, семейная тайна уже не могла выстрелить по сыну.

Так и не избавившись от депрессии в связи с печальным событием, Лисинов устраивается рабочим сцены во дворец нефтяников. Увидев его композиции, балетмейстер предложил расписать репетиционный зал. За четыре дня, пока директор дворца была в командировке, непризнанный художник, ухлопав на радостях все свои краски, на двадцати квадратных метрах стены изобразил французский королевский балет XVIII века. Всеволод часто слушал «Реквием» Моцарта, и на переднем плане панно композитор выступал в расшитом камзоле и при шпаге. Среди парадных колонн в золоте и серебре порхали разодетые придворные дамы и бабочки, а над всей этой роскошью парили ангелы... Праздник!

Будни начались, когда вернувшаяся из командировки бдительная директриса собрала комиссию. Обнаженные ангелы безошибочно указали на развратные наклонности художника, а загадочное отражение в зеркале — на тяготение к мистике. Роспись была признана антисоветской, и вскоре стена сияла девственной чистотой.

Новополоцкий период остался в памяти Лисинова жутким кошмаром. Крупные стройки притягивали не столько комсомольцев-добровольцев, сколько людей, познавших не самые радостные стороны жизни. Свою лепту вносили и знакомые художники, твердившие, что писать надо, как все, не оригинальничая. Лисинов упорствовал, хотя картины никто не покупал, а бедность между тем обступала со всех сторон. Изрядно потертое зимнее пальто совсем не грело, и он обматывал тело несколькими шарфами. Отваливающиеся подметки подвязывал шнурками.

В Смоленске, куда его перетянули друзья, Лисинов случайно набрел на место обходчика тепловых коммунальных сетей и на многие годы погрузился в довольно специфическую среду, познакомившись с прототипами картин будущего «подвального» цикла: слесарями, бомжами, проститутками...

Зарубежные искусствоведы усмотрели в «подвальном» цикле лисиновских картин своеобразное видение советской действительности. Так еще в 70-е годы его работы попали за границу. Первый заграничный успех поддержал его не столько материально, сколько мо-

рально. В 1979 году мексиканский доктор искусствоведения Марио Монтефорте, пораженный яркими тонами лисиновских полотен, нашел в них сходство с рисунками индейцев майя. Отзыв этот, к слову, дошел до художника через 12 лет. Французы и американцы отыскивают в лисиновских картинах свои параллели. Наши искусствоведы причисляют Всеволода то к андеграунду, то к соцарту. Однако сам художник никогда и никому не пытался подражать.

Пересказывать лисиновские пейзажи — пустое занятие. Он сочиняет их, ютясь в «раковине» — небольшой комнате, заставленной многочисленными полотнами. За одной стеной квартиры живут престарелые родители жены Татьяны, а с другой стороны — комната дочери Ольги, которая не без успеха пытается подражать отцу. О мастерской Лисинов боится мечтать.

От посменной работы в теплопункте и второй ежедневной смены у мольберта стали мучить головные боли. Татьяна махнула рукой: проживем без твоего грошового жалованья — только пиши. Она не объяснила мне, как умудрялась тогда сводить концы с концами: деньги от продажи картин перепадали так редко, что эти случаи наперечет. Но была и поездка в США. «В Лос-Анджелесе работал как одержимый,— рассказывал Лисинов,— видел, что мои холсты кого-то интересуют. Приходили писатели, журналисты, просто любители живописи...» В музеях и частных коллекциях Америки и Франции (там Лисинов побывал в 1988 году), других стран его картин больше, чем в России. Ему предлагали остаться за океаном, но художник предпочитает русский Смоленск, город, где его не знают даже студенты худграфа, хотя институт расположен по соседству с лисиновским домом...

Смоленск

НАТАЛЬЯ БУМАГИНА

Красивы руки намазывающей...

Изобилие воды здесь поразительно. В какую сторону ни вздумал бы пойти местный житель, он тотчас же натыкается или на реку, или на озеро, или на болото. И немудрено, что карелы даже горы и землю произвели от воды. Вот что рассказывает местная легенда: «Сначала в мире была одна вода да ветер; ветер дул, вода волновалась и шумела, неугомонный ропот ее несся к небу и страшно беспокоил Бога. Наконец Богу это очень надоело; разгневанный, он одним словом приказал окаменеть волнам. Волны как были, так и остановились, окаменели, превратились в горы; отдельные брызги превратились в камни и землю».

В Карелии насчитывается до шестидесяти тысяч озер, занимающих девятнадцать процентов общей площади. И среди них величайшие в Европе — Онежское (Онего, как его называют местные жители) и часть Ладожского.

Еще недавно край этот был целиком покрыт дремучим лесом, перемежаясь только водными поверхностями. К началу новой исторической эры и даже в течение большей ее части влияние человека на природу было ничтожно. Тогда люди еще «живяху в лесе, яко же всякий зверь», как говорится в Новгородской летописи.

Еще двести лет назад лес занимал здесь 71 % территории, в 1884 году — 63,4 %. Надо сказать, то, что мы называем Карелией, в то время было Олонецкой губернией.

Лес и теперь основное богатство республики. Он покрывает половину территории края. На долю пашни остается места немного: землица здесь скудная, к тому же обильно усеянная огромным количеством камней.

Так что же за народ живет среди этих стихий?

Задолго до появления в местных краях славян здесь жили финские племена, занимавшиеся в основном охотой и рыболовством. Среди них наиболее культурным и воинственным слыло племя корела. По-видимому, оно было наиболее известно скандинавам, так как под именем Кариаланда они разумели обширную область, населенную разными племенами.

По мнению большинства ученых, современные карелы произошли от корелы и веси (предков современных вепсов)

Площадь Карелии — 172,4 тыс. кв. км.
Население — 800 тыс. чел.
Из них карел — 78,9 тыс. чел.
Всего карел в России — 125 тыс. чел.

и частично саамов (лопь — по древним летописным источникам). В русской истории карелы появляются впервые в 1143 году, когда, по словам летописца, «корела ходища на емь» (другое финское племя). В 1191 году карелы, вместе с новгородцами, вновь воевали с емью. О крещении карел в православие в летописи говорится: «Того же лета (1227) князь Ярослав Всеволодович послав крести множество карел».

Славяне проникали в этот край двумя путями — по рекам Свири и Шексне. Значительные и лучшие земли были заняты новгородскими боярами, церковным владыкой и новгородскими монастырями, которых насчитывалось более сорока. Таким образом, территория корелы входила в состав Новгородской феодальной республики, а с 1478 года — Русского централизованного государства.

Считай, тысячелетие связывает карел с русскими — политически, экономически, культурно.

Внешне их тоже почти не отличишь. Волосы у карел бывают и светлые, и темные, а вот цвет глаз действительно характерный — бледно-голубой, что в сочетании со светлыми ресницами и дало повод русским называть их «чудью белоглазой». Брови очень красиво очерчены, обыкновенно дугой. Прорезь рта тоже правильна и красива. Карелы известны своим трудолюбием, честностью, поэтическими способностями, но и упрямством, что выражает поговорка: «Зажги корела, он и в три года не сгорит».

Поражают избы в этом северном крае. Они циклопических размеров, как правило двухэтажные, на высоком подклете, смотрят окнами на полдень, под одной крышей объединены жилые постройки и помещения для скота. Строились такие хоромы для больших семей и на века. Отличие русских и карельских домов только в деталях да в некоторых особенностях внутреннего обустройства.

Так, русская печь явно позаимствована карелами у своих соседей, но они в ней делали открытый очаг, а чрево печи обращали к входной двери, русские же — к окнам главного фасада. Стол ставили, в отличие от русских, не в угол, а в середину, торцом к среднему окну. Мебель в основном была встроенная, неподвижная. Обычно в избе вдоль боковой стены укрепляли бревно, на котором гнули полозья для саней, сушили сети, одежду. А на жердину вдоль крыши вешали вяленую убоину.

Жили здесь, как правило, небольшими поселениями. И носили они названия: выставка, сельцо, село, починок, посад. Наиболее распространенными были деревня и погост. В погост объединялась группа деревень. Там была непременно церковь, там устраивались торги и решались административные вопросы. Так как большинство селений строилось вдоль рек и по берегам озер, главным средством передвижения летом были разного типа лодки: долбленки, шитики, карбасы. Колесный транспорт появляет-

ся много позже и заимствован у русских. Потому слово «телега» звучит так же и по-карельски. Зимой, конечно, сани и лыжи. Известно, что лыжами пользовались здесь еще до новой эры, в эпоху неолита. Есть даже специальные лыжи для ходьбы по болотам (по форме похожи на тениисную ракетку). Лыжникам и обувь нужна была особая — сапоги с загнутыми мысами. Вообще традиционная обувь несколько отличалась от русской. Так, карелы ладили из бересты лапти, даже сапоги. Из сыромятной кожи шили бахилы, койби (сапоги из оленьей кожи мехом наружу). Валенки карелы покупали у русских.

Уже сто лет назад одежда и русских, и карел утрачивает своеобразие. Вот что пишет об этом путеводитель, изданный в 1900 году: «В последнее время и здесь городские платья, сшитые иногда по модной картинке, стали вытеснять старинные штофные сарафаны, парчовые душегрейки; во многих местах женщины продают даже свои, шитые жемчугом, головные повязки. Та же судьба постигла и верхние одежды, как чуйку, поддевку, армяк, вместо которых распространяются городские пальто. Не так еще давно женщины Олонецкой губернии славились своими вышивками, но теперь эта отрасль женского труда упала».

Дольше всех национальных традиции держалась кухня. У меня есть книга «Карельская кухня», выпущенная три года назад. Каких только вкусностей там нет! От простейших — пареная репа — до изысканных «пирогов для зятя». И, конечно, масса блюд из рыбы, причем часто в непривычном для нас сочетании — с молоком, например. Всевозможные рыбники (пироги, куда неочищенная рыба запекается целиком). И, безусловно, «калитки» — пироги с вязкой кашей, картофельным пюре, ягодами. Вообще, питание карел, как бы мы теперь сказали, было сбалансированным. Интересно, что еще два-три года назад можно было отведать всей этой стряпни не только в дорогих ресторанах, но и в любом пристанционном буфете, кафе, магазинах кулинарии — буквально за копейки. Но и эта благодать кончилась. Даже иезатейливых «калиток» нет. Будем надеяться, не навсегда. Бог даст, еще отведаем.

Старые путеводители рассказывают, что карелы очень мало употребляли алкоголя. Самым распространенным напитком был здесь репный квас, позже (90 лет назад) чай, а на севере — кофе, так что в некоторых местностях бедные семьи собирали подаяние, прося: «Подайте, Христа ради, на кофе». Хорошая идея. Теперь же любимый напиток тот же, что и на всей Руси великой. И если еще не так давно увидеть пьяную карелку было немыслимо, то, к сожалению, сейчас и тут они не пожелали уступать мужчинам.

Условия труда, необходимость объединения рабочей силы предопределяли тип семьи. Здесь жили большими семьями — иногда из нескольких десятков человек. Но уже исследователи конца XIX века отмечали отмирание многочисленных семей и находили распространенными «малые» — состоящие из родителей и несовершеннолетних детей. Теперь

(по переписи 1989 года) средний размер семьи составляет в сельской местности лишь 2,9 человека, в городской — 3.

Но необходимость в соединении труда оставалась и проявлялась в другой форме — артельного начала. Почти повсеместно были артели рыболовов, сплавщиков леса, лоцманов, носильщиков. Еще, конечно, и у русских, и у карел известно объединение труда в виде «помочи», когда всей деревней помогали «соседу» в большой работе за известное угощение с его стороны. Жив обычай и поныне.

Вот еще кусочек жизни, сохранившийся в селах до сих пор. У карел принято мыться в бане вместе мужчинам и женщинам. Но это никогда не ведет к печальным последствиям, так как совершить преступление против нравственности в бане считается большим грехом.

Зиатоком карельских обрядов, сопровождавших человека от рождения до смерти, оказался в Петрозаводске заведующий отделом иистиута языка и литературы Евгений Иванович Клементьев. Вот что он рассказывает: «Рожали тайно, даже в одиночестве, обычно в бане, хлеву. Принимала роды часто свекровь или повитуха, имеющая зиахарский опыт, специальный набор «оберегов» (первая шерсть ягненка, смола и т. п.). Для облегчения родов отпирали замки, открывали окна, дымоходы. После родов обязательно совершали специальный обряд оберегаиия матери и младенца. Ведь они пока не имеют личных духов-покровителей и потому наиболее уязвимы для злых духов. В люльку ребенка тоже клали «обереги» — медвежий коготь или зуб, камешек от пода печи».

В свадебных обрядах оказалось много общего со всеми народами. Пожалуй, больше, чем у других, уделялось внимания обереганию от сглаза, порчи и, наоборот, привороженню.

В похорониых обрядах архаики сохранилось больше. Опять слово Е. И. Клементьеву: «Карелы верили в загробную жизнь и неразрывную связь между покойниками и живыми родственниками. Поэтому старые люди обмывали покойников, веря, что те придут их встречать после смерти и помогут при переправе через загробную реку Туони».

Заканчивая свой рассказ об обрядах, Евгений Иванович подчеркнул, что и до наших дней карелы старшего поколения верят в тесную связь человека с растительным и животным миром, а некоторые знают заклинания, заговоры, помогающие использовать природные стихии на благо человека. Из языческих времен дошли до иас культы лешего и водяного. Со «стариком с собачками», как здесь нарекли лешего, пастухи должны были заключать договор, по которому иногда жертвовали корову. К водяному обращались так: «Царь водяной и царь лесной, благословите водушки взять не ради хитрости, не ради мудрости, а для доброго здоровья такого-то (имярек)».

Основным занятием жителей здешних краев было земледелие, хотя собственного хлеба хватало населению даже в урожайный год на шесть-семь месяцев. Остальной хлеб закупали в Рыбинске и на пристанях Мариинской системы. Но в некоторых местностях крестьянам приходилось добавлять в хлеб сосновую кору. Успешному занятию земледелием мешал не столько климат, сколько иехватка удобных земель, удобрений и плохой способ обработки почвы. Но все-таки в среднем здесь в коице века собирали: ржи сам 3,4; овса — 3,4; ячменя — 4.

После земледелия наибольший заработок сельскому населению давало лесное дело (вырубка, вывозка и сплав леса). Лесные операции были сосредоточены в руках иескольких крупных фирм. Крестьяие получали доход от лесов только как работники; продажа леса им была запрещена; вследствие этого крестьянии часто рубил ради одной белки громадное дерево или безжалостно выжигал лес под пашию. Нам такое отношение к чужому добру очень понятно, не правда ли?

Рыболовством занимались и занимаются повсеместно, особенно по берегам озер Онежского, Ладожского и по реке Свири.

«Озеро широко, да белой рыбы много...» — так пела здешняя сказительница Анисья Васильевна Ватчиева. Много-то много, но уже и сто лет назад отмечали, что убывает она очень скоро. Так, дотошные Брокгауз и Ефрон пишут: «На верховьях Свири прежде ловили осенью до четырех тысяч сигов, ныие (90-е годы прошлого векв) только две». Вот так, поштучиый учет! И далее они объясияют причины умеиьшения рыбных запасов. Будто сегодня иаписаиы строки: «1) неумеренный хищнический лов рыбы в молодом возрасте и 2) сплав бревеи в коре, оседающей на дно в реках и заливах и губительно действующей на молодых рыб и мелких животных, служащих пищей для рыбы». Мы могли бы добавить кое-что посерьезней о теперешнем состоянии иаших водоемов, в том числе и таких жемчужин, как Ладожское озеро. Да это, впрочем, всем известно.

Итак, подведем некоторые итоги. За пределы Олонецкой губернии прежде вывозили: лес (в бревнах, досках, дровах), рыбу, дичь, меха, лен, сено, грибы, тележиые изделия, глииы. Таким образом, губериия была сырьевым резервом для промышленной Петербургской зоиы.

Что вывозит теперь Карельская республика? К сожалению, в этом деле немного изменений. По-прежнему основу составляют сырьевые продукты: конечио, лес, все в тех же бревнах, досках и дровах, рыба, грибы, ягоды. Но есть и иовации — Карелия стала крупным поставщиком газетиой бумаги и бумажных мешков.

...Мы беседуем в Госкомитете по экономике с заместителем председателя Владимиром Петровичем Рузановым и его молодыми коллегами. Оии говорят, что Карелия остается все той же сырьевой провинцией и по-прежнему отстает от других регионов в промышлеииом отношеиии. Даже природный камеиь, которым богата Карелия, отправляется за ее пределы в иеобработанном виде, в то время как, сделав из него облицовочные плиты, здесь могли бы иметь несравненно больше денег. Не говоря уже об экоиомии на транспортных расходах: одно дело камеиь навалом, другое — компактно уложенные плиты. Но для всего этого нужны крупные денежные вливания, инвестиции, как теперь говорят. Пока же эти вложения носят случайный характер, подчиняясь больше политическим зигзагам, чем экоиомической целесообразности. Мы с моими собеседниками заглянули в исто-

рию, ио теперь уже ие в ту, далекую, а в нашу, советскую. У Карелии было несколько звездных периодов, если можно так выразиться. Двадцатые годы, сороковые — пятидесятые и восьмидесятые. Почему же именно эти годы? Приоткроем завесу тайны над рождением Карельской трудовой коммуны — предшественницы нынешней республики. Рождение произошло 8 июня 1920 года по декрету ВЦИКа. Тогда это декларировалось реализацией лозунга свободы наций на самоопределение. Но дело-то было, как и во многих других случаях, в более прозаических намерениях.

К тому времени на территории девяти северных карельских волостей существовала «Ухтинская республика». Так вот, свободные хлебопашцы, рыбаки и охотники, хлебнув лиха от новой власти, измученные гражданской войной, заявили в 1920 году о своем выходе из состава России и присоединении к Финляндии. Могло ли тогда допустить это советское правительство? Конечно, нет. Вот и подоспело решение ВЦИКа. Берите, карелы, свободу полными пригоршнями в родной России. И мнение народа не забыли спросить. Большинство, конечно, с презреиием отвергло буржуазную Финляндию, в которой революция была подавлена, и с благодарностью приняло покровительство Советской России. Как формируется мнение народа, мы хорошо знаем. А свободы обещали много (полная экономическая самостоятельность, право издавать постановления, касающиеся местных нужд, и вообще «неограниченные возможности национального развития»...). Эти святые слова вошли в текст Тартуского мирного договора с Финляндией. Во главе коммуны был поставлен ВЦИКом Эдвард Гюллинг. Что за человек? Председатель Социал-демократической партии Финляндии, во время революции 1918 года начальник Главного штаба Красной гвардии. Но вот революция подавлена. Гюллинг прибыл в Россию, вступил в РКП(б). Мысль о крахе революции для него была недопустима. Он искренне верил в ее мировую победу. Начать надо, конечно, со Скандинавии. А пока Карелия рассматривалась им как «стратегически исходный пункт для революционизирования не только Финляндии, но и всей Скандинавии», а в будущем — создание из Карелии и Скандинавии Скандинавской советской республики. Э.Гюллинг и его команда — люди образованные, с недюжинными организаторскими способностями. Принялись они из тихой Карелии строить образцовое народнохозяйственное предприятие. Ведь надо же показать мировому пролетариату, на что способна советская власть! Государство не скупилось: от Архангельской губернии отрезало хороший кусок плодородных земель и присоединило к Олонецкой. Неважно, что там русское иаселение — будете Карелией, и уже не просто автономной областью, а республикой. Но самое главное — действительно давалась широкая хозяйственная независимость, закрепленная постановлением Совнаркома от 26 апреля 1921 года. Так, например, 25% добываемого леса коммуна могла продавать за валюту на собственные нужды. Тут вообще все складывалось удачно. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Разгром революции в Финляндии вынудил покинуть родину ее активных участников, так называемых «красных финнов». Они обосновались в Карелии. Революция не уничтожила в них практическую сметку, высокую квалификацию. А в начале 30-х годов началось переселение в Карелию

финнов-эмигрантов из США, Швеции, Канады — энергичных, предприимчивых людей. Всего их прибыло более 15 тысяч. Все это вместе и, конечио, сами по себе годы иэпа дали поразительные результаты. С 1922 по 1930 год рост продукции здесь составлял ежегодно от 20 до 30%. Один из самых высоких показателей в мире. К этому времени относится строительство и пуск Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината — действительно гиганта по производству газетной бумаги.

С середины 30-х начинается откат: отстранено сильное руководство, репрессированы почти все финны. В 40-е, после войны с Финляндией, автономная республика преобразуется в союзную, что вызывает некоторое оживление. Но методы руководства уже принимают привычные административно-командные формы. Как раз в это время здесь работал Ю.В.Андропов. В 80-е годы, встав во главе всего Советского Союза, Юрий Владимирович не забыл милую сердцу Карелию и подпитывал ее как мог. В остальные годы республику как бы забывали. От иее требовалось одно — лес, лес... этому было подчинено все. Менялась структура населениых пунктов: повсюду создавались леспромхозы с их безликими и убогими поселками из одинаковых сборно-щитовых домов. Деревни пустели, рвались вековые связи. Причем больше всего пострадали именно карельские поселения. Так, численность сел с преимущественно карельским населением сократилась с 1959 по 1989 год в 3,5 раза, в то время как общее число сельских поселений сократилось в 2,3 раза. Терялись трудовые традиции и иормы поведения. Уровень всех подгонялся под один — очень невысокий. Отсюда пьянство и социальная апатия. Здесь не было столкновений на национальной почве. Да и по какому поводу? Все одинаково обделены. Единственное различие: русские говорили на родном языке, все остальные свой язык забывали, как и самою национальность. Исследование 1979 года поквзало, что только 40% карел предпочли выбрать своим детям карельскую иациональность. Но, впрочем, может быть, это естественно. Ведь то же самое происходит во всем мире. Кстати, в Финляндии, где живет много карел, они не выделяются в особую группу иаселения и говорят на финском, а религия у них, как и у финнов, лютераиская. У нас — православиая.

То же самое и в общем культурном уровне. Заброшены и превращаются в руины восхитительные деревянные строения и Русского севера, и Карелии. Диву даешься, сколько нелепостей и глупостей было наворочено.

Здесь, среди лесов и озер, складывались и передавались из уст в уста эпические песни (руны). Карельский эпос считается одним из самых древних в мировом фольклоре. Из пятидесяти рун родилась и «Калевала» — всемирио известная поэма. Ученый Элиас Лёнрот записал руны у карельских сказителей, придал им композиционную стройность. Издана «Калевала» в полном объеме в 1849 году. Калев — мифологический родоначальник финских богатырей. Характерным для этого эпоса является полное

отсутствие исторической основы: похождения богатырей отличаются чисто сказочным характером. В «Калевале» нет государства, народа, общества: ее герои знают только семью, совершают подвиги не во имя своего народа, ио для достижения личных целей, как персонажи чудесных сказок. Помимо этнографического «Калевала» представляет высокий художественный интерес. К достоинствам ее относится простота и яркость изображения, глубокое и живое чувство природы, высокие лирические порывы, особенио в изображении людской скорби (тоски матери о сыне, детей о родителях), здоровый юмор, удачиые характеристики действующих лиц. Эпос полностью переведен более чем на 30 языков, а в сокращеиной редакции издаи на 100 языках иародов мира. Он не издан только... иа карельском. У карел не было письмеиности до 1989 года. Странно, конечно, что не маленькое племя в центре Африки, а европейский многочисленный народ обходился без своей письменности. Карельский язык относится к прибалто-финской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи. Наиболее близки к нему языки таких народов, как вепсы, эстонцы, финны, ливы. В нем различают три основных диалекта, отличающихся друг от друга примерно так, как польский от русского.

Собственно, с попыток возрождения языка и началось движение в защиту карельского иарода. Сначала, лет семь назад, лишь маленькие группы интеллигенции обсуждали это по вечерам иа кухнях. Но времена менялись, и стало возможным создать иаконец Общество карельской культуры, затем оно переросло в Союз карельского иарода. Сейчас в ием состоит 400 человек в Петрозаводске и столько же в местных отделениях. С председателем правления Петром Мефодьевичем Зайковым мы говорили в опустевшем к вечеру кабинете института языка и литературы, где он работает. Пекка, как его здесь зовут, рассказывает о злоключениях родного языка, о целях и задачах Союза. Начала выходить газета на карельском, в ией печатаются материалы на всех диалектах. Мой собеседник считает, что нельзя торопиться с созданием единого языка — должны жить и диалекты. А пока открылась кафедра карельско-вепского языка в университете. Регулярными стали передачи иа родном языке по радио. Пекка говорит, что в селах было просто потрясение, когда вдруг снова зазвучала карельская речь. Постепенно люди перестают стесняться своей национальности (а ведь было и так!). И, наконец, возобновилось преподаваиие карельского языка в школах и детских садах. Для этого совсем недавно были созданы буквари, учебники и словари. Спокойный, рассудительный Петр Зайков считает, что только путь культурного возрождения — кратчайший к возрождению самосознания народа.

...У карелов есть обычай: если кто-то зашел в дом в тот момент, когда хозяйка, вынув пироги из печи, смазывает их маслом, гость должен сказать: «Красивы руки иамазывающей». Она, в свою очередь, должна ему ответить: «На, возьми намазанный». Это ие просто обмеи любезностями. Глубокий смысл есть в обычае.

ВАДИМ ЯНКОВ

В ПОИСКАХ ТРЕТЬЕГО ИЗМЕРЕНИЯ

Фото Геннадия Бодрова

1.

То, что произошло с нами за последние столетия, на языке философии истории можно описать как поглощение одной цивилизации другою. Современная европейская цивилизация поглощает русскую православную, несмотря на яростное сопротивление, проявившееся, между прочим, и в семи десятилетиях социализма. Процесс еще далеко не завершен, но августовские дни 91-го — его знаменательная поворотная точка. Онн показали, что Россия усвоила заготовленный в Европе колдовской напиток свободы, который, собствеино, и превращает субстанцию цивилизации в европейскую. Свобода теперь у нас не дарованная, но добытая, а потому своя. И действие ее неотвратимо. Как это оценить? И в прежние времена происходили такие поглощения. Сама Европа была захвачена в орбиту христнанства, пришедшего с Востока и овладевшего усталой античностью и свежим германским Севером. Но разве при этом история начииалась заново, разве все старое отбрасывалось как ненужный балласт?

Пример европейских народов свидетельствует скорее об обратном. Усвоенное христианство они воплотили каждый по-своему, создав на его основе свои неповторимые культуры. Даже в представляющемся издали единым средневековье христианская культура одета в разные одежды и сверкает разными цветами. Эпос Данте отличен от германского эпоса; по-разному учат Фома и Ансельм. Да что говорить о Европе! А сама Россия — разве не первому усвоенню европейского гуманизма обязаиа она своей литературой XIX века, своей музыкой, живописью, философией?

Вряд лн нужно заботиться о том, чтобы быть оригинальным. В условиях полного вхождения в Европу оригинальность придет сама собой, если только думать о главном — о том, чтобы просто быть.

Нашу жизнь пытались включить в двухмерную плоскую культуру, где не было измерения глубины, не было ни предстояния Богу, ни предстояния смерти в полном смысле; в культуру, где материальное не оставляло места духовному и не было даже личностей — в теории, конечно,— а были лишь единицы, обсчитываемые и манипулируемые. Вернуть себе глубину, обрести заново третье измерение — в этом, надо полагать, и состоит великая задача времени, решение которой даст нам в оркестре Европы свое, особое место, могущее принадлежать только нам и никому другому.

Кто мы и что мы? Можем ли мы, анализом и интуитивным откровением проходя пласты нашей души, спуститься на такую глубину, чтобы остановиться и сказать с уверенностью: здесь подлинно бытийная основа, здесь сами мы, а не приобретенное нами, здесь наш исток и опора?

Православие — религия нашей древности, и сейчас оно переживает некое возрождение, выходит на общественную сцену, проявляет себя в прессе и на телевиденни. Можно ли, однако, принять православие в его буквальности? Для человека, привыкшего к миру современной науки, соприкосновение с современным массовым православием способно стать источником шока. В глаза бросается непомерная роль чудотворного — здесь и чудотворные иконы, и освященная вода, и рассказы о древних чудесах, и вера в чудеса современные.

Такая привязанность к чуду не только противоречит основанному на разуме и знании пониманию мира. Она унижает само религиозное начало, поскольку препятствует более чистому и глубокому переживанию и, помимо этого, всегда сопряжена с риском разочарования, когда какое-то конкретное чудо подвергается разоблачению. Принять православие чудес — значит совершить принесение в жертву разума (sacrificium intellecti), умалить себя до уровня детского, и хотя есть что-то ценное и незаменимое в уровне ребенка, но мы-то уже взрослые, и наша честность в том, чтобы остаться взрослымн. Иначе нас ожидает не религиозный катарсис, а только его симуляция.

Эта пронизанность православия чудом должна быть признана нами ущербной — при всем уважении и сочувствии к душам тех, кто, не видя другой опоры, хватается за чудеса как за соломинку, ищет в них утешение и надежду. Если мы отвергли сердцем одну иеправду,

---

Продолжаем разговор, начатый статьей Сергея Лёзова «Боль освобождения, или Христианское в христианстве» («Родина», № 2, 1992).

один обольщающий обман, стремившийся превратить нас в недорослей и учивший нас не видеть явное и видеть отсутствующее, то почему сейчас мы должны ринуться в неправду другую?

Скажут, что кощунственно сравнивать дьявольскую и сознательную ложь большевистской власти с самой Истиной Бога или с Истиной, которая и есть Бог; что в первом случае протест истины против лжи праведен, во втором же случае это лишь человеческое своеволие в слепоте своей выступает против Истины, в которой жизнь и спасение человека. Пусть так, но означает ли признание этой Истины отказ от нашей искренности, от нашей способности Истину видеть? Нужно ли Богу, чтобы мы отказались от себя? И если есть в нашей жажде Истины Божественная крупица, Божественная искра, то не будет ли прозрение Истины в возгорании этой искры, а не в гашении ее?

Действительно, сопоставление советской пропаганды и православной проповеди — если говорить об их содержании — неправомерно, но нет ли резона в сопоставлении их форм как неких реальностей, принадлежащих определенным временам истории? Не было ли в историческом православии некоей слабости, некоей предрасположенности, которые и дали возможность, выкорчевав христианскую веру, привить вместо нее карикатурное подобие веры — в грядущий коммунизм, в святость партии, в харизму вождя? И должны ли мы, возвращаясь к православию, унаследовать этот изъян и отречься от того, благодаря чему стали самими собой,— от приверженности свободе и истине и от новой нашей европейскости? Есть ведь и другие, не менее печальные параллели. В истории Русской православной церкви не так уж малочисленны самоотверженные борцы с антихристианской тиранией — от митрополита Филиппа до патриарха Тихона, если ограничиться только самыми вершинами. Но главенствовало все же смирение перед властью, важно было, чтобы церковь была, какой бы она ни была при этом, чтобы совершались таинства, шли своим чередом крещения, венчания и службы,— пусть там правит государственный Синод вместо избранного патриарха, пусть жандармерия нарушает тайну исповеди, а Чека полностью контролирует состав священнослужителей. А когда церковь, принявшая условия сатанизма, дотягивает свое существование до времени нежданного освобождения, то оказывается, что нет у нее нравственной энергии, не знает она, что сказать мятежному и страдающему обществу, охрана своих позиций слишком важна для нее, и основное общественное движение идет за ее пределами. Ясно одно: религиозный поиск не может игнорировать православную веру, но простое принятие существующей массовой религии в ее буквальности было бы нравственным самоубийством. Поиск должен быть направлен не вовне, а в глубь нас самих и выверен историческим опытом.

2.

Первое, что должно быть здесь рассмотрено,— основа современных цивилизаций Европы, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, а также стран недавнего европейского расселения. Я имею в виду произошедшее там выдвижение на первый план антропоморфных богов и занятие ими господствующего положения в жизни, подчинение им человека в материальном и духовном плане. Это достаточно заметная характеристика очень широкого пространственного ареала.

Естественным результатом развития принципа личных богов был распад западной мегацивилизации на несколько великих религиозных общностей, причем всем им свойствен монотеизм — представление о единственности Бога-творца. Ислам и христианство — две основные религиозные общности, рядом с которыми существует и сохраняет свою самобытность иудейский народ-церковь, который когда-то в далеком прошлом и начал весь поворот к монотеизму.

Воплощением этих исторических основ в нашей душе является ее «диалоговая структура», то есть непрерывное ощущение себя самого находящимся в диалоге с неким оппонентом, причем находящимся в нашем поле зрения. Мое собственное Я оценивает себя как подлежащее чьему-то личному суду. В русском языке сама этимология слова «совесть» указывает на это. Такое положение вещей сохраняется и при убеждениях совсем не религиозных, являясь наследием экзальтации личного начала, которая составляет ядро монотеистических религий. Может быть, благодаря этому мы не способны услышать в мире то, что слышит в нем индиец или китаец, но избавиться от «диалоговой структуры» мы просто не в состоянии. Эта общая человеческая возможность стала в нас человеческой действительностью настолько, что когда мы встречаем человека, начисто такой возможности лишенного, то воспринимаем это как патологию.

«Диалоговая структура» является нашей судьбой, и в ней еще скрыты важные возможности развития, в том числе и возможности нашего диалога с исламом (к иудаизму мы стоим ближе, о чем я еще скажу), и это будет для нас очень важно в ближайшем будущем. Волны европеизма все сильнее бьют об исламские берега, уже прокатываются по исламским просторам, обнаруживают невозможность для мусульманских народов быть наравне с современностью без фундаментального внутреннего преобразования — и пробуждают, наконец, встречное движение, агрессивное и консервативное. Видимо, и у ислама нет безболезненного пути в современность, как не было его в свое время у православной России.

Ислам — самая «логичная» религия Запада Евразии. Монотеизм в нем доведен до последовательного завершения, и Бог — в отличие от Бога иудаизма — есть Бог всечеловеческий, а не одного конкретного народа. Парадоксальной на фоне ислама представляется религия, в которой Бог воплощает себя однократно в человеке и принимает на себя все человеческое, включая саму смерть, религия, вынужденная по этим причинам ввести внутри Бога различения, по видимости противоречащие Божественному Единству. Но именно она дала основу нашему существованию.

Это второй пласт, который нам предстоит рассмотреть. Сущность христианства описывают по-разному. Мне она представляется воплощением бесконечного Бога в конечном, подлежащем греху, страданию и смерти человеке, более того — воплощением именно в страдании и смерти. Странную силу имеет это алогичное представление. Даже если отвлечься от веры, для которой оно — сама действительность, и относиться к нему как к комбинации идей, все равно не уйти от его магнетического действия, означающего освобождение нас от природной необходимости — не от факта необходимости, но от ее власти по смыслу, потому что перед нами открывается путь любви. Страдания, смерть и вообще человечность Бога открывают человечность мира и его потенциальное обновление. Поэтому там, где мы ощущаем в себе сродненность любому человеку, а может быть, и любому хрупкому существованию вообще, там, где сердце открывается универсальной человечности, там мы — христиане или, во всяком случае, наследники христианской религии; само наше существование в этом слое определено христианством, его парадоксальным первомифом.

Кардинально отличны друг от друга благотворительность ислама и христианская любовь. Первое — исполнение религиозного долга, повеления, исходящего от Бога; здесь нет ни самопожертвования, ни признания другого в его неповторимости, в его силе и слабости. Другой человек — бренное творение и ничего более. Христианская же любовь — повторение Божественного движения самоотдачи и взятия на себя страдания. Другой в нем — не единица, не безразличный объект религиозного предписания, а индивидуальное существование, хрупкое, но близкое нам. Иудаизм в этом отношении ближе к христианству, чем ислам, несмотря на всю извилистость их взаимоотношений. И корни этого — в неназываемой, быть может, любви Бога Израиля к Его избранному народу. Привязанность Бога к конкретному делает это конкретное освященным и доступным преображению, дает ему индивидуальность, спасает его субъективность от превращения в объект. В иудаизме есть, конечно, опасность замыкания на себя, которая часто подстегивается отторжением евреев враждебным им обществом, опасность истолкования избранности как привилегированности, но когда еврейский энтузиазм добра становится универсальным по характеру и обращается на мир, он оказывается удивительно деятельным и человечным. В Америке еврейские общины в делах благотворительности соперничают с христианскими, и благотворительность эта направлена отнюдь не на одних евреев.

И христианство, и иудаизм могут означать некоторую реабилитацию мира, не по его фактичности — фактически могут властвовать и слабость, и зло,— но по потенции к преображению, по уважению и благоговению перед жизнью (А. Швейцер) и индивидуальностью. Они хотя и ничтожны, но не только ничтожны; в их неповторимой конкретности — необходимое обогащение мироздания, может быть, само божество неполно без них. В выс-

шей мере этот мотив выразило христианство западноевропейское.

Именно оно изменило казавшееся долго естественным для христианства стремление от земли, от мира к Богу и небесам. Оно обратилось к миру земному и начало движение к его пониманию и преобразованию. И если не по результатам (а я думаю, что в целом и по результатам), то по истоку и первичному смыслу мы должны признать европейское развитие подлинно христианским и не открещиваться от него как от дьявольского наваждения.

Но почему православие, старшее по возрасту, чем западное христианство, не было зачинателем этого движения, более того, противилось ему, а когда наконец было в него втянуто, то не смогло им овладеть, так что движение ушло от него к силам антихристианским и в итоге привело к катастрофе?

На этот вопрос я отвечу так: в православии человек непосредственно, своей верою и подвижничеством, принимает свое высшее преображение и даже принимает в себя — в акте обожения — сущность Бога. Хотя само обожение мыслится все же отдельным изолированным событием (как в известном описании видения Серафима Саровского), но Сила Божия усматривается повсеместно в ее различных актуальных проявлениях. Не догматически, но в живой народной вере это может распространяться на земное царство и даже на национальные структуры.

В православии поэтому нет характерного для западного христианства расстояния между человеком и миром, данными изначально,— и человеком преображенным. Вернее, по смыслу оно есть, но оно преодолевается по большей части мистическим действием Божественной Силы, а не только восхождением самого человека, его творческим усилием. Движение реальности не имеет здесь отношения к основному религиозному содержанию, история не получает христианского осмысления, а остается внешним потоком, омывающим пронизанное божественными силами освященное бытие — греческую империю или московское царство.

Царства эти напоминают Древний Египет и являются до некоторой степени его наследниками. Жизнь в них чувствует себя приобщенной божественному блаженству. В этом ее уверенность в себе, ее защищенность, духовность. Но с земными реалиями дело обстоит хуже. Человек привыкает сторониться их: занятия ими не могут преобразовать мир, который преображен незримым пребыванием в нем Божества.

Теперь мы можем лучше понять природу второго московского царства, атеистического и коммунистического. Европейское движение к преобразованию воспринимается православно сформированной душой как задача насильственного построения утопии. Насилие необходимо влечет за собой ложь, потому что она — естественный способ приобретения власти над душою, нацеленной не на методическое построение лучшего бытия, а на его немедленное воцарение, над душою, склонной уверовать в осуществление утопии и перенести сакральность православного царства на тоталитарную власть. Безусловно, православие не учило лжи и насилию, более того — оно вело с ними борьбу, как могло, но отсутствие моста рациональности между человеком и Небом ослабило индивидуальную защиту от режима, явившегося в дьявольском облике заменить собою Небо, и человек был уловлен в сети обмана, утверждавшего лживое обожение мира.

Православный пласт нашей души — это третье наслоение, считая первым общетеистическое, а вторым — общехристианское. В нем, в этом пласте,— объяснение нашей склонности к стабильной жизни, нашей подверженности самообману. Душа православного происхождения может, приняв какое-то традиционное или просто случайное устройство жизни, обожествить временное и преходящее, приняв его за вечное и божественное. Человек христианского Востока отчетливее и конкретнее западного человека слышит голос сердца, но, с другой стороны, он более подвержен стагнации, менее чутко, чем его западный собрат, чувствует пульс движения и развития.

3.

И что же остается делать нам, если этот сформированный православием глубинный слой души составляет неотъемлемую часть нашего бытия? Преодолеть его, изгнать из себя, всецело приняв установку западного христианства? Наверное, это невозможно: от собственного бытия не отречешься, его от себя не оттолкнешь — либо ты разрушишь свою личность, а с нею и самое жизнь, либо отвергнутое бытие даст о себе знать исподволь, непредвидимым образом, как это и произошло с большевизмом, стремившимся к радикальной насильственной европеизации, но в действительности воссоздавшим в ужесточенном виде древнее допетровское царство и сумевшим удержаться столь долгое время только эксплуатацией духовных сил православия.

Христианство — в его дальних последствиях — реабилитирует, преобразует и активизирует индивидуальное и конкретное. В первую очередь это относилось и относится к индивидуальному человеку. Но в дальнейшем развитии очередь доходит и до этнического, народного, национального, чья неповторимая индивидуальность тоже обретает ценность и начинает жить вторым дыханием — что, правда, связано с опасностью абсолютизации, возрождения духа вражды и — в итоге — омертвления жизни.

Народам, подхватывающим и развивающим национализм, часто представляется, что их национальное начало дает им единственную возможность неповторимого и оригинального воплощения христианского движения к человеку или же — если иметь в виду «светскую» европейскую культуру, выросшую из христианства,— возможность воплощения универсального гуманизма. Но это — самообман, свойственный ранним фазам развития: со временем неизбежно должно наступить время понимания национальности как особой задачи внутри многонационального мира.

Но то, что относится к национальному, тем более приложимо к христианской религии, и в частности к православию.

До сих пор я говорил в основном о том, чего православию не хватает (хотя не забудем, что православие — связный комплекс, и эти нехватки для него могут быть очень органичными). Теперь скажу о том, что православие дает человеку и что как-то остается в его душе при отторжении от самой религии. Это можно назвать ощущением непрерывной теплоты (без него все же не обойтись), взаимной любви, согревающей и людей, и все их материальное и культурное окружение.

Вспомним самую знаменитую русскую икону. Три фигуры, связанные единою мягкою линией, одним волнообразным движением, перекличкою чистых цветов, общею круговою композицией. Все струится сияющей любовью; более того — есть видимое явление этой высшей Любви, ибо богословская традиция связывает изображаемую ветхозаветную сцену с тремя лицами самого Бога, и за ликами ангелов мыслится Его внутренняя любовь, в которую может быть принят и спасенный обоженный человек.

Этот дух божественного тепла и взаимной любви, дух пребывания в их ауре не оставляет душу православного, да и постправославного человека. Это он способен вызвать к жизни товарищество вопреки обстоятельствам, наперекор судьбе — даже на дне Гулага. И если этот дух сумеет преодолеть в себе болезнь абсолютизации своей конкретности, то окажется способным на универсальность, не уступающую европейской, а по смыслу даже превосходящую ее, ибо универсальность эта тепла и конкретна. Европейский дух, распространяясь по миру, часто — вопреки своим собственным христианским истокам, вопреки своей заинтересованности в индивидуальном — приводил к разрушению этого самого индивидуального. И это потому, что он сам оказывался вдруг охваченным волею к власти как основным мотивом. Преобразование мира — задача, полная соблазна. Как оно мыслится в осуществлении? Либо некое нежное прикосновение, заставляющее вздрогнуть, почувствовать собственные силы, проявить ответную спонтанность, либо же грубое, насильственное, практическое формирование. Но когда эта практичность преобладает, то может исчезнуть и сам импульс; только воля властвовать и остается.

Участие России в преобразовании мира за последние десятилетия было, конечно, никак не лучшим. Уж в этом-то случае европейское задание было интерпретировано откровенно грубо и насильственно, но, когда эта эпоха уйдет в прошлое, не придаст ли нам скрытое православное тепло новую чуткость, новый интерес к культурному и национальному своеобразию, и не зазвучат ли при этом новые мотивы в мировом преобразовательном процессе?

Есть известные основания утверждать, что европейское движение — это основной ствол эволюции, а православие — ее боковая тупиковая ветвь, и судьба ее — отсохнуть, уйти. Действительно, преобразование мира и человека за последние столетия — результат европейского развития. Но значит ли это, что побочные ветви не имеют никакой ценности и должны быть просто отброшены? Не большую ли ценность имеет взаимное обогащение различных путей? Не лучше ли было бы, если бы Россия оказалась способной впитать в себя западный дух свободы, а Европа — усвоить православную теплоту?

Возможен ли такой синтез, мы, строго говоря, не знаем. Но оба движения являются теперь нашими собственными; оба — неотъемлемая часть нашей истории, оба продолжаются в нашем настоящем, и никакого другого пути, кроме их совмещения, в обозримом будущем не видно.

4.

Я не ставил перед собой задачу определить, какой должна быть религия. Более того, мои суждения вообще не религиозны. Все это ведь вещи глубоко индивидуальные, определяемые личной судьбой и личным исканием. Я вообще не уверен в будущем религии. Научная картина мира довлеет сама себе и, вероятно, будет существовать всегда — как партнер и соперник религии. Искренняя религия не может не считаться с этим, но должна снова и снова выявлять в себе свою подлинную суть.

Здесь поэтому речь идет не о религии, а об осознании нашего собственного бытия, за которым стоят, конечно, могучие религиозные потоки прошлого. И все же в заключение — несколько слов о православной церкви. Ей предстоит долгий и нелегкий путь возрождения и очищения от плодов компромисса с тотальной властью. И это — не единственная проблема. Сейчас происходит приток людей в православие; но это движение может смениться на противоположное, если страна обретет благополучие. Сами люди, обращающиеся к церкви сейчас и в будущем, в достаточной степени заражены европейским духом свободы, а это может вызвать внутрицерковные конфликты. Словом, церковь вряд ли выполнит свой пастырский долг, если она не признает волю к свободе со всеми ее последствиями законной и идущей в конце концов от христианского источника; если она не примет свободы совести во всех ее проявлениях вплоть до законности искреннего неверия. Это признание трудно для тех, кто полагает, что в православной религии вся полнота истины, но оно необходимо, иначе религия станет только косной охранительной силой и потеряет способность к деятельному участию в жизни.

АЛЕКСЕЙ НОВОТОЧИНОВ

О далеких могилах, о потерянной совести...

Я был уверен, что творческая командировка в Ливан сулит новые открытия. Еще в Москве коллеги, бывавшие там, рассказывали, что в Бейруте живет в преклонном возрасте некий Николай Николаевич Даль. Более никто ничего о нем и его родственниках не знал. Как позднее выяснилось, это был сын мало кому известного в нынешней России, однако весьма уважаемого в свое время и в Москве, и в Петербурге знаменитого врача Николая Владимировича Даля.

К сожалению, и с Н. Н. Далем встреча не состоялась — из-за его скоропостижной кончины. Он был похоронен в одной могиле с отцом и матерью на христианском кладбище недалеко от американского университета в западном секторе Бейрута. Николай Николаевич немало сделал для развития культуры в Ливане, за что был награжден специальной ливанской медалью! Он возглавлял национальную музыкальную школу при ливанской академии искусств, в качестве музыкального эксперта и критика стоял у истоков создания национального ливанского гимна, выучил игре на виолончели и скрипке не один десяток талантливых ливанских музыкантов.

Незадолго до смерти этот человек потерял все, что унаследовал от отца и что успел создать сам кропотливым трудом музыканта-эмигранта. Во время всплеска междоусобных событий в Ливане осенью 1983 года в их доме в Бхамдуне (горный район в предместьях Бейрута) был полностью разграблен и сожжен уникальный семейный архив, в том числе бесценная переписка его отца Н. В. Даля с С. В. Рахманиновым, редкие книги, фотографии, исторические и литературные исследования, партитуры.

Казалось бы, все потеряно. Утрачены все нити с прошлым. Но многое прояснили встречи с женой Н. Н. Даля — Анной Иоанновной Даль. Уроженка Либавы в Латвии, медсестра, имея на руках единственный официальный документ, признаваемый различными эмиграционными властями,— паспорт Нансена, она длительное время блуждала по миру в поисках спокойной и лучшей жизни. Жила в Турции, Австралии, Аргентине, странах Европы, пока не нашла прибежище в Ливане. Во время второй мировой войны бежала в Палестину, почти пять лет провела в английских концлагерях из-за своего полунемецкого происхождения. В 1947 году после освобождения вновь вернулась в Бейрут, где вышла замуж за музыканта Н. Н. Даля, долгое время работала в известной на Ближнем Востоке клинике доктора Барбира.

В ноябре 1989 года исполнилось 50 лет со дня кончины доктора Н. В. Даля в Бейруте. Кроме небольшой группы благодарных доктору Далю людей, никто не заметил этой даты. Так, может быть, у нас

на Родине кто-нибудь вспомнит добрым словом имя этого удивительного человека, с фамилией которого связана, на мой взгляд, одна из неизвестных, но весьма ценных и интересных страничек российской истории. Предлагаю пока одну из ее возможных версий, которая родилась в итоге встреч с А. И. Даль, изучения документов и книг.

Началась далевская история с Тильзитских договоров (а возможно, лет на сто раньше), заключенных между Россией и Францией 25 июня 1807 года. Свои подписи под этими важными документами со стороны России поставили А. Б. Куракин и Д. И. Лобанов-Ростовский, со стороны Франции — знаменитый Талейран.

Князь А. Б. Куракин — родственник Б. И. Куракина, дипломата, одного из виднейших сподвижников Петра Первого. Последние годы своей жизни старый князь был послом в Париже, активно вел переговоры о займе, о женитьбе Людовика XV на дочери Петра Первого Елизавете и о заключении более тесного союза России с Францией. Именно в Париже, по семейному преданию Далей, на одном из торжественных балов князь А. Б. Куракин якобы заприметил красивую француженку — жену французского доктора Франца Даля. Миссия заканчивалась, и князь сделал предложение Ф. Далю выехать для врачебной практики в Россию. Князь настаивал на своем предложении, которое в конце концов было принято, и доктор Франц Даль со своей женой выехали в Россию. Судьба доктора неизвестна, как, впрочем, и многое другое, связанное с переездом этой французской семьи в Россию. Мадам А. И. Даль утверждает на основании воспоминаний мужа, что его отец Н. В. Даль неоднократно рассказывал о своем запутанном происхождении, о прямом родственнике, являющемся незаконнорожденным сыном именно князя А. Б. Куракина и жены Франца Даля.

Из-за высокого положения в обществе князь не мог официально усыновить незаконнорожденного сына французской подданной. Дело фактически грозило крупным скандалом. Тем не менее мальчик был отдан в один из лучших пансионов России под фамилией Даль, оставаясь по крови княжеским сыном. Возникло предположение: не родственник ли тот Владимиру Ивановичу Далю (1801—1872), создателю знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка»? Вряд ли. В. И. Даль никаким образом не связан с князем А. Б. Куракиным. Он родился 10 ноября 1801 года в Луганске, в семье врача, т. е. за шесть лет до предполагаемого (по одной из версий) переселения Франца Даля с семьей в Россию.

Несколько подробнее о Николае Владимировиче Дале. Он родился в Симферополе в 1850 году. Окончил с серебряной медалью гимназию в Керчи. В 1879 году поступил в Московский университет на физико-математический факультет. В 1884 году был принят на медицинский факультет и уже в 1900 году получил степень доктора медицины.

Начав регулярную лечебную практику, Н. В. Даль посвятил себя анатомии. Однако его заинтересовала область нервных явлений, по тем временам еще совершенно новая и неизученная. Углубленное знакомство с идеями знаменитого в то время английского ученого У. Геймса вскоре послужило одним из толчков судьбы, которые, как часто говорил сам Н. В. Даль, «помогают человеку сделать именно то, что ему нужно сделать». Он решил окончательно отойти от чистой анатомии и заняться психиатрией и гипнозом.

Решение, безусловно, смелое, поскольку тогда многие ученые мужья и широкая публика смотрели на гипноз как на шарлатанство. Врачебному гипнозу еще предстояло завоевать себе право на жизнь. Как отмечалось в статье о докторе Н. В. Дале, опубликованной за подписью «N» весной 1940 года в одной из парижских эмигрантских газет, в России это завоевание было победой доктора Даля. Детально изучив метод доктора Шарко в Париже, Даль поехал в Лозанну и некоторое время работал в клинике доктора Льебо. По возвращении в Москву он впервые применил гипноз — и сразу же блестящий результат. Это случилось при рождении его собственного сына Николая. Мария Сергеевна Даль при наступлении родовых схваток была усыплена мужем, и роды прошли безболезненно.

За более чем 30 лет врачебной практики в Москве он стал признанной знаменитостью. Прекрасный скрипач-любитель, знаток и собиратель старинных инструментов, Н. В. Даль сумел организовать популярный в свое время в Москве «врачебный квартет». В доме доктора Даля регулярно бывали Шаляпин, Скрябин, Врубель, балерина Коралли, Станиславский, Качалов, Певцов и многие другие. Кроме друзей приемную врача посещали своеобразные «далевские» пациенты — глубоко подавленные, потерявшие веру в себя люди.

Одним из них оказался С. В. Рахманинов. В самом начале своей музыкальной деятельности великий композитор пережил период нервной депрессии. Из записок Даля-отца известно, что композитор зажал уши руками и выбежал из зала, когда услышал неудачное исполнение своей Первой симфонии. Рахманинов перестал работать и считал себя творчески конченным человеком. Продолжительный курс специального лечения у Н. В. Даля вызвал резкий перелом в жизни композитора. Он снова сел за инструмент. Первое произведение, созданное им после почти двухлетнего творческого паралича,— Второй фортепьянный концерт, он посвятил своему исцелителю (впоследствии доброму другу) доктору Н. В. Далю.

В 1938 году, списавшись с Рахманиновым, доктор Даль с сыном отправились из Бейрута на свое последнее свидание с композитором в Швейцарию. В Люцерне они застали Рахманинова в чрезвычайно взволнованном состоянии. Он опасался оккупации немецкими войсками Швейцарии и из-за этого торопился уехать в Австралию, где у него был контракт на 10 концертов. Проведя с доктором всего один вечер, Рахманинов с женой улетели в Австралию...

Несмотря на превратности судьбы, доктор Даль не озлобился, не опустился. В 1939 году, в начале второй мировой войны, он писал письма Гитлеру, призывая образумиться этого «вождя нации с голубой кровью». От волнений и глубоких переживаний 16 ноября 1939 года у него произошло кровоизлияние в мозг, и через неделю он скончался...

...Стоя у заброшенной могилы Н. В. Даля на бейрутском кладбище недалеко от американского университета, я думал: «Сколько таких «Далей» — родственников художника Серова, друзей легендарного летчика Нестерова и т. д.— лежат здесь, на христианском кладбище в Бейруте»...

Я с горечью думал о россиянах, которыми наша страна могла бы гордиться, но они покоятся в безвестности на чужбине. Когда же наша совесть вспомнит и об этой далекой русской могиле, каких тысячи в Ливане?

ЭДУАРД ШТЕЙН (США)

Незамеченные поэты уходящего поколения

Блистательный литератор Владимир Сергеевич Варшавский в 1956 году в издательстве имени Чехова выпустил книгу «Незамеченное поколение». Это был захватывающий рассказ об «отцах и детях» эмиграции, о том, что молодой поросли изгнания грозило забвение, или, выражаясь словами Божнева, они были приговорены вести «борьбу за несуществование». И если бы не Варшавский, сегодня мы бы мало что знали о тех, в ком продолжал жить слабый отблеск навсегда, быть может, исчезнувшего вдохновения «русской идеи».

Есть и еще одно «незамеченное поколение» русской эмиграции: до недавнего времени исследователи как бы обходили стороной судьбы второй волны изгнания, не замечали трагедии «Архипелага Ди-Пи», почти игнорировали веру «дипийцев» в конечное освобождение России. В последнее время отношение к феномену «второй волны» изменилось, он стал предметом самого тщательного исследования, особенно в России. Если же говорить о вкладе «третьей волны» в изучение истории своих предшественников, то с горечью можно констатировать, что он мал. И мне бы хотелось восполнить этот пробел.

Имя поэта Александра Ивановича Булдеева сегодня известно лишь крайне узкому кругу специалистов. Почти тридцать лет прожил Александр Булдеев в эмиграции, но его стихи по непонятным причинам так и не были включены ни в одну из зарубежных антологий. А ведь в творческой судьбе поэта в свое время принял участие создатель символизма Вячеслав Иванов, наставлявший Булдеева: «...сделайте так, чтобы стихи у вас писались с трудом, пока это не всегда вам удается». Друг и учитель поэта Валерий Брюсов в своей статье «Клочья нервов» так оценивал поэтическое мастерство А. Булдеева: «Стихи стройны, ясны; даже там, где автору хочется выразить смятенность чувства, бред, он осторожно выбирает слова и не позволяет себе ни одного резкого выражения... Г-н Булдеев идет по достаточно проторенной дороге модернизма»...»

В разрушенном войной немецком городе Швайнфурте, в 1946 году, Александр Булдеев, анализируя пройденный путь, создает, на мой взгляд, замечательное стихотворение, в котором гармонично перекликаются извечные для нашей поэзии темы: противопоставление злу, поэт и общество.

ПАМЯТНИК

И я воздвигнул памятник себе,
Как Пушкин, иль Гораций, иль Державин,
Хотя ни одному из них не равен,
И ни с одним не сходен я в судьбе.

Мой жребий горестен: я не Атлант,
Я не держал в руке гигантской сушу,
Из бурь на брег я вынес только душу,
Пред Музой мал и беден мой талант.

И все ж к искусству слова приобщен,
Я отдаюсь мистерии поэта,
Песнь начата моя и не допета,
И я прошел над жизнью, как сквозь сон.

Я дни влачил в немыслимой тюрьме,
Со мной томились узников мильоны,
Насилье заменило нам законы,
И угасала совесть в полутьме.

Я выстрадал в глубокой немоте
Мое познанье. Узник безъязыкий,
Я слышал лишь стенания, не крики
Повешенной Отчизны на кресте.

И вот скорбя о Родине больной,
Произнося безумные обиды,
Я не воздвигнул новой пирамиды
И тверже меди стих не вылил свой.

Все преходяще, тленно на земле...
Слова мои сожрет седое время,
Развеет вихрь и глупенькое племя,
И захлестнет ненастие во мгле.

И я с моей бессмертною душой,
С моею скорбной песнью и словами,
Растоптанный солдатскими гвоздями,
Исчезну весь раздавленный толпой.

И все ж я не скорблю ничуть о том,
Что жил я в сумрачные годы:
Я был недавним из певцов свободы,
Был верен Музе в омуте людском.

О, Муза, не оставь в последний час,
Приди ко мне и сядь у изголовья,
Толкнись мне в грудь таинственною кровью,
Чтоб просиял я и навек погас!

Родился Александр Иванович Булдеев 15 августа 1885 года в селе Горелое, на берегу Азовского моря. Выпускник двух ведущих университетов страны — филологический факультет он закончил в Петербургском университете, а юридический — в Московском. А стихи? Они были с детства: одиннадцатилетним мальчиком Александр Булдеев начал их писать и вместе с театральными рецензиями (!) помещал в ялтинской газете. До революции он сотрудничал с журналами «Северное сияние», «Жатва», «Нива», «Журнал для всех» и некоторыми другими. Спектр его литературно-исторических интересов был исключительно широк: от борьбы за парламентаризм в России до противостояния западничества и славянофильства.

Большевистский переворот застал Александра Булдеева в Сибири, в Омске. Ему удается перебраться в Крым, где он успешно совмещает адвокатскую практику с поэтической и научно-литературной деятельностью.

Когда русская поэзия ушла в лагеря, а в лучшем случае, в переводы, поэт Булдеев начал заниматься переводами произведений татарских поэтов. В это же время он становится соавтором сценария для немого фильма «Алим — Крымский разбойник».

Метла «чисток» коснулась и поэта. В 1931 году он был арестован и шесть месяцев провел в симферопольской тюрьме. Чудом его выпустили. В семье поэта предполагали, что, быть может, спас его Константин Тренев, которого (о, советские парадоксы!) А. Булдеев успешно защищал как адвокат от назойливых фининспекторов.

Началась война. Крым оккупирован. Городская управа Симферополя предложила А. Булдееву возглавить газету «Голос Крыма». Условия работы были очень трудные, постоянно приходилось балансировать «по грани острой»: шаг в сторону мог быть чреват концлагерем... В условиях цензурных рогаток А. Булдеев отстаивал доброе русское имя. Ему удалось создать вокруг себя цельный коллектив русских патриотов. Тут были и замечательный русский поэт Дмитрий Крачковский (Кленовский) — нынешние исследователи творчества поэта почему-то замалчивают этот период жизни Кленовского; и крупный писатель Борис Ширяев, впоследствии написавший ужасающие по своей правде воспоминания о Соловках «Неугасимая лампада». Помогали А. Булдееву и Геннадий Панин, и публицисты Леонид и Евгения Польские. В этих трудных условиях редакция газеты выпустила в свет даже толстый журнал «Современник», правда всего лишь один номер. Где его теперь найти?

Осенью 1943 года Булдеев вынужден отправиться с семьей через Румынию в Германию. В июне 1945 года он был вывезен как беженец в город Байрёй, который находился в американской зоне оккупации. В Германии он создает поэтическую биографию преподобного Серафима Саровского «Радость Моя», которая вышла отдельной книгой уже в США в 1949 году. В том же году поэт с семьей переселяется в Америку.

Там Александр Булдеев короткое время редактировал «Бюллетень политзаключенных» и газету «Русь», но эти издания, как многие их эмигрантские побратимы, приказали долго жить. Поэт заключил договор с «отцом русского футуризма» Давидом Бурлюком на редактирование мемуаров и дневников художника-поэта, однако смерть Давида Бурлюка остановила эту работу. Для «Нового журнала» А. Булдеев подготовил исследование «История крымских татар при Советской власти» (эта рукопись затерялась в архиве редактора Романа Гуля, и судьба ее неизвестна). Скончался Александр Иванович Булдеев в Нью-Йорке 5 декабря 1974 года. Его архив представляет для исследователей исключительный интерес. Долгие годы я старался кое-что разузнать о жизни и творчестве поэта и благодарен его сыну, Ивану Булдееву, что, хотя бы фрагментарно, он мне такую возможность предоставил.

Фото Геннадия Бодрова

АЛЕКСАНДР КОРНИЛОВ

Диктатура сердца

ЛЕКЦИЯ X

Генералъ-адъютантъ
Михаилъ Тариеловичъ
ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ.

Съ фотографіи. Изъ собранія Б. М. Колюбакина.

Учреждение верховной распорядительной комиссии с Лорис-Меликовым во главе. Программа Лорис-Меликова и ее осуществление. Отношение к нему либералов и революционеров. Отставка Толстого. Реформы Лорис-Меликова. Сенаторские ревизии и крестьянский вопрос. Конституционное движение. Доклад Лорис-Меликова об учреждении особой подготовительной комиссии. Катастрофа 1 марта 1881 года.

В прошлый раз я излагал вам обстоятельства внешней политики и внешних отношений, которые привели к обострению восточного вопроса и кончились русско-турецкой войной 1877—1878 годов. Я указал вам вкратце и те непосредственные последствия, которые повлекла за собой война во внутренних отношениях и настроениях различных групп общества. Эти внутренние отношения в то время чрезвычайно обострились. Обострение это развивалось на почве всеобщего разлада в экономической и финансовой сфере народной и государственной жизни,— о чем особенно резко представлял императору Александру министр финансов Рейтерн, который был против войны и тотчас же после нее вышел в отставку, не считая для себя возможным принять ликвидацию того ухудшения финансовых отношений, которое вызвано было войной. С другой стороны, быстро росло обострение розни между правительством и обществом, обострение, ознаменовавшееся сильным развитием земского оппозиционного движения и обращением народников-революционеров на путь активной революционной деятельности, которая, развиваясь crescendo, привела их на путь ожесточенной террористической борьбы.

После преобразования пропагандистской социально-революционной организации «Земли и воли» в боевую террористическую организацию «Народной воли», окончательно сформировавшуюся после липецкого и воронежского съездов, террористические покушения направились главным образом на личность царя. Против императора Александра II предпринята была малочисленной, но необыкновенно энергичной организацией революционеров-террористов, можно сказать, систематическая осада и целая сеть подкопов, засад и т. д., причем в этой борьбе, дошедшей до крайнего азарта, революционеры не останавливались перед организацией подкопов, взрывов мостов, поездов и домов в городах, несмотря на то, что осуществление этих покушений грозило отнятием жизни у многих десятков людей; это не останавливало революционеров, жертвовавших и собственной жизнью без малейшего колебания.

С одной стороны, революционеры, убежденные в своем ослеплении, что удачное покушение иа жизнь царя послужит сигналом для народной революции, которая коренным образом изменит все условия политической и социальной жизни в России,— причем выбить их из этого ослепления было совершенно невозможно никакими доводами рассудка,— а с другой стороны, растерявшееся правительство, не сумевшее найти для себя какой-либо точки опоры в населении, с нуждами и правами которого оно не привыкло считаться, судорожно принимавшее различные репрессивные меры, которые только обостряли борьбу не на жизнь, а на смерть с революционерами и ставили в то же время в нестерпимое положение жизнь мирных обывателей, испытывавших на себе всю тяжесть осадного положения и произвола грубых и бесцеремонных сатрапов и полицейских агентов,— таково было незавидное положение России и русского общества в эти поистине трудные годы.

После покушения Соловьева в 1879 году на жизнь императора Александра и после ряда других покушений, когда всем ясно становилось, что правительство одними репрессивными мерами не может вести успешной борьбы с революционерами и не может водворить мир и порядок в стране, и в то же время, когда правительство убедилось, что его самонадеянное обращение к обществу за содействием совершенно не может привести к успеху, раз с интересами и правами этого общества правительство не склонно считаться,— появились наконец и у некоторых из члеиов правительства сомнения в правильности той внутренней политики, которая осуществлялась в течение последних лет.

В конце 1879 года в придворных и в высших административных сферах начинают все яснее сознавать, что борьба с «крамолой», ведущаяся одними репрессивными мерами, не может привести к успеху. Один из временных генерал-губернаторов, назначенных после покушения Соловьева на жизнь царя, именно харьковский генерал-губернатор Лорис-Меликов, сделал в это время опыт применения во вверенном его управлению крае несколько видоизмененной политики по собственному почину; он попытался смирить произвол подчиненной ему администрации и постарался добиться симпатий и уважения со стороны местного населения заботливым охранением его интересов, не переставая в то же время энергично преследовать революционеров, которые в Харькове особенно резко тогда выступали.

Параллельно с этим и в высших придворных сферах граф Валуев, бывший в то время председателем комитета министров, начал осторожно внушать императору мысль о необходимости примирения правительства с обществом, причем он указывал на своевременность возвращения к тем проектам об участии представителей общества в государственных делах, которые были в ходу в шестидесятых годах и могли, по его мнению, в настоящих обстоятельствах произвести на общество благоприятное впечатление. При этом Валуев извлек из архива свой собственный проект, составленный еще в 1863 году, о котором я упоминал вам, когда читал историю эпохи реформ. Со своей стороны, великий князь Константин Николаевич, который был в это время председателем государственного совета, напомнил и свой проект, составленный по его поручению в 1866 году князем Урусовым и клонившийся также к созданию некоторого зародыша представительного учреждения совещательного характера.

В то время как эти проекты обсуждались в ближайших к императору Александру кругах, а в стране, среди жестоких расправ и казней попадавших в руки администрации революционеров, продолжал царить и развиваться дикий произвол, вызывавший всеобщее раздражение и ропот, организован был революционерами взрыв в самом жилище императора Александра в Зимнем дворце. Взрыв произошел в тот момент, когда вся царская фамилия в полном составе готовилась принять участие в парадном обеде, устроенном в честь прибытия в Петербург болгарского князя Александра Баттенбергского. Это событие поразило все население и самого императора Александра чрезвычайно; произошло это 4 февраля 1880 года, причем взрыв не достиг своей цели только благодаря некоторым совершенно случайным обстоятельствам. (...)

Это было, конечно, полное фиаско той системы охраны, которая существовала, фиаско, которое обнаружило всю невозможность и крайнюю опасность этого положения,— и прежде всего обнаружило это в глазах самого императора Александра II. И вот мы видим, что в высших сферах совершается в этот момент окончательный поворот во взглядах на задачи внутренней политики.

В этом номере мы завершаем публикацию избраиных лекций из «Курса русской истории XIX века» известного русского историка А. А. Корнилова (начало в № 8—12 (1991); 1, 3—5, 8—9, 10 (1992). В 1993 году мы планируем напечатать фрагменты воспомииаиий Кориилова, хранящихся в архиве РАН.

Я вам сказал, что уже перед этим Валуев, приблизительно за месяц до взрыва в Зимнем дворце, определенно указывал императору Александру на необходимость примириться с обществом и изменить в этом отношении установившийся реакционный курс. За неделю до взрыва император Александр устроил у себя для обсуждения проекта Валуева совещание из нескольких человек министров, пользовавшихся его наибольшим доверием, при участии цесаревича Александра Александровича. Цесаревич оказался, однако, в этом случае вовсе не на стороне Валуева, а наоборот, тут именно в первый раз с очевидностью обнаружил те свои политические взгляды, которые потом он исповедовал в течение всего своего царствования. Он высказался тут с полной определенностью против всяких конституционных планов, которые предлагались Валуевым и Константином Николаевичем.

Когда же, уже после совершения взрыва, император Александр вновь собрал совещание — 8 февраля 1880 года — из тех же лиц, то наследник Александр Александрович выступил сам с определенным планом мер, которые нужно было, по его мнению, принять: он предложил учредить верховную следственную комиссию, по образцу тех комиссий, которые были учреждены в 1862 году после известных пожаров и в 1866 году после каракозовского покушения. При этом цесаревич указывал, что теперь такая комиссия должна получить более широкие полномочия и распространить свою деятельность на всю Россию.

Император Александр вначале отнесся к этому предложению отрицательно и не выказал никакого расположения ему следовать, но так как наследник настаивал и развивал свои мысли, по-видимому, не только в этом совещании, а и после его закрытия, то Александр Николаевич, обдумав в течение ближайшей ночи еще раз это предложение и собрав на другой день опять то же совещание, причем в его состав были приглашены и некоторые случайно находившиеся в Петербурге генерал-губернаторы — в том числе и Лорис-Меликов,— уже определенно заявил, что у него в связи с предложением наследника составился новый план, что он считает в данный момент неизбежным принять вполне исключительные меры и для этого решается создать особое временное диктаториальное учреждение, с передачей ему некоторых прав верховной власти. Это чрезвычайное учреждение должно было получить наименование «Верховной распорядительной комиссии» и должно было иметь чрезвычайные полномочия, главным образом для борьбы с крамолой; но вместе с тем этой комиссии предоставлялось обсудить создавшееся в России нестерпимое положение и найти способ из него выйти.

Во главе этой комиссии император Александр решил поставить генерала Лорис-Меликова — того самого, единственного из генерал-губернаторов, который обнаружил вместе со значительной энергией в борьбе с революционерами умение привлечь на свою сторону симпатии обывателей благодаря заботливой охране их прав и интересов от произвола администрации.

По-аидимому, выбор Лорис-Меликоаа был, таким образом, далеко не случаен. В самом указе о назначении этой распорядительной комиссии было объявлено, что она назначается под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и в состав ее будут введены лица, назначенные императором по его, Лорис-Меликова, представлению, что комиссии этой даются особые полномочия и что ей должны подчиняться все административные власти, даже министры, не исключая и военного, который перед тем был прямым начальником Лорис-Меликова.

До тех пор широкой публике Лорис-Меликов был известен как выдающийся кавказский генерал, прославившийся в войну 1877—1878 гг. взятием Карса, и затем как энергичный распорядитель по охране России от чумы, когда она появилась после войны в Астраханской губернии. Как харьковского генерал-губернатора его знали только на юге.

Тотчас же по вступлении в должность 14 февраля 1880 года Лорис-Меликов опубликовал прокламацию к жителям Петербурга, в которой писал, что, с твердостью стремясь к искоренению преступников, пытающихся поколебать государственный строй, он в то же время желает успокоить и оградить законные интересы благомыслящей части общества.

«На поддержку общества,— писал он,— смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества».

О личности самого Лорис-Меликова сохранилось несколько свидетельств лиц, более или менее близко его знавших и притом достаточно беспристрастных и лично не заинтересованных в его реабилитации. Сохранились, например, воспоминания о нем доктора Белоголового, который хорошо знал его и имел с ним много разговоров уже после того, как Лорис-Меликов сошел со сцены. Такое же значение имеют сведения о нем и о его взглядах в записках Кошелева, который познакомился с Лорис-Меликовым задолго до призыва его на высший государственный пост, а затем поддерживал с ним сношения и во время его правительственной деятельности, и после ее прекращения *. Все эти лица отзываются о Лорис-Меликове как о человеке искренно либеральном, вполне честном, склонном пойти навстречу лояльному общественному движению и удовлетворить справедливые требования как земств, так и вообще либерально настроенных людей, вплоть до предоставления обществу некоторого участия в государственных делах.

Не подлежит, однако, сомнению, что основные задачи миссии Лорис-Меликова в данном случае были прежде всего репрессивные; эта чрезвычайная комиссия была установлена прежде всего для борьбы с революционерами, и Лорис-Меликов на этой борьбе готовился, конечно, сосредоточить все свои силы; он понимал, что его задачи, в сущности, прежде всего полицейские, хотя в то же время смотрел на эти полицейские задачи с необычайной для русского администратора широтой. Совершенно иесправедливо установилось о нем представление как о конституционалисте, как о лице, стремившемся ввести какую-нибудь конституцию или хотя бы зародыш ее по западному образцу. Ои, напротив, не только совершенно определенно и резко отрицал возможность перенесения в Россию тех конституционных форм, которые сложились на Западе,— утверждая, что они для России по оригинальности ее условий не годятся,— но признавал совершенно несвоевременным подымать вопрос и об учреждении какого-нибудь законосовещательного собрания в духе славянофилов, какого-нибудь земского собора по образцу старинных русских

* Недавно пояаились (в январской книжкс «Голос Минувшего», за иынешний 1914 г.) интересные воспоминаиия о гр. М. Т. Лорис-Меликове *А. Ф. Кони*, который также изображает личиость Лориса в весьма благоприятном для него свете и особенно подчеркивает его прямоту и честность.

земских соборов XI и XII веков. Он не скрывал, а совершенно определенно формулировал это свое мнение — и в докладах царю, и в беседах с представителями общества. Он опасался, как говорил он царю, что собранные в какое бы то ни было государственное собрание народные представители принесут с собою массу жалоб, упреков и *справедливой* критики, на которые в данный момент правительству очень трудно будет представить удовлетворительные объяснения. Поэтому он считал необходимым прежде всего упорядочить положение дел в России путем ряда законодательных и административных мер, восстановить при этом нарушенное реакцией течение дел в тех учреждениях, которые были созданы реформами шестидесятых годов, и затем уже, приступив к улучшению и исправлению того положения, которое произведено было реакцией, он думал допустить в той или иной форме некоторое участие представителей населения в обсуждении государственных дел. Его формулировка объема и форм этого участия совершенно непохожа была на введсние каких бы то ни было конституционных форм, как вы дальше увидите.

Государь Императоръ (1), Главнокомандующій Дѣйствующей арміей (2) и Князь Карлъ Румынскій (3) на позиціи у Плевны.

Обращаясь прежде всего к своей ближайшей задаче, задаче репрессивной, Лорис-Меликов поставил дело весьма решительно; он прежде всего признал необходимым усилить и сосредоточить репрессивную власть и придать ее действиям большую целесообразность. Имснно из этих соображений он начал свою деятельность уничтожением или, вернее, реорганизацией того III отделения, которое было учреждено Николаем I при содействии Бенкендорфа и к которому с такой ненавистью относились в России все сколько-нибудь живые люди.

III отделение собственной его величества канцелярии было по его докладу уничтожено как самостоятельное учреждение и присоединено к министерству внутренних дел, причем сам министр внутренних дел был сделан шефом жандармов. Таким образом, это не была либеральная реформа или уступка обществу, а было планомерное сосредоточение репрессивной власти. Он признавал, что разделение полиции, полицейской власти между жандармским ведомством и министерством внутренних дел прежде всего вредит именно целесообразности полицейских действий и сосредоточенности репрессивной силы; таким образом, в этой его реформе никакого либерализма не было.

Ради той же цели он считал необходимым близко связать с департаментом полиции и с государственной полицией вообще также и прокуратуру, которую он и поставил в известную определенную связь с департаментом полиции, и, таким образом, в этом деле он шел, в сущности, против принципов судебной реформы 1864 года, усилив зависимость прокуратуры от административной власти; он в этом отношении проводил и продолжал ту линию поведения, которую до него принял Пален,— только с гораздо большим искусством, чем этот последний. И даже во главе департамента полиции он поставил бывшего прокурора судебной палаты — В. К. Плеве, на долю которого и выпала задача реорганизовать это учреждение.

При этом новый *диктатор* — как его звали — распространил репрессивные действия или, по крайней мере, некоторое их отражение также и на тех представителей либерального или радикального течения, которые в своей деятельности выходили из законных рамок и вступали в непосредственную связь с революционерами. Так, например, при Лорис-Меликове, как раз в начале его «диктатуры сердца», поплатился известный русский писатель — статистик и публицист, недавно скончавшийся Н. Ф. Анненский, который был выслан

тогда в Западную Сибирь. В это же время, когда борзненские земские гласные возбудили ходатайство о возвращении И. И. Петрункевича в Черниговскую губернию, то им в этом было отказано, а Петрункевичу разрешено лишь переехать, по его выбору, из Костромской губерии в Смоленскую.

Таким образом, мы видим, что репрессивная деятельность Лорис-Меликова была довольно сильна и касалась не только преследования революционеров-террористов, но и вообще всех активно боровшихся с правительством лиц. Но в то же время свои идеи о ненарушимости гражданских прав и гражданской свободы *мирных обывателей* Лорис-Меликов проводил довольно последовательно. Во главу угла своей внутренней политики он поставил в ближайшую очередь такой план: во-первых, восстаноаить в полной мере земское положение 1 января 1864 года, уничтожив все те стеснения и искажения, которые последовали в нем в реакционную эпоху; во-вторых, точно так же восстановить в полном объеме действие судебных уставов. Вместе с тем, довольно чутко прислушиваясь к голосу общественного мнения, Лорис-Меликов немедленно приступил к смене состава высшей администрации в некоторых ведомствах. Прежде всего, он настоял на увольнении в отставку графа Толстого, министра народного просвещения, и, конечно, это было одной из важнейших заслуг его перед обществом, благодаря которой он сразу приобрел в глазах многих значительные симпатии и доверие. Вместо Толстого был назначен министром народиого просвещения сознательный и искренний либерал А. А. Сабуров, который за короткое время своего заведования министерством определенно стремился вернуться к идеям Голоанина.

Затем был устранен министр финансов генерал Грейг, который обнаружил и большую бездарность как министр финансов и в то же время являлся одним из столпов реакции в комитете министров. Грейг был заменен либеральным бюрократом А. А. Абазой, который был в шестидесятых годах одним из друзей Н. А. Милютина и одним из людей, близких к великой княгине Елене Павловне. Эта перемена довольно быстро дала себя знать уничтожением тяжелого для народа налога на соль и приступом к разработке других либеральных финансоаых мер, отчасти осуществленных в последующую эпоху. Тогда же был поставлен на очередь вопрос об изменении всей податной системы, но, конечно, такой вопрос требовал известного промежутка времени для своей разработки. (...)

СДАЧА ГОРОДА И КРЕПОСТИ КАРСА 16го НОЯБРЯ 1855 ГОДА

Верховная распорядительная комиссия была закрыта через шесть месяцев после своего учреждения по докладу самого гр. Лорис-Меликова, который признал, что для дальнейшей борьбы с крамолой нет более нужды в чрезвычайных полномочиях. Тогда он был назначен просто министром внутренних дел и уже в этом положении продолжал развивать свою деятельность, придерживаясь раз принятого курса.

Переход Лорис-Меликова в министры внутренних дел, таким образом, очень мало изменил что-либо в ходе его политики. Сам он неизменно продолжал пользоваться при этом полным доверием императора Александра, и, не будучи настоящим премьером, будучи только министром внутренних дел, он на самом деле играл роль, в сущности говоря, настоящего премьер-министра *. Имея в виду создать тесную связь между правительством и представителями страны или, точнее говоря, представителями общественного мнения в стране, Лорис-Меликов все больше склонялся подойти к тем прогрессивио и более или менее демократически нвстроенным кругам земцев, которые опять в это время оживились и деятельиость которых в значительной мере являлась продолжением тех идей и тех мыслей, которые высказывались в земских собраниях в самом иачале существоваиия земств в коице шестидесятых годов.

* Завидовавший его положению Валуев называл его в шутку в своем дневнике «ближним боярином».

Приияв во внимание те заявления, которые он получал от различных деятелей н земств, с которыми ои имел иепосредствеииое общеиие, заявлеиня как устные, так и письмеииые,— особенио здесь следует упомяиуть о записке, составленной представителями московского общества (редактированной Муромцевым и Чупровым) и поданной ему тотчас же по вступлении его в должность председателя верховной распорядительной комиссии,— Лорис-Меликов многое из этих заявлений пытался так или иначе удовлетворить. В тех начинаииях, которые были им предприняты, можно без труда различить пожелаиия этой любопытной записки. (...)

Вопрос об административной крестьяиской реформе Лорис-Меликов призиал возможным передать на предварительное обсуждеиие земствам. Циркуляром 22 декабря 1880 года ои поручил всем губернаторам предоставить уездным и губернским земским собраниям обсуждение крестьянского вопроса в довольио широком виде. Рвспоряжеиие это, рвзумеется, послужило поводом к зиачительному оживлению земской работы. В то же время это оргаиически связало работу земств между собою и с работой правительства, и таким образом этим распоряжеиием впервые серьезио поставлен был вопрос о связных действиях правительства и земства. Большие надежды возлагались в то время и на сенаторские ревизии, о которых Лорис-Меликов упомянул в своем вышеприведеином собеседоваиии с редакторами газет и журналов и которые действительио были осуществлеиы едииовременно в ряде губериий. Материалы, добытые этими сенаторскими ревизиями, должны были поступить затем иа обсуждение правительства, причем оно предполагало к этому обсуждению привлечь и представителей общества.

Такая политикв культивирования связи правительства с представителями страны и общественного мнения имелв иесомиеииый успех, и мы видим, что даже такие радикально настроеиные земства, как тверское, относились к этим мерам и вообще ко всему направлению Лорис-Меликова с полным одобрением. Тверское земское собрание 1880 года отправило гр. Лорис-Меликову адрес, в котором, между прочим, было сказано:

«В короткое время, ваше сиятельство, сумели оправдать и доверие государя, и многие из надежд общества. Вы внесли прямоту и доброжелательность в отиошения между властью и народом. Вы мудро признали законные нужды и желаиия общества».

В заключение тверское земство выражало уверенность, что «прискорбиое прошлое не воротится, а для дорогого нам всем отечества открывается счастливое будущее».

С тех пор, как существуют земские учреждения, руководители высшей государствениой политики ни разу ие удостаивались общественного одобрения в таких искренних выражеииях ни раиьше, ни после Лорис-Меликова.

Но со стороны революциоиеров деятельиость Лорис-Меликова ие только не вызывала никакого одобрения, ио, напротив, порождала крайиее озлобление и, можно сказать, крайнюю тревогу в революционных кругах. Революциоииые круги в это время вообще иаходились в некотором расстройстве, вследствие одного крайне неблагоприятного для них обстоятельства. Дело в том, что в Харькове был арестован весьма видный член исполнительного комитета, Гольдеиберг, убивший в 1879 году харьковского губернатора кн. Кропоткина, и этот Гольденберг был приведен ловкой тактикой жандармских следователей не только к полному раскаяиию, но и к выдаче почти всех своих товарищей. Таким образом правительство в это время не только получило полный список членов исполнительного комитета, но и могло часть их арестовать, а другие должны были бежать, принимать разные меры предосторожности и всячески укрываться. Понятно, что это обстоятельство виесло в деятельность революционеров значительиое расстройство.

В сущности говоря, главиым образом этим и объясняется тот перерыв в террористических актах и покушениях, который в это время был налицо. Между тем это обстоятельство в значительной мере ввело в заблуждение и самого Лорис-Меликова, которому казалось, что этот перерыв озиачает не только ослаблеиие эиергии революциоиеров, но знаменует решеиие их отказаться от той террористической борьбы, которая так иапряженно до сих пор ими велась. В этом отношении Лорис-Меликов несомиеино ошибался: чем более расстроенными чувствовали себя иа свободе революционеры, тем более признавали оии иеобходимым теснее сплотиться и энергичнее повести атаку, предвидя, что вскоре может последовать и дальнейший развал в их кругах.

Несомиенно их чрезвычайно тревожила и в высшей степени озлобляла сама политика Лорис-Меликова, которая клонилась нмеиио к тому, чтобы *изолировать революционеров*, и они естествеино могли опасаться скоро увидеть себя обойденными и отрезаиными от общества ловкой и рациональио направлеиной политикой «диктатуры сердца». Поэтому если в 1880 году действительио ие было новых террористических актов, за исключением покушения иа самого Лорис-Меликова, произведеиного Млодецким, отиосительно которого исполнительный комитет выпустил объявление, что это не его дело, а личный акт Млодецкого,— за исключением этого покушения, других покушений ие было,— то зато в подпольной прессе чрезвычайно резко порицалась вся политика Лорис-Меликова, делались попытки подорвать к нему всякое доверие, причем его политика характеризовалась как политика «лисьего хвоста», иаправленная к тому, чтобы обмануть общество и просто сделать карьеру.

Вы видели уже из предыдущего, что эта кввлификация не может быть призиаиа правильной: Лорис-Меликов едва ли может быть обвинен в двоедушной политике и в лукавстве. Политика его, напротив, отличалась в сущности зиачительной прямотой, и еслн он ие симпатизировал введению в то время коиституционных учреждеиий в России, то ои не только этого не скрывал, но сам, как вы видели, объявлял об этом редакторам газет и журналов, с которыми имел собеседоваиия.

В то же время он понимал, однако, что сохранить и развить ту связь с представителями общества и земства, которую ему удалось установить, возможно только в том случае, если он даст в той или иной форме исход ярко проявившимся в этих передовых кругах общества стремлеиням приилть участие в государствениой деятельности. Эти стремления достаточно ярко выражались и в поданных ему записках, и в тех словесных собеседованиях, которые он вел. И вот, в коице концов, оствввясь при своем миеиии о иевозможности ввести

в России конституционные учреждения на западноевропейский образец и о несвоевременности созыва даже и земского собора, Лорис-Меликов все-таки изобрел план известной формы общения между представителями власти и общества.

В докладе, который был им представлен императору Александру 28 января 1881 года, указав на невозможность распространения в России конституционных учреждений и созыва земского собора, он настаивал в то же время на том, что необходимо все-таки удовлетворить те стремления передовых представителей общества к участию в государственной жизни, которые он со своей стороны находил совершенно понятными и законными, раз они выражались в лояльных формах. Он предлагал такой план для удовлетворения этих стремлений: по его мнению, следовало вернуться к тому способу привлечения общественных сил на государственную работу, который практиковался в эпоху разработки крестьянской реформы; именно, он и в данном случае представлял, что самое лучшее будет детально разработать целый ряд тех довольно существенных преобразований, которые он замышлял провести, в особых редакционных комиссиях, которые должны быть составлены частью из иаиболее способных чиновников высших государственных установлений, частью же из лиц, призванных из состава общества: земских деятелей, профессоров, публицистов и т. п.— одним словом, из лиц, более или менее компетентных в рассматриваемых вопросах. Он предлагал в первое время таких подготовительных комиссий составить в Петербурге две. Одну из них, названную им *административно-хозяйственной*, он предназначал для общих административных преобразований, причем на эту комиссию он предполагал возложить такие дела:

«а) преобразование местного губернского управления, в видах точного определения объема прав и обязанностей оного, и приведение административных учреждений в надлежащее соответствие с учреждениями судебными и общественными и потребностями управления;

б) дополнение, по указаниям опыта, положений 19 февраля 1861 года и последующих по крестьянскому делу узаконений, соответственно выяснившимся потребностям крестьянского населения;

в) изыскание способов: 1) к скорейшему прекращению существующих доныне обязательных отношений бывших крепостных крестьян к своим помещикам (т. е. вопрос об обязательном аыкупе.— *А. К.*) и 2) к облегчению выкупных крестьянских платежей в тех местностях, где опыт указал на крайнюю их обременительность;

г) пересмотр положений земского и городового, в видах пополнения и исправления их по указаниям прошедшего времени.

д) организация продовольственных запасов и вообще системы народного продовольствия (так как обнаружилась полная недостаточность ранее существовавших установлений в случае тех голодовок, которые только что были пережиты в России.— *А. К.*).

и е) меры к охранению скотоводства».

Предметом занятий другой комиссии, которую Лорис-Меликов называл *финансовой*, должны были служить вопросы податной, паспортный и т. п., согласно указанию государя по докладу министров финансов и внутренних дел.

Вы уже видели, что для разработки этих преобразований Лорис-Меликов настоял на перемене лица, стоявшего во главе финансового управления, причем вместо Грейга назначен был прогрессивно настроенный А. А. Абаза.

Затем, составленные этими подготовительными комиссиями законопроекты должны были поступать на обсуждение *общей* комиссии, которая должна была быть образована,— во-первых, из полного состава подготовительных комиссий, а затем из лиц, призываемых с мест в качестве экспертов. Эти эксперты соответствовали бы тем депутатам губернских комитетов, которые явились, как вы помните, критиками работ редакционных комиссий в 1859 году. Лорис-Меликов, однако, полагал, что в данное время эти представители местного общества должны быть выбираемы земскими учреждениями — по крайней мере там, где эти учреждения уже существовали. Он предлагал предоставить каждому земству выбрать двух представителей; точно так же он полагал предоставить и значительным городам выбирать двух представителей каждому, а затем, от тех местностей, где не были введены учреждения земского или городского самоуправления, предполагалось уже по выбору власти приглашать двух представителей местного общества. Земствам Лорис-Меликов предполагал предоставить право выбирать своих выборных не только из среды местных гласных, но и вообще из местных людей, знакомых с положением и обстоятельствами обсуждаемых дел; поэтому допускалось по его проекту и участие местной интеллигенции, что, конечно, имело бы довольно существенную важность в этом деле.

Затем, все разработанные этой *общей* комиссией законопроекты должны были обычным путем поступать в государственный совет, причем в его состав приглашалось бы 10—15 выборных лиц, которые должны были играть и тут роль представителей общественного мнения.

Вы видите, таким образом, что в этом проекте ничего общего с каким бы то ни было *конституционным устройством* не было, и поэтому проект этот совершенно неправильно называется в литературе конституцией Лорис-Меликова. Сам Лорис-Меликов, как вы видели, очень старательно опровергал все слухи о том, что он стремится к конституционному устройству, и высказывал прямо противоположные взгляды. Его проект был чрезвычайно скромен по своему характеру; но нельзя отрицать, что все-таки это была бы весьма важная для того времени попытка установить правильный обмен мыслей между обществом и правительством, которая, может быть, повела бы к образованию в конце концов известного представительного учреждения, представительных форм, которые бы, может быть, и дали в результате мирным путем конституционное устройство России, чего она добилась лишь в последние годы уже на наших глазах, и добилась, как вы знаете, только путем революционным, без возможного органического подготовления к этому самого населения.

Таким образом, можно сказать, что политика Лорис-Меликова проводилась не без удачи; но то обстоятельство, что он несколько оптимистически взглянул на результаты своей системы по отношению к подавлению революционных организаций, сыграло в этом деле весьма трагическую роль.(...)

Революционеры, как я вам уже сказал, вовсе не склонны были вследствие либеральных выступлений Лорис-Меликова прекратить свою террористическую деятельность; напротив, озлобленные этой, как вы видели, весьма действенной попыткой отделить их от передовых слоев русского общества, революционеры именно в этот момент напрягли все оставшиеся у них

силы, чтобы нанести правительству решительный удар. И вот не на личность Лорис-Меликова, которого они старались третировать как человека ничтожного, а на личность самого императора Александра II революционерами задумывается целый ряд новых террористических покушений, делается целый ряд подкопов. Петербург, можно сказать, в ряде мест был минирован: был сделан подкоп на Малой Садовой (теперь Екатерининской) улице, из сырной лавки Кобозевых; взрыв здесь должен был быть так силен, что, по мнению экспертов, от него должна была бы среди улицы образоваться воронкв в две сажени в диаметре, причем не только сочла необходимым не только не прекращать этой попытки, но возможно скорее довести ее до конца, предвидя, что с арестом Желябова и Тригони грозит разрушение и всей наличной революционной организации. И когда 1 марта Александр, не послушав увещаний Лорис-Меликова, который указывал ему, что что-то готовится, и уже два раза успел удержать Александра от воскресного выезда,— когда на этот раз император его не послушал и поехал на развод войск и после этого развода отправился в Михайловский дворец (где теперь музей Александра III) — к великой княгине Екатерине Михайловне, а оттуда должен был поехать в Зимний

Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II въ сопровожденіи главнокомандующаго генералъ-адъютанта князя Горчакова слѣдуетъ къ войскамъ изъ Бахчисарая на Сѣверную сторону Севастополя, 29 октября 1855 года.

погиб бы император, но вылетели бы рамы и разрушились бы печи во всех близ стоящих домах и, конечно, пострадало бы множество посторонних людей.(...)

Затем под Красным мостом на Гороховой улице был сделан другой подкоп, и, наконец, убедившись, что подкопы очень часто не достигают своей цели, частью потому, что трудно установить путь и момент проезда императора, частью потому, что их ведение слишком продолжительно и полиция может их легко открывать, революционеры решили пустить в ход покушение с метательными снарядами. За неделю до 1 марта Желябов «кликнул клич», как это тогда называлось в террористической организации «Народной воли», т. е. просто вызвал желающих молодых людей из числа революционеров выйти на улицу с этими снарядами. Снаряды были изготовлены талантливым техником Кибальчичем. Все эти приготовления шли чрезвычайно спешно, когда же в конце февраля были арестованы Желябов и Тригони, то оставшаяся на свободе Софья Перовская (принадлежавшая когда-то к кружку чайковцев и сделавшаяся к этому времени решительной террористкой) дворец,— то революционеры с Софьей Перовской во главе проявили на этот раз такую эиергию, что, не зная точно, каким путем поедет император, маневрировали со своими снарядами по улицам, и Перовская несколько раз переставляла лиц с бомбами, чтобы они непременно пришлись на пути следования государя. Обстоятельства катастрофы всем более или менее известны, и я не буду ее здесь описывать.

Катастрофа эта явилась роковым исходом для всей той системы мер, которая проектировалась Лорис-Меликовым...

Взошедший на престол после Александра II-го император Александр III, как вы могли уже заключить по тем мнениям, которые он высказывал на совещании, предшествовавшем взрыву в Зимнем дворце, не обещал быть государем либерального направления. Так оно впоследствии и оказалось; но первые шаги его царствования подвергнуты были большим колебаниям, и тот курс, который при нем окончательно установился в восьмидесятых годах, установился далеко не сразу.

Тот самый ЯКОВ БРЮС

На долю персонажей российской истории выпадали разные посмертные судьбы. Кто-то однажды и навсегда ушел в небытие, о других помнят только историки, иные попали в герои произведений изящной словесности. И только некоторые — очень немногие,— утратив земную плоть, обрели новое, нередко вполне самостоятельное, существование в фольклоре — в анекдоте, исторической песне, легенде.

В Москве особенной популярностью издавна пользовался сподвижник Петра Великого граф Яков Вилимович Брюс. Он был настолько известен и любим, что отголоски сочиненных о нем легенд, правда вялые и лишенные живости и былого блеска, можно и сейчас еще услышать в районе Басманных улиц или на пепелище Брюсовой усадьбы Глинки, близ станции Монино.

Исторический граф Брюс родился в 1670 году и происходил из старинного шотландского рода, занимавшего одно время королевский престол. Его отец Вильям Брюс был вынужден покинуть родину во время правления Кромвеля и при царе Алексее Михайловиче переселился в Россию. Один из его сыновей, Роман, был первым петербургским обер-комендантом; под его наблюдением возводилась Петропавловская крепость.

Яков Вилимович участвовал в большинстве военных походов Петровского времени, сопровождал Петра в заграничном путешествии. Он дослужился до чина генерал-фельдцейхмейстера. В 1717 году был назначен президентом Берг- и Мануфактур-коллегий; в 1721 году получил графский титул. Вместе с А. И. Остерманом участвовал в мирных конференциях со Швецией и подписывал Ништадтский мир, подведший черту под Северной войной.

Как и большинство соратников Петра, Брюс был человеком неуемной энергии и широких интересов. Он занимался математикой, физикой, астрономией, вел географические изыскания, переводил с немецкого и английского ученые книги. Им была устроена при Московской Навигацкой школе (размещавшейся в знаменитой Сухаревой башне) первоклассная по тем временам обсерватория. В. Н. Татищев называл Брюса человеком «высокого ума, острого рассуждения и твердой памяти».

Под началом Брюса находилось в петровское время все типографское дело России. В 1709—1715 годах под его надзором был выпущен в свет первый русский календарь, составленный главным образом царским библиотекарем Василием Киприяновым. Книга содержала в себе, помимо календарных сведений, данные о восхождении и заходе солнца, долготе дня и ночи, святцы, а также астрологические предсказания с 1710 по 1821 год, переведенные из иноземных источников.

Уже с 1726 года, когда, выйдя в отставку, Брюс окончательно осел в Москве, о нем поползли интригующие слухи.

В его окнах по ночам горел свет, в комнатах шумели и сыпали искрами невиданные приборы, громоздились на столах таинственные толстые книги в черных кожаных переплетах, реторты и колбы для химических опытов.

Умер Брюс в 1735 году холостым и бездетным. После смерти его фигура стала обрастать новыми фантастическими подробностями, сложившимися затем в несколько устойчивых легендарных сюжетов.

В Москве Брюс жил в Немецкой слободе, на Вознесенской улице (нынешней ул. Радио), близ Горохова поля. Дом его стоял неподалеку от немецкой кирхи, у стен которой он и был похоронен. Ни дома, ни могилы, ни кирхи ныне не существует, но дух Брюса продолжает незримо витать над этими местами, простирая свое влияние и на Басманную слободу, и на Красное село, и даже на Лефортово. Еще в эпоху романтизма русские литераторы учуяли явственный запах чертовщины, исходящий от этих мест. Антоний Погорельский развернул здесь действие двух своих фантастических повестей — «Исидора и Анюты» и «Лафертовской маковницы». На Басманной, до переезда на Никитскую, жил пушкинский Гробовщик.

Впоследствии традиция была продолжена блестящей фантасмагорией А. В. Чаянова «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина...», где и сам граф Брюс являлся на сцену и строил козни главным героям.

Истинное место, где стояло жилище Брюса, со временем забылось, но московская молва быстро нашла невдалеке другой дом, который и нарекла Брюсовым. Это дом на Разгуляе, точнее — на углу Елоховской (ныне Спартаковской) улицы и Доброслободского переулка, где до революции размещалась 2-я московская мужская гимназия, а ныне находится МИСИ. С момента постройки до 1834 года дом принадлежал семейству графов Мусиных-Пушкиных и вошел в историю главным образом тем, что в нем хранилась и пропала в 1812 году единственная дошедшая до нового времени рукопись «Слова о полку Игореве».

В конце XVIII века один из Мусиных-Пушкиных (впрочем, не из тех, что владели домом) женился на внучатой племяннице Я. В. Брюса — Екатерине Яковлевне Брюс. Их потомки стали именоваться Мусиными-Пушкиными-Брюсами. Этой приставки к фамилии оказалось достаточно, чтобы в сознании москвичей здание сделалось «домом колдуна Брюса».

В доме, овеянном мрачной и романтической славой, стали искать зловещие черты — и нашли, как водится. На фасаде, между окнами второго этажа, красовалась вмурованная в стену белая продолговатая доска странной трапециевидной формы с нанесенными на нее загадочными знаками.

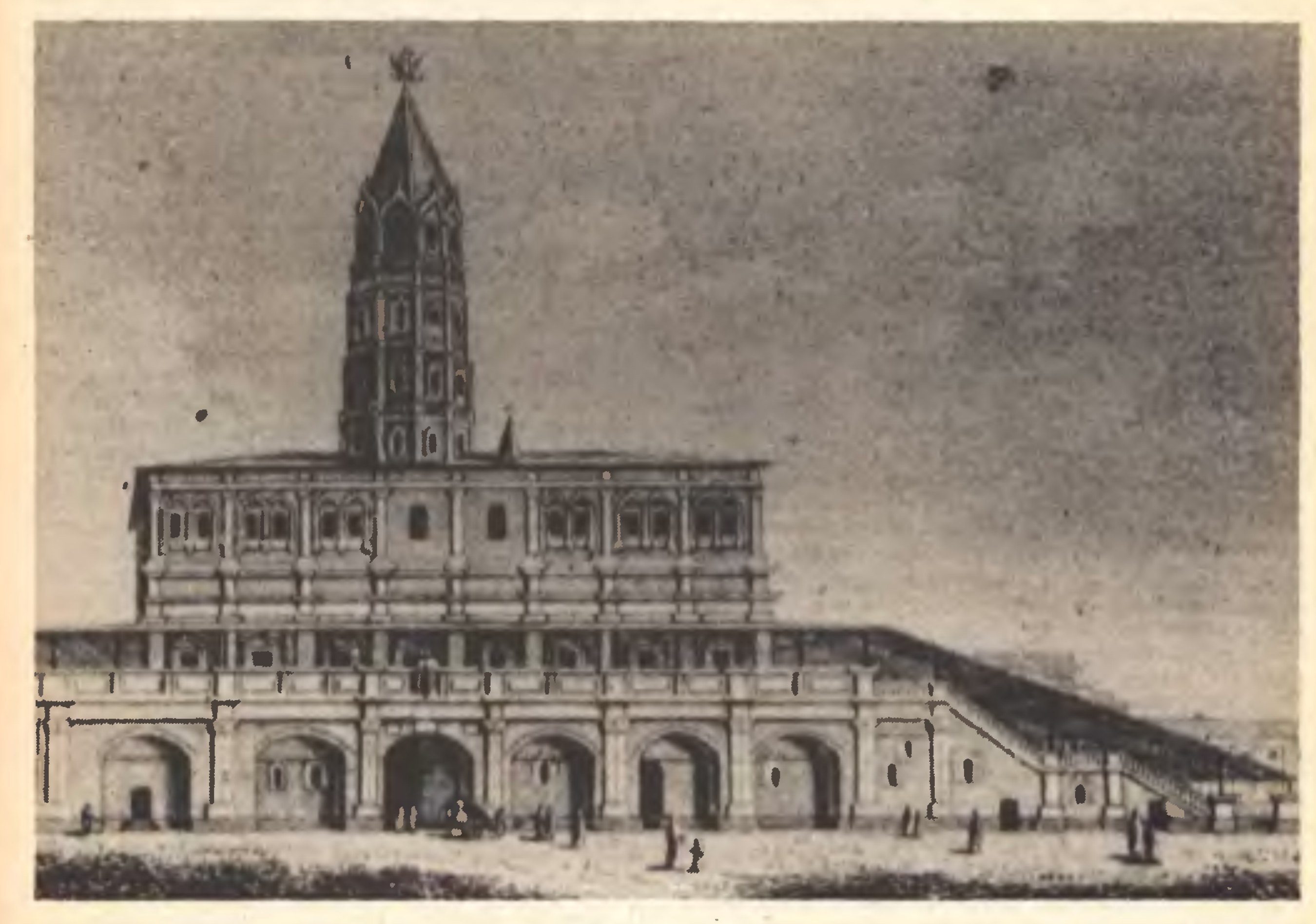
В феврале 1926 года А. В. Васнецов сделал на заседании общества «Старая Москва» специальный доклад об этой доске. Она представляла собой своеобразный «вечный календарь», который действовал подобно солнечным часам: в полдень тень падала на деление, соответствующее определенному числу того или иного месяца. На полях доски были нанесены астрологические символы и еще какие-то полустертые знаки, трактовать которые Васнецов затруднялся. Впрочем, вся доска к этому времени была уже в плохом состоянии, и изображения почти не различались, что делало их в глазах москвичей еще более загадочными и интересными.

Эта доска на «доме Брюса» оказалась средоточием всего таинственного, что связывалось с его предполагаемым владельцем. И ее форма — похожа на крышку гроба и выбитый на ней крест, и не поддающиеся истолкованию знаки — все это наводило сладкую жуть на москвичей.

Публикуемые легенды были записаны в 1920-х годах московским фольклористом и литератором Евгением Захаровичем Барановым (1869— после 1934).

ЕВГЕНИЙ БАРАНОВ

КОЛДУН ИЗ СУХАРЕВОЙ БАШНИ



1. Как Брюс из старого человека молодого сделал

В Сухаревой башне жил этот Брюс. Ну, тут только банки стояли с разными составами да подзорные трубы, а главная мастерская у него была в подземелье — там и работал по ночам. Мастер на всё был. Вот раз взял да и сделал горничную из цветов. Настоящая девушка была: комнату убирала, кофий подавала, только говорить не могла. Приходит царь Петр Великий.

— Хороша,— говорит,— у тебя служанка, только одно плохо — не говорит. Немая, что ли?— спрашивает.

А Брюс говорит:

— Да ведь она не рожденная. Я,— говорит,— из цветов ее сделал.

А царь не верит:

— Полно,— говорит,— зря языком трепать, мыслимое ли это дело?

— Ну,— говорит Брюс,— смотри!

Вынул из головы служанки булавку, она вся рассыпалась цветами. Царь смотрит, дескать, что это за чудо такое?

— Как,— говорит,— ты этого добился?

— Наукой,— говорит Брюс.

— Да ведь наука науке рознь,— говорит царь.— Может, волшебством? Ты,— говорит,— лучше признайся.

А Брюс ему отвечает:

— Мне,— говорит,— нечего признаваться. Вот мои книги, вот составы, смотри сам.

Посмотрел Петр книги. Видит — книги ученые. А Брюс не все книги показал ему — самые главные по волшебству были спрятаны в подземелье, тринадцать штук. Очень редкие и тогда были, а теперь и не найти. Но Петр все же не поверил ему. А без волшебства тут ничего не поделаешь. Только ведь это не такое волшебство, вроде колдовства. Это в деревне раньше были колдуны. Действительно, попадались знатоки... И так у них заведено было: от отца сыну передавалось, весь род — все колдуны были. Но до Брюса им далеко. Есть и теперь в деревне, только не колдуны, а выдают себя за колдунов, и не от науки действуют, а наобум святого Лазаря. Иной-то дуролом поймает лягушку и примется шилом ей голову колоть.

— Мне,— говорит,— надобно достать лягушиные мозги, чтобы сделать лягушиное масло.

А для чего, спроси. Он и не скажет — сам не знает. Он слышал звон, да не знает, откуда он. Тут не каждая лягушка годна, а нужна жаба, да и не мозги ее требуются, а сердце. Положат ее в муравейник, муравьи и объедят ее. Да ведь все с умом надо делать, а не на авось. Тоже вот и травы: надо знать, какая против какой болезни действует. А то дадут тебе такого настоя, что ты на стену полезешь или станешь на людей кидаться. На все надо наука, но только без ума и наука ни к чему.

Тоже вот и Брюс: науки науками, а ум-то у него все разрабатывал. И все доступно было ему. Квартира его была на Мясницкой — жена там жила. И посейчас дом этот цел, гимназия там раньше была. Так вот Брюс сделал вечные часы и замуровал в стену. И до настоящего времени ходят эти часы. Приложишься ухом к стене и слышишь, как стучат: тик-тук... тик-тук... А сверху вделал в стену такую фигуристую доску, а к чему — неизвестно. Ну, думает хозяин, к чему эта доска? Долой ее! Начали выламывать — не поддается. Позвали каменщика. Он стук киркой, а кирка отскочила, да его по башке тоже стук. Каменщик удивляется.

— Что за оказия?— говорит.

Да тут хозяин проговорился.

— Эту,— говорит,— доску еще Брюс вделал.

Тут каменщик и принялся ругать хозяина.

— Чего же,— говорит,— ты раньше не сказал мне об этом? Пусть,— говорит,— черт выламывает эту доску, а не я!— И ушел.

Хозяин и приказал закрасить доску. Ну выкрасили, а ее все еще видно. И вот тут что главное: как быть войне, доска становится красной. Перед японской войной замечали, перед германской... Закрашивали ее сколько раз, она все выступает. А где подъезд — медная доска прибита и на ней какие-то буквы вырезаны, и тоже неизвестно для чего. Приходили профессора, смотрели.

— Это,— говорят,— Брюсова работа, а что означает — ничего,— говорят,— не можем понять.

А ведь, гляди, недаром же прибита доска?..

Ну, это все не то. А вот как он из старого человека молодого сделал, это действительно чудо из чудес... Работал-работал и добился-таки — выдумал эти составы. Сперва-наперво он над собакой сделал испытание. Разыскал старую-престарую собаку, да худющую такую — кости да кожа. Притащил он этого пса в подземелье, изрубил на куски, потом перемыл в трех водах. После того посыпал куски порошком, и снова они срослись как следует, по-настоящему. Вот он полил на эту собаку из пузырька каким-то составом, и сейчас из нее получился кобелек месяцев шести. Вскочил на ноги, хвостом замахал и давай вокруг Брюса бесноваться. Известно, малыш: ему бы только поиграться. Тут Брюс и обрадовался.

— Наше дело на мази!— говорит.— Теперь всех стариков сделаю молодыми, пусть живут.

А этот кобелек так и остался при нем. Как вечер, сейчас взберется наверх и поднимет брех: тяв-тяв... тяв-тяв...

А народ, который мимо идет, поскорее бежать: думает, что это Брюс собакой обернулся и свою башню сторожит. Понятно, не знали, в чем тут дело.

Вот приходит к нему царь Петр и говорит:

— Где ты достал такого славного кобелька?

А Брюс говорит:

— Это я его из старой собаки переделал.

— Как так?— спрашивает царь.

Брюс все рассказал ему, а царь не верит.

— Ну, хорошо,— говорит Брюс,— приведи ко мне самого старого старика, я из него сделаю молодого парня.

Отыскали такого старючего деда, что он и лета свои позабыл считать и ходить не может, не слышит ничего. В носилках притащили его в башню, спустили в подземелье. Вот как царская прислуга ушла, Брюс изрубил в куски старика, перемыл в трех водах, посыпал порошком. Вот видит царь — ползут эти куски один к другому, срастаются. И видит — лежит целый дед... Тут Брюс полил из пузырька, и заместо этого деда поднимается молодой парень. Встал, стоит и смотрит. Тут Петр очень удивился и думает: «Наяву ли я или во сне?» Потом приказывает выгнать этого парня. Брюс и выпроводил его, ну, может, дал ему рублишко-другой... Потом натравил на него кобелька. Как принялся кобелек за икры хватать, так этот парень, точно полоумный, бросился бежать.

После этого Петр и говорит:

— А ты брось свою затею, чтобы из стариков делать молодых.

— А почему бросить? — спрашивает Брюс.

— По этому, по самому,— говорит Петр,— что из этого, кроме греха, ничего не выйдет. Ведь если переделать стариков на молодых, тогда и смерти не будет человеку. И как,— говорит,— тогда жить? Ведь ежели теперь люди грызутся, то тогда,— говорит,— за каждый вершок земли станут резаться. А с человека довольно и той жизни, какая ему определена. Ты,— говорит,— уничтожь эти порошки и составы и больше не занимайся этаким делом.

Брюс послушался, уничтожил. Только он тут другую штуку придумал: сделал из стальных планок и пружин огромаднейшего орла. Сядет на него верхом, придавит пружинку, орел и полетит. И сколько раз летал над Москвой. Народ и высыпет, задерет голову и смотрит. Только полицмейстер ходил к царю жаловаться на Брюса.

— Первое,— говорит,— от народу нет ни прохода, ни проезда. А второе,— говорит,— приманка для воров: народ,— говорит,— кинется на Брюсова орла смотреть, а воры квартиры очищают...

Ну, царь дал распоряжение, чтобы Брюс по ночам летал. А говорят, не знаю, правда ли, что нынешние аэропланы по Брюсовым чертежам сделаны. Будто профессор один отыскал эти самые чертежи. И будто писали об этом в газетах...

Но только долетался Брюс на своем орле. Полетел раз и не вернулся — унес его орел, а куда — никто не знает. Царь жалел его:

— Такого,— говорит,— Брюса больше у меня не будет.

И верно, не было ни одного такого ученого.

(Рассказывал в Москве в марте 1923 г. маляр Василий. Фамилия его мне не известна; рассказ происходил в чайной «Низок» на Арбатской площади, за общим столом.)

II. Смерть Брюса

Пропал Брюс через свою жену и ученика своего: они погубили его. Брюс был старый, а жена молодая, красивая. Ученик тоже старый был. Тут как раз к этому времени Брюс выдумал лекарство... ну, такой состав, чтобы старого переделывать на молодого. А еще не пробовал, как он действует: удача будет или неудача? А на ком испытать? Думал, думал... Вот позвал ученика в подземелье. А у него в этом подземелье тайная мастерская была — никого в нее не пускал. И как позвал ученика, взял да и зарезал. Всего на куски изрубил, сложил в кадку, посыпал порошком. А сам рассказал, что будто рассчитал своего ученика, так как он ленивый. И целых девять месяцев в кадке лежали эти куски. Это как женщина носит ребенка девять месяцев, так и тут. Вот на десятый месяц взял он изрубленное тело, вывалил на стол, сложил кусок к куску, как было у живого. Как сложил — сейчас полил составом, куски все срослись. Он взял, из пузырька покапал. И поднялся ученик: был старый, стал молодой.

— Вот,— говорит,— как я спал долго!

А Брюс говорит:

— Ты спал девять месяцев. Ты,— говорит,— вновь народился.

— Как так? — спрашивает ученик.

Брюс рассказал ему. А тот не верит.

— Это,— говорит,— белой кобылы сон.

Брюс и говорит:

— Когда не веришь — посмотри в зеркало.

Вот ученик посмотрел в зеркало, видит — совсем молодым стал.

— Это,— говорит,— такие чудеса, что и сказать нельзя. По наружности,— говорит,— я молодой, а по уму старый.

Вот Брюс и приказывает ему:

— Ты,— говорит,— смотри, никому не говори, что я сделал тебя молодым. И жене моей не говори. А рассказывай, что ты у меня новый ученик. Я буду то же говорить.

Потом стал он учить его, как переделывать старого на молодого.

— Это,— говорит,— для того учу тебя, что сам хочу переделаться на молодого. А когда,— говорит,— будут спрашивать, где Брюс, говори: уехал, мол, на девять месяцев, а куда — неизвестно. И жене моей не рассказывай про наше дело, а то она по всей Москве разнесет.

И взял с ученика клятву, что все исполнит как следует. И отдал он ученику эти порошки и составы. И после того ученик зарезал Брюса, на куски изрубил, в кадку положил, порошком посыпал. А сам молчок. Но только жена Брюсова, как увидела молодого ученика, сейчас полюбила его. Ну и он оказался тоже парень не промах. Одним словом, закрутили они вдвоем любовь. Ну, он тоже брех оказался: все выложил Брюсовой жене. А та говорит:

— Не надо переделывать Брюса на молодого. А будем,— говорит,— жить вместе: ты будешь заниматься волшебными делами, а я по хозяйству управлять стану.

Вот ученик и взял себе в голову:

— Это,— говорит,— верно. Я,— говорит,— довольно обучен и буду как Брюс.

Но только ему до Брюса было очень далеко: и сотой части Брюсовских наук не знал.

Ну, время идет. Народ удивляется:

— Что это, мол, Брюса не видать, не слыхать?

И царь Петр Великий спрашивает:

— Где это девался Брюс? Раньше,— говорит,— каждое утро с рапортом являлся, а теперь не приходит?

А это, значит, такой рапорт: что он за ночь выдумает, то утром докладывает царю. Вот пошли от царя узнать насчет Брюса. А ученик говорит:

— Уехал на девять месяцев, а куда — неизвестно.

Ну, те и доложили царю. И тут девять месяцев кончились. Вот ученик и Брюсова жена выложили изрубленное тело, сложили по порядку. Ученик взял, этим составом полил. Куски срослись. Вот он вынимает из кармана пузырек с каплями. А жена Брюсова вырвала у него пузырек, да хлоп! — объемь и разбила.

— Теперь,— говорит,— пускай Брюс Страшного суда ожидает — тогда воскреснет. Довольно,— говорит,— я помучилась за ним, бродягой, пососал он моей кровушки вволю.

А ведь брехала, потому что он не бил ее. А тут, видишь, такая вещь: она молодая, в ней кровь играет, а он старый. Она бесится, а он без всякого, может, внимания, потому что ему и без этого полон рот дела. Конечно, если правильно рассуждать, на что ему молодая жена? Но только она больше виновата: ведь видела, за кого ты выходила? Или тебе, чертовой лахудре, платком глаза завязывали, когда выдавали за Брюса? Но только у нас такого закона нет. А тут, видишь, простая штука: она думала, что через Брюса ей будет почет — дескать, народ станет говорить: «Вон идет волшебникова жена». А народу и дела до нее не было никакого. Действительно, самому Брюсу от всех почет и уважение, ну, многие и боялись. А Брюс с ней под ручку по бульвару не ходил на прогулку. Вот ее и брала досада,— вот в чем тут дело. А больше всего,— как она полюбила этого ученика, так и думала, что лучше его и на свете нет никого. Баба, и понятие у ней бабское.

И вот они вдвоем обрядили Брюса, в гроб положили и сговорились, как им брехать перед людьми. Вот она сейчас и подает известие:

— Головушка ты моя бедная!..— завыла, заголосила...

Ну, народ стал спрашивать:

— Чего это Брюсиха завыла?

Ну, пришли люди, посмотрели — лежит Брюс в гробу... Ну, которые-то и обрадовались: «А! — себе на думке.— Наконец-то черти забрали!» А все по глупости: думали, что он черту душу продал. А тут только наука была. А которые понимали, те жалели и спрашивают:

— Когда помер? От каких причин?

Вот Брюсиха и принялась разводить свою брехню:

— Только,— говорит,— вчера приехал больной, а нынче помер.

Народ и верит. Смерть свое время знает. Доложили царю. Только он не очень-то поверил, пошел сам посмотреть. Вот приходит. А жена Брюсова еще пуще принялась выть, на разные голоса выделывала. Тут Петр Великий сразу догадался, что тут дело неспроста. И думает себе: «Баба через меру воет, значит, тут есть подлость и обман». И увидел он ученика, посмотрел на него. Знает, что он ученик, но только такой вид показал, будто не знает его.

— Ты,— говорит,— за каким здесь делом? Что тебе здесь требуется?

А тот испугался и говорит:

— Я Брюсов ученик.

— Как ученик? — спрашивает царь.— Ведь у него старый ученик. Ты,— говорит,— врешь! Ты самозванец.

А ученик говорит:

— Да ведь я тот самый и есть, но только Брюс переделал меня на молодого.

Спохватился было, да уж поздненько. Петр и говорит:

— Ну-ка, расскажи, как он тебя переделал.

Нечего делать — надо рассказывать. Тут он и принялся говорить, да во всем сознался.

— Я,— говорит,— не виноват, а меня подговорила вот эта мадама,— указывает на Брюсиху.

А она оправдывать себя начала.

— Нет,— говорит,— ты врешь, поганый прощелыга, от тебя, жулика, все огни загорелись!

А ученик на нее все сваливает. А царь слушает и вникает. Слушал, слушал и говорит:

— Я вижу, вы два сапога пара. У вас,— говорит,— анафемов, совместный уговор был погубить Брюса. Ну,— говорит,— если совместный, так и награда вам будет совместная. Взять,— говорит,— их под арест!

И сейчас этому ученику и этой его любовнице белые ручки назад и потащили куда следует. После того Петр приказал, чтоб Брюса с большим почетом похоронили. Потом ученику и Брюсовой жене отрубили головы. Но только народ нисколько их не жалел.

— Собакам,— говорит,— и смерть собачья.

Так и пропали эти живительные капли. Петр поискал, как похоронили Брюса. Много пузырьков нашел, а как без Брюса распознаешь? Без хозяина и товар плачет... А если бы не погубили Брюса, так, гляди, сколько бы он переделал стариков на молодых...

(Записано в Москве в августе 1924 года, рассказывал уличный торговец яблоками Павел Иванович Кузнецов, уроженец Тверской губ.)

КНИГА ИМЕНУЕМАЯ БРЮСОВСКОИ КАЛЕНДАРЬ:
1. СОТВОРЕНИЕ СВЕТА: 2. ТАБЛИЦА ИСЧИСЛЕНИЕ ЛЕТЪ ПРАОТЕЦЪ: 3: СВЯТЦЫ. 12. МЦОВ ВЛИЦАХЪ. 4. ОЗНАЧЕНИЕ ПЛАНЕТЪ НАВСЯКИИ МЦЪ ПОДКОТОРЫМИ МЛАДЕНЦЫ РОДЯТСЯ. 5. СЕДМЬ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ. 6. ОПРАЗДНИЦЕХЪ ЯЖЕ КАЖДАГО ЛЕТА ПРЕХОДЯТЪ. 7. ЧЕТЫРЕ МИРА. 8. ФИГУРА ОСИЯНИИ ЛУНЫ. 9. НОВАЯ ТАБЛИЦА КРУГА ЛУННАГО. 10. ИСЧИСЛЕНИЕ ДОЛГОТЫ ШИРОТЫ. ИМЕНА ЗВЕЗДАМЪ. 11. ДЕИСТВО ОСОБНОЕ И ОБЩЕЕ. 12. ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ ДЕИСТВЪ НАВСЯКИИ ДЕНЬ. 13. ПРЕДЪ ЗНАМЕНОВАНИЕ ВРЕМЕНИ НА ВСЯКИИ ГОДЪ.

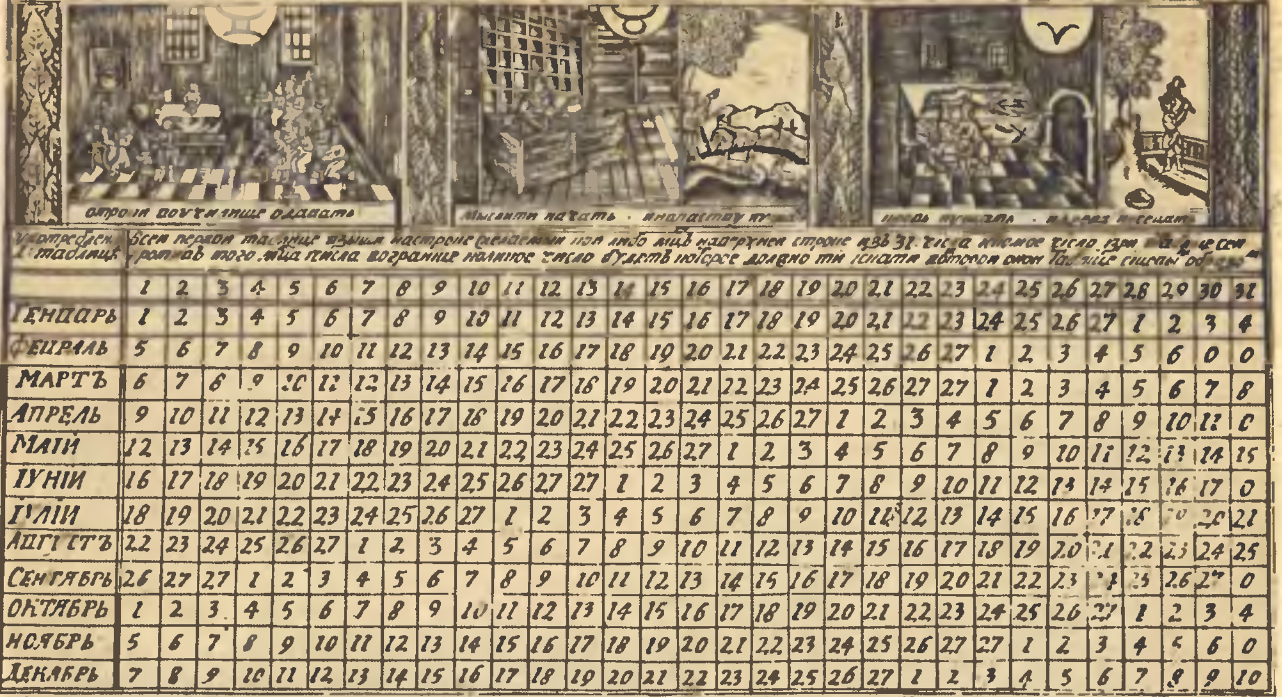
.Л4. 243

ТАБЛИЦА ИМЕЕТЪ ВЕРСТЫ КРОССИИСКИМЪ ГУБЕРНИЯМЪ ИГОРОДАМЪ. 15. ТАКТЪ КСАНКТПЕТЕРБУРГУ ИДОИНОСТРАНЫ ГОРОДОВЪ ДОЗНАТНЫХЪ МНТРЕИ ИДОИМПЕРАТОРСКИ ДВОРЦОВЪ И КОЛИКОЕ ЧИСЛО СОБОРОВЪ ИМНТРЕИ ИЦРКВЕИ 16. ДОЛГОТЫ ШИРОТЫ ПОГРАДУСОМЪ ЗНАТНЫХЪ ГОРОВЪ. 17. ЛАНКАРТА МОСКВСКАЯ 18. ЛАНКАРТА ПИТЕРБУРСКАЯ. 19. ГЕРБЪ РОССИИСКОИ ИМПЕРИИ СПРОЧИМИ.

20 ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ ВРЕМЕНИ НАВСЯКОИ ГОДЪ ПОПЛАНЕТАМЪ

ВЕНУСЪ. МЕРКУРИИ. ЛУНА.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ ДЕИСТВЪ НАКАЖДЫИ ДЕНЬ ПОТЕЧЕНИЮ ЛУНЫ ВЗОДИИ : 21



	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
ГЕНВАРЬ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	1	2	3	4
ФЕВРАЛЬ	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	1	2	3	4	5	6	0	0
МАРТЪ	6	7	6	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	27	1	2	3	4	5	6	7	8
АПРЕЛЬ	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	0
МАИИ	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
IУНИИ	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	27	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	0
IУЛИИ	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	[illegible]	20	21
АВГУСТЪ	22	23	24	25	26	27	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
СЕНТЯБРЬ	26	27	27	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	[illegible]	25	26	27	0
ОКТЯБРЬ	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	1	2	3	4
НОЯБРЬ	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	27	1	2	3	4	5	6	0
ДЕКАБРЬ	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10

НОВАЯ ТАБЛИЦА КРУГА ЛУННАГО НА 19 ЛЕТЪ И ПАКИ ОБРАЩАЕТСЯ НАПЕРВОЕ

фигура озарения солнца и луны

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТАБЛИЦЪ

III. Как Брюс с царем поссорился

Раньше Брюс жил в Петрограде, да царь Петр выслал его в Москву за одну его провинность: на царском балу, во дворце, он устроил насмешку. А эта насмешка такая. Приехал на этот бал Брюс, а уж был хватёмши, да мало-мало до настоящей припорции не доставало. Вот он подошел к буфету, взял бутылку вишневки и давай прямо из горлышка сосать. Сейчас лакузы *, разная эта шушера-мушера, побежали царю жаловаться.

— Брюс,— говорят,— пьяный напился и безобразничает: прямо изо всей бутылки наливку вишневую пьет, а тут дамский пол, генервлы...

Вот царь подходит к Брюсу и говорит:

— Ты это что же хамничаешь? Нешто рюмок нет, что ты из бутылки прямо тянешь? Ты вот,— говорит,— вместо того, чтобы охальничать, устроил бы какую-нибудь потеху, а гости посмеялись бы...

— Ну ладно,— говорит Брюс,— устрою тебе потеху.

И устроил. Понятно, с пьяных глаз...

Эта публика, разные там графы да князья, генералы, женский пол, эти барыни под музыку плясали-танцевали... Все одеты хорошо — все шелка да бархат,— одним словом, шикб... Вот Брюс махни рукой. И тут видят эти самые господа, которые по паркету кренделя выделывали, что на полу отчего-то стало мокро... По первому-то разу подумали, что беспременно грех с кем-нибудь случился... И-и пошло у них тут «хи-хи» да «ха-ха»... Но только видят — идет вода из дверей, из окон, падает с потолка... И завизжали, загорланили:

— Потоп! Потоп!

Они думали, что это петербургское наводнение, Нева из берегов вышла, весь город потопила. И началась тут потеха! Эти госпожи барыни платья задрали, а генералы да князья кто на стул взобрался, кто на стол, кто на подоконник... И все вопят, орут,— думают, что им конец подошел. Только царь знал, что это Брюс сделал отвод глаз, и кричит он ему:

— Брюс, пьяная морда! Брось свои штуки!

Вот Брюс опять махнул рукой — и смотрят все: нет никакой воды, везде сухо. Но только господа эти стоят на столах, на стульях, а барыни задрали подол... Тут все поняли, что Брюс над ними шутку подшутил, и стали жаловаться царю, дескать, Брюс на нас такую срамоту нагнал — разговор на весь столичный город Петербург выйдет. А Петр им говорит:

— Вы как веселились, так и веселитесь, а я с Брюсом расправлюсь.

Подозвал Брюса и принялся ему выговаривать:

— Нешто,— говорит,— я такую потеху приказывал делать? Ты,— говорит,— моих гостей осрамил.

А Брюс в ответ говорит царю:

— Не велика,— говорит,— штука — русский квас: копейка стакан! А что касается твоих гостей, то, по мне, они есть собрание сволочей.

Тут Петр осердился:

— Не смей,— говорит,— выражаться! Я,— говорит,— с улицы не собираю всякую сволочь. Ты,— говорит,— напился, ты пьян!

А Брюс смеется:

— Немножко,— говорит,— заложил за галстук. Но только,— говорит,— скажу, что пьяница проспится, а дурак никогда!

Тут Петр спрашивает:

— Так это, по-твоему, выходит, что я дурак?

А Брюс отвечает:

— Я тебя не ставлю в дураки, а только меня досада берет, что ты взял под свою защиту этих оглоедов.

Ну, слово за слово. В голове-то Брюса зашумело, он и наговорил много лишнего. Тут еще больше рассердился царь.

— Я,— говорит,— вижу, ты чересчур много о себе понимаешь: все у тебя дураки, одного себя ты умным выставляешь. Ну, ежели,— говорит,— все дураки, а ты один умный, то нечего тебе промежду дураков жить. Завтра поутру пришлю тебе подводу и отправляйся в Москву, живи в Сухаревой башне.

После такого приказа Брюс и отправился домой.

— В Москву, так Москву,— говорит Брюс.

А царь все-таки думал, что Брюс проснется и придет прощения у него просить. Только утром ждет — Брюс не приходит. Вот он сам к нему направляется... А Брюс забрал с собой свои книги, бумаги, подзорные трубы и все свои причиндалы, которые нужны по его науке, и сел в свой воздушный корабль. А у него такой корабль был, вроде как теперь аэропланы... Ну, сел в этот корабль. А Петр бежит и кричит:

— Стой, Брюс!

Только Брюс не послушал, надавил кнопку, корабль и поднялся. Взяло тут Петра большое зло, выхватил он пистолет — ба-бах! в Брюса... Но только пуля отскочила от Брюса и чуть самого царя не убила. А Брюс кричит с корабля:

— Ваши пули для нас ничего, а вот от ваших,— говорит,— мыслей вы покоробитесь!

И взвился корабль его птицей. А народ собрался, смотрит и крестится:

— Слава тебе, Господи,— говорит.— Унесли черти Брюса от нас.

Невежество, понятно. Ведь у этого народа какое понятие про Брюса было? За колдуна его почитали и думали, что он все болезни на людей насылает. Теперь дури в России много, а раньше еще больше было. Ну, только какое дело до этого Брюсу? Колдун? Ну и пусть. А он свой путь исправно на Москву направляет. И вот прилетел, закружился, как коршун, высматривает, где Сухарева башня стоит... Высмотрел и опустился. Тут полны улицы, полны площади народа... Кто радуется, а больше все ругают:

— Не было,— говорят,— печали, черти накачали: нелегкая Брюса принесла.

А Брюс принялся в башне работать. <...>

Вот стала царствовать Екатерина Великая. Докладывают ей насчет Сухаревой башни. Она говорит:

— Не я ее запечатывала и не мне ее распечатывать. А часовой,— говорит,— пусть стоит. Как,— говорит,— заведено, так пусть и будет.

Ну и другие цари такой же ответ давали.

Вот взошел на престол Александр Третий *. Был он на коронации в Москве. Едет осматривать город и проезжает мимо Сухаревой башни. Часовой встал на караул — честь отдает. Вот царь спрашивает генерала:

— А что хранится в этой башне?

А генерал отвечает:

— Не могу знать.

Царь приказал кучеру остановиться, выходит из коляски, спрашивает часового:

— Что ты, братец, караулишь?

— Не могу знать, ваше императорское величество,— говорит часовой.

Смотрит царь — висит замчище, может, фунтов в пятнадцать, и семь печатей сургучных со шнурами привешены. Стал спрашивать генералов — ни один не знает, что в этой башне хранится. Время-то прошло много, как она запечатана была. Которые знали, те давно поумирали, а новым эта башня без надобности. Вот царь требует ключ. Кинулись искать. А где его в чертях найдешь, когда его и в глаза никто не видел, какой он есть! Тут генерал объясняет:

— Это,— говорит,— по неизвестному случаю башня запечатана, а где находится ключ, тоже никому не известно.

Рассердился царь.

— Что за порядки,— говорит,— такие дурацкие: не знают, что в башне хранится! Тащи лом,— командует,— тащи молот! — Живо притащили.

Засунули лом... Только не поддается замок.

— Бей молотом! — командует царь. И принялись наяривать молотом по замку.

Насилу сбили с дверей. Ну, вот отворили дверь, входит царь, смотрит — все пусто кругом, стоят голые стены и больше ничего. Тут царь опять рассердился:

— Какого же,— говорит,— черта здесь караулили? Пауков, что ли? Только,— говорит,— это не такая драгоценность, чтобы из-за такой сволочи ставить караул!

Да тут пришло ему в голову постучать в стену. Постучал — слышит, будто отдает пустое место. Приказал позвать каменщика. Притащили их целый десяток.

— Выламывай стену! — приказывает царь.

Ну выломали. Смотрят — лежат книги, бумаги. Царь удивился.

— Что же это за архив такой секретный? — спрашивает. Генералы в один голос отвечают:

— Не можем знать!

Посмотрел царь, что напечатано,— ничего понять не может. Смотрели и генералы — тоже ни в зуб толкнуть. Посылает царь за профессорами. Набралось их много. Принялись разбирать. Уж как они ни старались, чтобы перед царем отличиться — ничего не выходит, не действует механизм!

— Это,— говорят,— какие-то неизвестные книги!

А царь сердится.

— Неужели,— говорит,— ни одного не найдется, который бы разобрал?

Тут говорят ему:

— Есть еще один старичок профессор: если он не разберет, так никто не разберет.

Послал царь за этим старичком. Привозят его. Как глянул, так сразу и сказал:

— Это,— говорит,— книги Брюсовы, и бумаги тоже его.

А царь и не знал, какой-такой Брюс был, и спрашивает старичка:

— А что за человек был Брюс, что его книги и бумаги беспременно нужно было замуровать в башню?

Старичок и говорит:

— А это,— говорит,— вот какой был человек: такого,— говорит,— больше не рождалось да и не родится.— И стал рассказывать про Брюса.

А царь слушает и удивляется.

— А ну-ка,— говорит,— почитай хоть одну книгу.

Вот старичок начал читать. Все слушают, а понять ничего не могут, потому что на каком-то неизвестном языке написано. Черт знает, что за язык! Царь говорит:

— Хоть ты и читал, а понять ничего невозможно.

Тут старичок и стал объяснять эти слова.

— Ладно, теперь я понял, в чем тут дело — это тайные науки. Только ты не читай их здесь, а поедем со мной — там мне одному прочитаешь.— И приказал забрать эти книги и бумаги, положить в коляску.

Взял старичка с собой и поехал. И где теперь эти книги, бумаги, где старичок — никто не знает, нет ни духу ни слуху.

(Записано в Москве 8 сентября 1924 года. Рассказывал старик печник Егор Алексеевич, фамилию не знаю.)

Легенды публикуются по текстам, хранящимся в ОПИ ГИМ (Ф. 134. Ед. хр. 196) и РГАЛИ (Ф. 1418. Оп. 1. Ед. хр. 5).

Предисловие и публикация
ВЕРЫ БОКОВОЙ

* То есть лакеи.

* Вариант называет царя Николая I-го Павловича.

Дорогой мой Придеспар

Обращаясь с просьбой к нашим читателям пополнить коллекцию имен, рожденных революцией, мы, честно говоря, не ожидали такой многочисленной и интересной почты. Оказалось, что граждане СНГ коллекционируют не только марки или монеты. Итак, продолжаем обзор читательской почты.

«Уважаемая редакция, примите несколько имен послеоктябрьских в дополнение к опубликованным в № 9—10 журнала за 1991 год.

Это имена людей, с которыми я был знаком:

Даздраперма — *да здравствует Первое мая*
Пофистал — *победитель фашизма Иосиф Сталин*
Придеспар — *привет делегатам съезда партии*
Револьд — *революционное движение*
Рожблен — *рожденный быть ленинцем*
Судаск — *стахановец-ударник, строитель коммунизма*
Рев и Люция — *слово «революция», разделенное для двойняшек.*

Женское имя **«Вилора»** *в вашей подборке натолкнуло меня на мысль, что упущен из виду массив надуманных фамилий. Например, женская фамилия* **Вилор** *(В. И. Ленин — организатор революции) — заглавная в известной повести Гранина. Я знал человека с фамилией* **Бужиторк** *— «будем жить при торжестве коммунизма». Ее придумали сироте в детском доме в 1942 году.*

Несколько лет я работал под началом редкой жертвы именобесия. Когда пятилетнего беспризорника замела чекистская облава, у него была только кличка. Поэтому соратники «железного» Феликса, сдавая урканчика в колонию, сочинили ему фамилию, имя и отчество — **Арменакий Зевсграфович Сучок**. *Имя отразило восточную внешность малыша. Отчество объединило мнения двух конвоиров, каждый из которых в меру своей начитанности хотел отразить обнаруженные пацаном достоинства и презрение к победителям. Фамилия же связана с тем, что при попытке бегства парнишка надкусил пролетарскую пятерню, пресекшую эту попытку.*

Все эти имена были выдуманы с 1926 по 1948 год. Однако последняя запись в истории болезни еще не сделана. В 1978 году мой сотрудник, находясь в здравом уме, назвал сына **Гоприод** *— горячо приветствую и одобряю (не помню только, что именно).*

С «эры Гайдара» вновь разгорелась эпидемия именотворчества. Пока это коснулось главным образом животных. В коридоре этажа НИИ, где я ежедневно пытаюсь работать, уже резвятся кот Минтай и пес Талон.

Л. Зверев (Санкт-Петербург)».

Лев Григорьевич Мордохович из Душанбе пополнил нашу копилку такими именами:

Дотнара — дочь трудового народа
Динэра — дитя новой эры
Медера — международный день работницы
Кина — коммунистический интернационал
Лениж — Ленин жив
Лагшмира — лагерь Шмидта в Арктике
Олор — одиннадцать лет Октябрьской революции
Персострат — первый советский стратостат
Пятывчетом — пятилетка в четыре года
Проля — пролетарская революция.

«Я знал **Чельнальдину** *(челюскинцы на льдине),* — написал нам Л. А. Котов из г. Балахна Нижегородской области. — *Вскоре Челе, как ее звали подростки, дали прозвище — Челядь. И пошло: «Ты не видел Челядь?», «Нравится мне эта Челядка». Сколько ненужных слез пролила эта симпатичная девчушка из-за своего нелепого имени...»*

«Имена, которые вы перечисляете в журнале, сегодня звучат комически, а порой и просто глупо.

А я вспоминаю времена своей юности и молодую черноволосую женщину, с которой вместе училась на рабфаке. «Моноля, Монолит»,— с какой любовью произносила она имя своего сына! Учиться! Легко дышать воздухом свободного мира! Выражением ее чувства и стало имя самого дорогого ей человека. **Монолит** *— несокрушимость, прочность, сила. Можно ли над этим смеяться?*

А еще есть имя **Каммира** *— коммунизм и мир. Его носит умная и красивая женщина, научный сотрудник...*

Можно ли отделять имя от судьбы, от времени?

Да, эпоха породила много новых имен. Но нынче она так осквернена, что эта скверна рикошетом попадает и на тех, кому с гордостью давались имена, рожденные временем.

Мне всегда горько видеть ухмылки, с которыми произносятся имена людей, заслуживающих самого глубокого уважения», — написала в редакцию Анастасия Васильевна из Москвы (фамилию не указала).

Что ж, мы согласны с автором письма. Разговор об именах затеяли вовсе не затем, чтобы лишний раз уколоть этих несчастных. Редкие имена — это лишь одно из доказательств той тенденции к разрушению всего старого, к чему стремились и в чем так преуспели наши одурманенные и ослепленные революционеры. Вот и страдали всю жизнь Тракторины и Алгебры. Только чего ради? Неужели ради индустриализации и научного прогресса, которые они вроде бы должны были олицетворять?..

В. В. Сидоровский сообщил, что в 30—40-е годы встречал много сверстников с именами вроде **Антенна, Коминтерн, Вэкапина** (производное от ВКП(б)).

Вторпят — вторая пятилетка
Вильонар — В. И. Ленин — отец народа
Леомарк — Ленин, Отечество, Маркс
Вильямс — В. И. Ленин — яркий мыслитель социализма
Рэксинд — ребенок эпохи коллективизации села, индустриализации.

Эти имена прислал в редакцию В. Смирнов из Ростова-на-Дону.

И закончим обзор читательской почты письмом одного из тех, кто на собственном опыте испытал все плюсы и минусы ношения экзотического «революционного» имени.

Обзор подготовила **Т. МАКСИМОВА**

Молодежный бал в Кремле. 1966.

РЕВОЛЕН МЕЗЕНЦЕВ,
журналист

Идеологические имена

Моя коллекция составлялась как бы сама собой, исподволь, чему способствовала журналистская работа. Неравнодушный к этимологии, в частности, к топонимике, я начал собирать эти редкие имена еще и потому, что сам был одарен при рождении таковым (пятеро в нашей семье, появившиеся на свет в 30-е годы, были наречены: **Октябрина, Полярий, Алимпиада, Револен, Владилен**).

У читателей может возникнуть естественный вопрос: удобно ли быть обладателем экзотического имени? За всех не скажу. Но знаю, что таким имяносцам жить гораздо проще, если они долгое время работают на одном месте, в одном коллективе. Сложнее тем, кто по роду работы постоянно общается с новыми людьми, у которых непривычное на слух имя вызывает искреннее удивление.

Папы и мамы, слепо следовавшие моде на имянаречение, к сожалению, не задумывались: а каково будет детям среди сверстников? Каково им будет, когда вырастут? Фантазию родителей дети исправляли потом сами. Многие еще в молодые годы постарались сменить свои необычные имена на простые русские. Другие видоизменяли их, например: Владилен — Владимир, Герой — Георгий, Гений — Геннадий, Леонора — Лена... Третьи же страдают и посейчас. Несколько лет назад одна из центральных газет опубликовала письмо женщины, которую звали Чельнальдина (челюскинцы на льдине). Натерпелась она из-за этого имечка не только в детстве и юности (попробуйте представить, как уменьшительно могли называть ее одноклассники: Челька? Налька? Динка?), но и будучи уже взрослой. Заканчивалось ее письмо вопросом: можно ли сменить имя? Можно ли «хотя бы в зрелые годы взять себе нормальное женское имя, скажем, Татьяна или Елена? Для меня это звучит как музыка...»

На демонстрации 7 ноября 1928 года. Москва.

Неуютно чувствуют себя сейчас и те, кого нарекли в память Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Октябрьской революции. Имена, которые они носили как ордена, которыми гордились, теперь невольно ассоциируются с негативными деяниями вождей и творцов революции.

Необычные имена неудобны еще и тем, что трудно запоминаются. Правда, если уж запомнились— не забываются. Как-то в дальней командировке познакомился я с человеком. Подивился он моему имени, а вечером, придя домой, поделился с женой. Жена же не удивилась. Спросила только: «Револен? А фамилия его случайно не Мезенцев?» — «Да-а... Откуда ты знаешь?» — «А мы с ним в детстве в одном доме жили...»

Есть, кстати, в моей коллекции и раритет — триединое наречение: **Сталина Марксовна Ленинская**.

Представляю вашему вниманию лишь часть своего собрания, куда не стал включать имена (или их варианты), уже упомянутые на страницах «Родины». Пояснения даю только непонятным или малопонятным именам.

Авангард
Алгебрина
Артака — артиллерийская академия
Баррикада
Бой
Большевик
Борьба
Велиор — Великая Октябрьская революция
Вилорик — В. И. Ленин — освободитель рабочих и крестьян
Вилорк — В. И. Ленин — организатор рабочего класса
Влагенолий — имя четвертого ребенка, составленное из имен первых трех: Владимир, Геннадий, Ольга
Вольтер
Вулканида — в память об извержении вулкана на Курилах, во время которого родилась девочка
Герой
Гипотенуза
Дазвсемир — «Да здравствует всемирная революция!»
Демократ
Диамара — диалектизм-материализм
Дизель, Дизелина
Дифференциал
Донара — дочь народа
Дрезина
Жорес — французский революционер
Ирндий
Истмат — исторический материализм
Кнопка
Комбайн
Коммунар
Красноармия — Красная Армия
Кувалда
Культбазник — культбаза (культурная база)
Ладжен — при чтении наоборот получается «не ждал» (отец ждал сына, а родилась дочка)
Ленгенмир — Ленин, гений, мир
Ленина
Ленора — Ленин — наше оружие
Ленсталь — Ленин, Сталин
Леунарт — Ленин — учитель народов
Маэнлест — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин
Мироктябрь — мировой Октябрь
Мэлор — Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция
Мэлс — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин
Мюнд, Мюда — Международный юношеский день
Непрерывка — в честь непрерывной разливки металла
Нисерха — Никита Сергеевич Хрущев
Облигация
Одвар — Особая Дальневосточная армия
Полиграф
Райтия — районная типография
Рев — революция
Ревмира — революция мировая
Рим — революция и мир
Ромина — родная мамина надежда
Рэм — революция, Энгельс, Маркс
Рэмо — революция, электрификация, мировой Октябрь
Рэтик — революция, электрификация, техника, интернационал, коммунизм
Рэф — революция, электрификация, федерация
Серпимолот — серп и молот
Совнарком — Совет Народных Комиссаров
Сопромат — сопротивление материалов
Танака — Танковая академия
Трактор, Тракторина
Трибунал
Цас — центральный аптечный склад
Эвпол — эра великих полетов
Элем — Энгельс, Ленин, Маркс
Юнком — юный коммунист

ПОД ЗНАКОМ ПЕГАСА

Менее трех лет отделяют нас от знаменательной даты в истории мировой культуры — 100-летия кинематографа.

Кто-то из мудрецов сказал, что прошлое не могут вернуть даже боги. Боги не могут, а братья Люмьер, изобретатели кино, пусть на полотне экрана, но воскресили ушедшее в его зримых, динамичных формах. Удивление перед мощью кинематографа, великого искусства XX века, не ослабевает и в наши дни. Об этом хорошо сказал С. А. Герасимов: «Кинематограф — удивительнейшее из всех искусств хотя бы уже потому, что оно вбирает в себя все без исключения искусства, множа их на мощь современной техники».

Из многочисленных кинопредпринимателей, начинавших синематограф в России, воспоминания оставил один, самый достойный, — Александр Алексеевич Ханжонков, которому отечественный кинематограф так многим обязан.

Сегодня, предлагая читателям одну из глав его воспоминаний, хотим кратко обозначить основные вехи его биографии.

Родился Ханжонков в 1877 году в деревне Ханжоновка, области Войска Донского, в семье отставного казачьего офицера, обедневшего помещика Алексея Петровича Ханжонкова, от его третьей жены Прасковьи Сергеевны. До замужества она успела закончить институт и была приглашена Алексеем Петровичем гувернанткой к его сыну Сергею.

По семейной традиции А. А. Ханжонков получил блестящее военное образование, окончив в 1896 году юнкерское училище в чине подхорунжего, после чего был принят в один из лучших донских казачьих полков, расквартированных в Москве. Через год, двадцати лет, он был произведен в офицеры.

К этому времени относится его первая встреча с кинематографом.

Его сводный брат Сергей, будучи в 1896 году в Париже, побывал на киносеансе братьев Люмьер. Зрелище «живой фотографии» его так поразило, что он решил купить кинопроекционный аппарат с фильмами.

Для Александра Алексеевича Ханжонкова знакомство с кинематографом стало «любовью с первого взгляда», его судьбой на всю жизнь, где он проявил все свои способности, как организационные, так и творческие, культуру, широту знаний.

В начале 1911 года в прессе появилось сообщение: «С высочайшего соизволения Его Императорского Величества государя императора фабрикант русских кинематографических картин, состоящий в запасе по Войску Донскому, есаул Ханжонков, приступает к съемкам грандиозной батальной картины «Осада Севастополя».

Фильм был выпущен в прокат под названием «Оборона Севастополя» и стал первой отечественной полнометражной картиной.

Столь сложная в постановочных решениях картина потребовала больших финансовых вложений. В кинематографе это порой сопряжено с большим риском, но Ханжонков умел рисковать!

Вот свидетельство одного из операторов фильма «Оборона Севастополя» Луи Форестье: «В случае провала «Обороны Севастополя» Ханжонкову грозило полное разорение, вплоть до закрытия дела. Несмотря на это, он рискнул

С началом своей кинематографической деятельности в 1906 году А. Ханжонков неоднократно выезжал за рубеж (Германия, Франция, Италия) с целью установления контактов с зарубежными кинофирмами. Таким увидел Ханжонков в те годы синематограф Германии...

втрое превысить сметную стоимость, все время поддерживал съемочный коллектив в бодром, оптимистическом настроении и этим немало способствовал успешному выполнению задачи. Успех картины подтвердил правильность намеченного Ханжонковым пути развития отечественного кинопроизводства».

Среди исторических картин тех лет успех «Обороны Севастополя» оказался непревзойденным.

От фильма к фильму рос авторитет фирмы «Ханжонков и К°».

Ханжонкову принадлежит честь предоставления первого слова с экрана Евгению Бауэру и Владиславу Старевичу, крупнейшим режиссерам русской дореволюционной кинематографии, у него дебютировали звезды первой величины российского экрана Вера Холодная и Иван Мозжухин, он первым среди русских кинопредпринимателей занялся производством научно-популярных, документальных и мультипликационных фильмов, несмотря на то, что они были убыточны.

Все, знавшие А. А. Ханжонкова, отмечают его порядочность, огромную энергию, чутье на талант, его влюбленность в кинематограф. Актер Иван Перестиани, поставивший в 20-х годах знаменитый фильм «Красные дьяволята», так характеризует атмосферу, царившую в фирме «Ханжонков и К°»: «Выпуск каждой картины был общей радостью, и дружелюбие в производстве было таким светлым и чарующим, что я буквально не верил глазам и ушам... Могу с гордостью засвидетельствовать, что рубли, платившиеся весьма щедро, были где-то далеко, на заднем плане, разговоров о них не вели, во главу дела их не ставили, и никто им не молился. Равно как никто не шептался по углам и никто не злословил друг о друге...»

В 20-х годах А. А. Ханжонков работал консультантом «Госкино», заведующим производством «Пролеткино», но давняя болезнь прогрессировала, и он вынужден был уйти на пенсию. Теперь он занялся литературной деятельностью, результатом которой стала книга «Первые годы русской кинематографии», изданная только однажды, в 1937 году, тиражом 5000 экземпляров, в значительно усеченном виде.

Мемуары А. А. Ханжонкова написаны человеком, которому было что вспомнить, написаны они живо, увлекательно. За каждой строкой ощущается, что кинематограф для автора был делом всей жизни, истинным призванием. Сколько здесь важных фактов, точных деталей о фильмах и людях, стоящих у истоков отечественной кинематографии, о тех, кто своим талантом и одержимостью превращал аттракцион, каким был синематограф при своем появлении, в великое искусство. Скованный тяжелым недугом, преодолевая его, Ханжонков диктовал свои воспоминания жене. Низкий ему поклон за все, что он сделал для отечественной кинематографии, и наша благодарная память.

МАРК ВОЛОЦКИЙ,
киновед

АЛЕКСАНДР ХАНЖОНКОВ

В прокате — «1812 год»

Я купил на Житной улице участок земли со старыми домишками, которые можно было расценивать только как строительный материал.

На этот участок я перенес ателье из Крылатского, чтобы отныне работать круглый год.

Работы, начатые ранней весной, велись усиленным темпом и к июню 1912 года были уже закончены.

«Бр. Пате» также приступили к расширению своего съемочного фонда; фирмой был заарендован у Тверской заставы большой автогараж, а под лабораторию перестраивался находящийся поблизости трехэтажный дом. До этого фирма «бр. Пате» обходилась небольшой лабораторией. Автогараж превратился в театр для съемок.

Мне предстояло помериться силами с крупнейшей европейской фирмой.

Я не терял времени даром. Зима 1912 года была мною использована для съемки «снежных» сцен к двум большим картинам — «Жизнь за царя» по оперному сюжету и «Наполеон в России» по специальному сценарию.

Юбилейной картиной «1812 год» должен был начаться сезон в 1912—1913 годах, а потому на эту постановку было обращено особое внимание. Были засняты разные сцены в окрестностях Москвы с участием большого количества солдат, изображавших отступление великой французской армии. Была интересно задумана и выполнена сценка, в которой волки поедали отставших французов. Для исполнения этой сцены наш неизменный режиссер Гончаров вступил в переговоры с В. Дуровым, только что обосновавшимся в своем «уголке» на Божедомке. В. Дуров разрешил заснять его волков в ролях, исполненных их предками ровно сто лет тому назад. Когда соглашение было достигнуто, на Божедомке, в «дуровском уголке», была организована эта рискованная съемка: на снегу, в разных позах, были усажены и положены прекрасно сделанные манекены французских солдат, причем под мундиром каждого из них находился большой кусок сырого мяса. Оцепленные двойным кругом

охранителей, находящихся вне поля зрения аппарата, волки исполнили возложенные на них роли превосходно: они с большой осторожностью и опаской приблизились к группе манекенов — запах мяса привлекал их неудержимо. Волки были голодны, так как накануне их не кормили. Обнюхав издали приманку и, вероятно, убедившись в ее безвредности, они яростно набросились на беззащитных «французов» и начали зубами и когтями разрывать на них одежду, чтобы поскорее утолить свой голод. Когда все это было заснято, волков благополучно загнали в клетки.

Летом 1912 года мы продолжали съемки нашей юбилейной картины. Летом съемки шли интенсивнее, чем зимой. Группы «французов наполеоновских времен» появлялись то на улицах города, то в дачных окрестностях Москвы, то в самом Кремле. Кинематографическая пресса посвящала нашим съемкам целые статьи и даже стихотворения, а общая пресса занималась критикой исторической правдоподобности изображаемых событий и сходства грима и наружности актеров со всеми известными деятелями Отечественной войны.

Вследствие всего этого интерес к юбилейной картине был возбужден чрезвычайно. Особенную сенсацию вызвали анонсы о том, что картина «1812 год» будет выпущена под соединенной маркой: «Пате и Ханжонков».

Дело в том, что в постановках фирмы «бр. Пате» преобладали сцены декоративные, поставленные главным образом по живописным произведениям наших великих мастеров. Таковы были сцены: «Наполеон на Кремлевской стене», «Военный совет в Филях» и т. д. В постановках же нашей фирмы преобладали массовые сцены с участием войск. Кроме того, мы были обладателями хороших зимних сцен, снятых на натуре, а без них юбилейную картину вряд ли можно было бы назвать исторической.

Эти обстоятельства и заставили директора фирмы «бр. Пате» — Гаша вступить со мною в переговоры. Я дал согласие на совместный выпуск картины.

Выпуск юбилейной картины совместно с «бр. Пате» вызвал нарекания со стороны приверженцев русской кинопромышленности, усмотревших в этом акте «сдачу некоторых позиций» иностранной торговле.

«Патриоты» не учитывали того, что совместное выступление с крупной фирмой под общей маркой как в России, так и за границей необыкновенно поднимает престиж Торгового дома «А. Ханжонков и К°», и я, будучи убежден в этом, очень хладнокровно относился к нападкам «патриотов», пока не услышал упрека от лица, пользующегося в моих глазах большим авторитетом, — А. С. Вишнякова.

Вишняков был несменяемым председателем правления Купеческого общества взаимного кредита и попечителем основанного им Коммерческого института.

Вишняков был моим старым и хорошим знакомым, на его глазах прошла вся моя «кинокарьера», со всеми ее успехами и неудачами.

Ему я откровенно признался, что, помимо соображений «престижного» характера, меня на это соглашение вынудило пойти отсутствие у фирмы достаточных средств, необходимых для осуществления ответственной постановки.

Услышав такой неотразимый аргумент, Вишняков посоветовал мне привлечь к делу русский капитал.

Он собственноручно написал около трех десятков писем, обращенных к избранным им, совместно со мною, капиталистам и промышленникам Москвы с предложением «вступить в акционеры общества, учреждаемого пионером русской кинопромышленности А. А. Ханжонковым». В конце письма он указывал, что, зная превосходно и состояние дела, и его руководителя, он, Вишняков, уже вступил в число акционеров.

Письма я поручил развезти лично по назначению В. М. Гончарову, называвшему себя, после успеха «Севастополя», «чиновником особо важных поручений». Почти у каждого из лиц, «делающих погоду» на бирже, он встречал недоуменный вопрос: «Как, вы хотите, чтобы я вступил в синематографическое дело? Это, видимо, какое-то недоразумение». Но когда Гончаров вручал соответствующее письмо, то настроение мгновенно менялось, и адресат охотно подписывался на предложенную ему сумму.

Суммы, по масштабам адресатов, были совсем ничтожными (пять или десять тысяч). Крупных пайщиков Вишняков не советовал мне набирать, и я охотно последовал его совету.

В течение двух-трех недель весь привлекаемый капитал в 250 тысяч рублей, равный оценке имущества Торгового дома, был расписан без остатка, и устав «акционерного синематографического общества» был послан на «высочайшее утверждение».

Имущество Торгового дома представляло солидную величину: кроме недвижимости на Житной улице, оно заключалось также в ценном оборудовании фабрики, двух ателье и научном отделе, а после приобретения прокатных контор — в тысячах метров рабочего негатива, десятках тысяч метров иностранного отдела, сотнях тысяч метров картин, находящихся в прокате, и в миллионах метров картин на складе.

Акционеры, собравшиеся на учредительное собрание, мало понимали в кинематографии, но они прекрасно осознали, что фирма, имеющая около десяти представительств лучших заграничных кинофабрик и выпускающая свои недурные картины, имеет данные на ведущую роль в России, а потому единогласно утвердили объявленную оценку в 250 тысяч рублей.

Когда официальная часть закончилась, новым акционерам было показано несколько картин, назначенных к выпуску. Прощаясь, акционеры благодарили Вишнякова за привлечение их к такому интересному делу, а мне сказали, что я очень скромно оценил свое дело: в их коммерческом мире подобное предприятие при акционировании было бы расценено вдвое, а может быть, и втрое дороже.

Итак, 8 сентября 1912 года начало функционировать Акционерное общество «А. Ханжонков и К°», с капиталом в 500 тысяч рублей.

По существу ничто не изменилось, так как я был избран председателем правления и, кроме того, приглашен на должность директора-распорядителя.

Жена моя также была избрана в члены правления, но не потому, что была близким мне человеком. По отзывам всех сотрудников нашей фирмы она была активным работником в деле и хорошо его знала, участвуя во всех стадиях его развития. Специальностью своей она избрала художественную часть и работала с

энтузиазмом, разрабатывая с режиссерами сценарии, следя за правильностью съемок и т. п.

Она была моим незаменимым помощником, так как я был перегружен делами коммерческими, организационными и принужден был часто отлучаться в поездки по России и за границу.

В кинематографии в то время считалось естественным преувеличивать на словах и в рекламах капиталы, вложенные в дело, поэтому никто не верил большим цифрам, обозначенным на объявлениях некоторых фирм. Однако вскоре стало широко известно о притоке наличных денег в нашу и без того достаточно боеспособную фирму, и тут началась ожесточенная борьба с конкурентами по всем фронтам.

«Пате», «Тиман», «Пендрие», представитель фирмы «Эклер» монополизировали продажу картин в крупнейших районах. Это было в сентябре 1912 года, а в ноябре «Пате» уже счел для себя невозможным обходиться полумерами и официально объявил об открытии прокатного отдела, назначив его директорами Я.О. Щигельского и И.Н. Ермольева, покинувшего к этому времени своих компаньонов в Ростове-на-Дону.

В это время наше Акционерное общество уже развернуло следующие отделения по прокату: Москва, Петербург, Харьков, Саратов, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Баку. Кроме того, я принял меры к тому, чтобы обосноваться и в других районах.

Конкуренции в прокате сопутствовала конкуренция в производстве. Желая улучшить качество картин, мои конкуренты стали заботиться о привлечении писателей в кинематографию. Фирма «бр. Пате» подписала договоры о написании сценариев с писателями: Анатолием Каменским, Арцыбашевым, Архиповым, Соломенским и Юшкевичем.

Я не отставал от своей французской соперницы и немедля подписал договоры с Аверченко, Дымовым, Федором Сологубом, Тэффи, Цензором, Амфитеатровым, Чириковым, Куприным, Маныч-Тавричанином, Леонидом Андреевым, Лазаревским, А. Маром, Рославлевым и Василевским.

Для того чтобы укрепить связь с писательским миром, мы решили издавать юмористический журнал кинематографии под названием «Пересмешник». Связь с писателями принесла нам большую пользу. Мы создали отдел при фабрике, занимавшийся специально сценарным делом. Это был первый литературный отдел в русской кинематографии. Заведующим его вначале был писатель Маныч-Тавричанин.

За 1911—1912 годы фирма наша расцвела и окрепла. Огромные доходы от иностранного отдела позволяли строить фабрики, открывать новые отделения, но для работы в них требовались люди, кинокадры, а их было очень мало.

Для коммерческой и административной работы подобрать работников было нетрудно. Но для художественных постановок людей не хватало. Приходилось доверять постановки случайным некультурным людям, так сказать, режиссерам «милостью божьей». Легче было найти операторов. Их можно было пригласить из-за границы — так было с Форестье и Мюллертом — или обучить операторскому искусству способного фотографа. (Разница между фото- и киносъемками в то время была не так уж разительна.) Но режиссеров приходилось выискивать всяческими способами. Режиссеры театров тогда еще гнушались киноработой, и приходилось привлекать людей, проявивших себя чем-нибудь в области изящного вкуса и подающих какие-либо надежды, приходилось рисковать и временем, и средствами<...>

Успехи нашей фирмы разжигали конкуренцию. Особенно страстно боролась фирма «бр. Пате». В ответ на мультипликационные картины Владислава Старевича французская фирма сняла картину «Война зверей».

Наши научные картины тоже вызывали подражание.

Научным отделом нашего Акционерного общества была выпущена в 1912 году картина «Пьянство и его последствия». Она была поставлена под руководством заведующего работами научного отдела А. Л. Дворецкого при консультации и под наблюдением докторов медицины: Ф. А. Андреева, А. П. Коровина, В. Я. Канель, а также приват-доцентов Московского университета: П. Н. Бернштейна, Т. И. Вяземского и М. Н. Шатерникова.

В картине фигурировали жертвы алкоголя, снятые на Хитровом рынке. Узнав о выпуске «Пьянства», фирма «бр. Пате» в декабре 1912 года выпустила картину на аналогичную тему, назвав ее «Пасынки судьбы», снятую на том же Хитровом рынке. В рекламе значилось, что в картине участвуют герои Максима Горького.

...Сезон 1913—1914 годов отличался необыкновенным наплывом иностранной кинопродукции на русский рынок: в одной Москве было представлено более полусотни заграничных фабрик.

И вот через всю эту толщу осевших на рынке заграничных картин русская кинопромышленность пробивалась своими первыми ростками. Несмотря на то, что в количественном отношении ее продукция составляла не более одной десятой доли всех проходящих картин, она играла на рынке большую роль: без русских картин уже не могло существовать ни одно прокатное дело, без русских картин ни один кинематограф не мог стяжать себе приличной репутации.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ПОПЕЧИТЕЛЬ

Золотая медаль за вечерние снимки 1899 г.

Крестъ румынской Короны 1900 г.

Персидский орденъ Льва и Солнца 1901 г.

В личном деле знаменитого петербургского фотографа Карла Буллы хранятся документы, свидетельствующие еще об одном проявлении таланта и души этого человека — купца II гильдии, почетного потомственного гражданина, активного сотрудника Попечительства императрицы Марии Федоровны.

1 августа 1904 года Карл Булла был утвержден в должности помощника попечителя школы-фермы колонии глухонемых в деревне Мурзинке, располагавшейся по Шлиссельбургскому тракту. Тогда же ему пожаловали золотую медаль на Аннинской ленте и разрешено было носить форменную одежду Попечительства. Так были отмечены труды фотографа-благотворителя, бесплатно делавшего прекрасные «снимки с самого начала основания школы-фермы в Мурзинках разновременно».

В начале XX века учреждения Попечительства открываются по всей России, где, по переписи населения 1897 года, насчитывалось около 200 тысяч глухих людей (из них — до 40 тысяч детей), а в государственных и частных учебно-воспитательных заведениях обучалось и лечилось менее 1800 человек. Тогда же в Петербурге были открыты Педагогические курсы для подготовки преподавателей школ глухонемых, школа девочек и мастерские для мальчиков, дом призрения глухонемых женщин. Под Петербургом, в Мурзинке, на

Иконостас домовой церкви святого апостола Филиппа в Мариинской школе. 1906.

На ферме. Обучение доению коров. 1906—1907.

Воспитанники и учителя колонии: в центре — протоиерей К. В. Попов и директор Мариинской школы профессор Н. Н. Лаговский. 1913.

землях, отданных для благотворительных целей генерал-адмиралом А. С. Апраксиным еще в 1882 году, были построены мастерские, школа-ферма, учебная прачечная, лазарет, баня и Мариинская школа, образовавшие колонию глухонемых. В Сестрорецке открылся приют для мальчиков 12—16 лет; заработала школа глухонемых в Лесном корпусе, в Нарве на Смолке — школа-приют для обучения девочек сельскому хозяйству. И везде побывал со своим фотоаппаратом Булла, оставив отменные негативы. Фотоработы его как бы ложатся на архивные материалы, оживляя и комментируя их.

Сегодня ничто уже не напоминает о колонии глухонемых в нынешнем Прототипном переулке, только фотографии Буллы позволяют увидеть здания мастерских и Мариинской школы, возведенной по проекту архитектора Н. А. Претро (1871—1937), удостоенному премии Академии художеств. «Простой внешний вид здания в данных условиях, — писал М. В. Аничков, современник Буллы и Претро, — является достоинством... ибо Мариинская школа должна служить по своему назначению образцом для таких школ, которые должны возникнуть во всех концах нашего отечества. Оштукатуренные и выкрашенные белой клеевой краской стены не имеют никаких украшений; ничего затейливого в фасаде нет, да и не должно быть, так как здание с подобным на-

Учебная пасека. 1907.
Урок в классе дактилологического отделения. 1908.
Воспитанники на кухне Мариинской школы. 1914.

значением не должно иметь вида ни богатого дома, ни загородной виллы. Зато внутри масса света и воздуха производит поистине радостное впечатление, в особенности по сравнению с несколько темноватыми внутри и угрюмыми снаружи мастерскими».

В здании школы была устроена домовая церковь, освященная во имя святого апостола Филиппа. На снимках Буллы мы видим иконостас церкви, устроенный на пожертвования членов Попечительства, настоятеля церкви и законоучителя протоиерея К.В. Попова (1875 — после 1914), директора школы — специалиста по воспитанию и обучению глухонемых профессора Н.И. Лаговского (1862 — 1933).

Работа Буллы в Попечительстве не ограничивалась только фотографированием. Он занимался и обучением фотографии тех мальчиков, которые проявляли к этому интерес. И хотя среди мастерских Попечительства фотомастерской не значилось, в аттестатах некоторых выпускников можно увидеть запись о получении профессии помощника фотографа.

АРКАДИЙ ВЕКСЛЕР, *краевед*
(Санкт-Петербург)

В публикации использованы материалы Российского государственного исторического архива и Петербургского архива кинофотодокументов.

Фотографии подготовил фотомастер Борис Аркадьевич Лепп.

Группа воспитанников колонии перед зданием мастерских. 1908 (здание сохранилось с незначительными изменениями).

Попечители и воспитатели с группой учащихся у здания школы. 1905—1907.

Вид колонии глухонемых с Прогонной улицы (деревянное здание общежития не сохранилось, 1907).

Сдано в набор 09.02.93 г. Подписано к печати 11.03.93. Формат 84×60 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 120 000 экз. Заказ № 123. Цена в розницу договорная, 5 руб. по подписке.

Адрес редакции: 121877, Москва, ул. Новый Арбат, 19. Телефон: 203-60-25

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24